

Тамара Эйдельман

КАК РАБОТАЕТ ПРОПАГАНДА

*РА
ПРО*

*РА
ПРО*

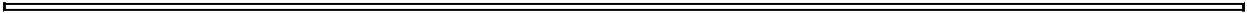

Annotation

Тамара Эйдельман, учитель истории с тридцатилетним стажем и популярный лектор, исследует истоки и состояние пропаганды. На примерах из разных стран и столетий она показывает, как ангажированные медиа влияют на общественное мнение, как устроены типичные пропагандистские приемы и как следует читать новости в эпоху постправды.

- [Тамара Эйдельман](#)
- [Вступление](#)
- [Часть 1. «Мы» — «они»: образ врага](#)
 - [Глава 1. Нет никого ужаснее наших врагов](#)
 - [Глава 2. «Они» другие](#)
 - [Глава 3. Чужой среди своих](#)
 - [Глава 4. Классовые враги](#)
 - [Глава 5. «Американка гадит»](#)
 - [Глава 6. Кемерово](#)
- [Часть 2. Патриотическая](#)
 - [Глава 7. «Россия — родина слонов»](#)
 - [Глава 8. Рождение героя](#)
- [Часть 3. Как это работает](#)
 - [Глава 9. Принципы Геббельса](#)
 - [Глава 10. Как в это можно поверить?](#)
 - [Глава 11. «Все очень просто: слова»](#)
 - [Глава 12. Лучше один раз увидеть](#)
- [Заключение](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

Тамара Эйдельман
Как работает пропаганда

Вступление

«Если собака кусает человека — это не новость, если человек кусает собаку — это новость». Эти слова приписывают разным людям, и, конечно, не случайно — за последние несколько столетий их могли бы сказать многие.

Новости сначала читали в газетах, потом слушали по радио и смотрели по телевизору, теперь читают, слушают, смотрят в интернете — и они, начиная с XIX века, играют все бóльшую и бóльшую роль в нашей жизни. Говорят, что богатство Ротшильдов произошло от того, что Натан Ротшильд раньше всех успел узнать о поражении Наполеона и по дешевке скупил британские ценные бумаги, пока все пытались от них избавиться.

Вовремя преподнесенные новости могут способствовать началу войны или, наоборот, поднять борьбу за мир; уничтожить репутацию уважаемого человека или прославить никому не известных людей. Про британского магната Альфреда Хармсворта (одного из претендентов на авторство фразы о собаке), чьи газеты перед Первой мировой войной разжигали антинемецкие настроения, говорили, что «после кайзера он сделал больше, чем кто-либо из ныне живущих, для приближения войны». Уотергейтский скандал, раскрытый журналистами «Вашингтон пост», привел к отставке американского президента Ричарда Никсона. Примеры можно приводить бесконечно.

Чем больше развивались технические возможности сообщения людям новостей, тем большее количество читателей/слушателей/зрителей можно было охватить своим влиянием. В XVI—XVII веках первые газеты были доступны немногим — тем, кто мог себе позволить их купить и к тому же прочитать. Но уже кардинал Ришелье, раньше других оценивший значение пропаганды, понял, что для укрепления королевской власти нужны не только мушкетеры или гвардейцы. Великий кардинал стал специально привлекать литераторов, поддерживал их, приплачивал, поощрял их творчество. Естественно, предполагалось, что за это они должны будут высказываться в том духе, который был нужен их покровителю. В противном случае... Ну, ничего страшного не происходило, но критика, уже процветавшая в то время, вполне могла вдруг дружно наброситься на вольнодумца — разумеется, «исключительно по художественным соображениям». Ришелье поддержал идею создания Французской академии — и сегодня одного из самых уважаемых французских культурных

институтов, занимающегося выработкой стандарта французского языка. Когда критики обрушились на пьесу Пьера Корнеля «Сид», Ришелье увидел в этом сугубо литературном скандале возможность увеличить влияние «своей» Академии, которая с тех пор часто выступала арбитром в литературных спорах и приобретала все большее и большее влияние.

С 1631 года в Париже начинает выходить La Gazette — тираж ее составлял 1200 экземпляров, что для того времени было необычайно много. Ее основатель Теофраст Рендо получил привилегию от Ришелье — «право печатать и продавать всем, кому он посчитает нужным, новые газеты и рассказы обо всем, что произошло и происходит как внутри, так и за пределами королевства, доклады, текущие цены на товары и другие публикации». Кардинал лично присылал ему те документы, которые считал нужным донести до широкой публики. Целое бюро переводчиков готовило к изданию новости о происходившем в других странах. Но Рендо быстро понял, что на одной политике не заработаешь, и начал публиковать развлекательные материалы и частные объявления.

В XIX веке газеты стали уже доступны очень многим, сотни мальчишек-газетчиков бегали по улицам Парижа, Лондона, Берлина, звонко выкрикивая новости. Новость стала товаром, приносящим деньги и власть. Один английский историк сказал о Хармсворте: «Грамотно используя новости, он мог уничтожить кого угодно. Он стремился не к влиянию, а к власти, и в конце концов лишился и того и другого». Но прежде, чем влияние (или власть?) Хармсворта ослабеет, он будет возвеличивать одних и губить других. Публикации в его газетах о ходе военных действий и готовности Великобритании к войне в 1915 году обрушили министерство Генри Асквита, а в 1916-м помогли стать премьером Дэвиду Ллойд-Джорджу. Влияние его прессы было настолько велико, что к тому месту на побережье, где находился дом Хармсворта, немцы отправили броненосец в надежде избавиться от всемогущего журналиста.

Но если новости — это власть, то значит, их можно использовать для борьбы со своими противниками или для возвеличения какой-либо политической силы. Правители, политики, партии быстро поняли, как важно вовремя оказаться на первой полосе газеты или в телевизионном шоу в прайм-тайм. Они оценили, каким мощным оружием стала пресса для пропаганды своих идей и критики чужих.

Если новости — не только власть, но и деньги, то как повысить на них цены? Как привлечь внимание именно к своим новостям? Если сегодня никто не кусал собаку, то, может быть, придумать такую историю? Конечно, исключительно в благих целях. Если на самом деле человек пнул

собаку ногой, то, может быть, стоит чуть-чуть, ну совсем немножко, подправить историю?

Так начинается борьба за читателя. Джеймс Гордон Беннетт — старший и младший, отец и сын, хозяева газеты «Нью-Йорк Геральд», многому научились сами, методом проб и ошибок. В 1861 году тираж газеты составлял 84 тысячи экземпляров, и издатели с гордостью называли ее «самой широко продаваемой газетой в мире». Не исключено, что так оно и было. Беннетт-старший сказал, что задача газеты — «не воспитывать, а удивлять и развлекать». И понеслось.

Их газета писала о скандалах и сплетнях, одной из первых начала использовать иллюстрации и платить журналистам за расследования. Именно Джеймс Гордон Беннетт — младший отправил Генри Стэнли в Африку на поиски пропавшей экспедиции Давида Ливингстона.

Новостные поводы отыскивают, откапывают, на худой конец придумывают. Новости всем нужны. Их слушают, смотрят, читают, обсуждают. Ими промывают мозги. Их используют в самых разнообразных целях — чтобы заработать денег, чтобы добиться тех или иных политических целей, чтобы прославиться самим, чтобы опозорить других.

«Знание — сила» — повторяем мы уже много веков вслед за Фрэнсисом Бэконом, обычно подразумевая под этим необходимость хорошо учиться. «Информация — сила» — все чаще говорят в нашем информационном обществе. Кофи Аннан, генеральный секретарь ООН, заявил: «Знание — сила. Информация приносит свободу». А вот американская феминистка Робин Морган сказала: «Знание — сила, информация — сила. Засекречивание либо утаивание знания или информации может быть проявлением тирании, замаскированным под смирение». «Если вы контролируете информацию, вы можете контролировать людей», — пришел к выводу писатель Том Клэнси. А писательница Этель Уоттс Мамфорд высказалась куда циничнее: «Знание — сила, если ты знаешь что-то о нужном человеке». Социолог Роберт Стотон Линд подошел к этому вопросу с другой стороны: «Знание — сила, только если человек знает, на какие факты ему не надо тратить время». Очевидно, он имел в виду просто правильный отбор информации. А что, если этот отбор совершают за нас журналисты, идеологи, власти? Те самые, что контролируют информацию, чтобы контролировать людей?

Удивительным образом способы контроля над информацией очень мало меняются с течением времени. Развиваются технические средства — это безусловно. Но сами способы подачи фактов, их изложения — правдивого или лживого, манипуляции ими — а значит, и нашим

мышлением, — почти не меняются от века к веку. И чем лучше мы будем понимать, каким образом используют информацию те, кто нам ее сообщает, тем больше у нас будет возможностей противостоять тому, что нам хотят навязать, и тем легче нам будет сформировать собственное мнение. Знание — сила. Информация — сила. Искаженная информация — страшная разрушительная сила. Оставим за собой право разобраться самим, кто кого укусил — человек собаку или собака человека.

Часть 1. «Мы» — «они»: образ врага

Глава 1. Нет никого ужаснее наших врагов

«Я — последняя буква в алфавите». «Не надо „якать“, думай больше о других» — так нам твердят с самого детства. И это все хорошие слова и правильные мысли. За ними стоят образы дружеских улыбок, песен у костра, протянутых друг другу рук. Как хорошо, когда ты не одинокое «я», а радостное и дружелюбное «мы».

Но всегда ли «мы» дружелюбно? И кто такие «мы»? Можно ответить на этот вопрос по-разному, но один из ответов, наверное, будет такой: «мы» — это не «они». Потому что если есть «мы», значит, обязательно где-то существуют и «они», и главное, — нам сразу понятно, что эти самые «они» не похожи на «нас». А непохожих мы не любим.

«Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит» — важнейший лейтмотив огромного количества текстов. «Мы победили в войне против фашизма». Здесь под «мы» подразумевается советский народ. Включены ли в это «мы» американцы и британцы? Вряд ли. Англичане в стереотипном представлении, которое тщательно насаждалось и насаждается книгами, статьями и фильмами, отсиживались у себя на острове (под обстрелом ракетами Фау-1 и Фау-2), второй фронт открывать не хотели (в раскаленных песках Египта — разве это фронт? в Марокко — разве фронт? в Италии — разве фронт?), а про американцев и говорить нечего — пытались откупиться тушенкой по ленд-лизу (на самом деле — студебеккерами, самолетами, стратегическими материалами), где-то на краю света дурью маялись (вели невероятно тяжелую войну с Японией), сепаратный мир заключить хотели (сказка, привет Штирлицу!), атомную бомбу сбросили на мирные города, даже две (в августе 1945-го СССР против этого совершенно не протестовал).

«Мы победили в Куликовской битве». Ой, а эти «мы» — это кто? Как кто? «Мы»... Россия. Как на стадионе: «Ра-си-я! Ра-си-я!» Ну, русские люди, которые победили татар. Интересно, что по этому поводу думают жители Казани? А жители Рязани, чей князь Олег Рязанский показал Мамаю броды через Оку? А жители Касимова, города, который долгое время был центром Касимовского ханства? Они что же, все не «мы»?

«Мы» — это какое-то крайне расплывчатое и не ясное понятие, как только его начинают применять не к маленькой семье, не к дружеской компании или школьному классу, а к каким-то более существенным общностям.

В былые времена все было понятно: подданные русского царя — это «мы», а остальные — «они». Вывод: вмешиваться в «наши» дела не надо.

В 1831 году Пушкин написал стихотворение «Клеветникам России» — реакцию на охватившее Европу возмущение тем, как жестоко российские войска подавили Польское восстание. Это гениальное стихотворение — одно из самых ярких и блистательных проявлений идеи о том, что существуют «мы» и «они».

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? Волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

«Народные витии» — ораторы, очевидно, депутаты британского парламента, или французского национального собрания, или, на худой конец, журналисты, возмущенные «волнениями Литвы». Восставшее против угнетения Николаем I Царство Польское не случайно «по старинке» названо Литвой. Ведь это давний «домашний, старый спор», «спор славян между собою». А кто нас, славян, поймет?

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда.

Дальше выясняется, что «они» не только нас не понимают, но еще и ненавидят.

Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас.

Прага в данном случае — вовсе не столица Чехии, а предместье

Варшавы, где в 1794 году Суворов устроил невероятную резню, залил город кровью. Для Пушкина это важнейший момент в отношениях славян, но такой, который стоит упомянуть, противопоставляя себя «народным витиям». Получается, что даже конфликты — это наши конфликты.

Дальше заходит речь о том, как много, несмотря на свою непохожесть на Европу, Россия для «них» сделала.

За что ж? Ответствуйте, за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?

За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Александр Сергеевич, это вы о победе над Наполеоном или о событиях 1945 года?

Затем следует торжественное провозглашение готовности сражаться с «ними» и удивительным образом приводятся именно те доводы, которыми дипломаты и журналисты (может быть, даже не очень хорошо помнящие о существовании этого стихотворения) оперируют и сегодня.

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайльский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:

Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

О чем говорят эти восхитительные, невероятные по звучанию стихи? Во-первых, у нас в прошлом так много побед, что мы можем быть уверены и в победах будущих. Во-вторых, наш государь — могуч и силен. В-третьих, Россия велика и в случае необходимости поднимется вся. Удивительно, как Пушкин в нескольких десятках строк сформулировал то, что писали, пишут и, кажется, будут писать еще много-много раз. Петр Андреевич Вяземский, несмотря на дружбу с Пушкиным, был шокирован этим стихотворением и записал горькие слова:

«Народные витии могли бы отвечать ему коротко и ясно: мы ненавидим, или лучше сказать, презираем вас, потому что в России поэту, как вы, не стыдно писать и печатать стихи, подобные вашим».

И далее:

«Мне так уж надоели эти географические фанфаронады наши: от Перми до Тавриды и проч. Что же тут хорошего, чему радоваться и чем хвастаться, что мы лежим вразтяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст, что физическая Россия — Федора, а нравственная — дура...

Вы грозны на словах, попробуйте на деле.

А это похоже на Яшку, который горланит на мирской сходке, да что вы, да сунься-ка, да где вам, да мы-то! Неужели Пушкин не убедился, что нам с Европою воевать была бы смерть».

Крах, который Россия потерпела через двадцать пять лет после написания этого стихотворения, во время Крымской войны, показал, что с Европой нам действительно лучше не воевать.

Прошли многие десятилетия, а многие продолжают — далеко не так талантливо, как Александр Сергеевич, — писать, что «мы» — это не «они».

И почему-то, как только возникают «мы» и «они», оказывается, что те люди, которые много десятилетий и даже веков жили вместе, совершенно не похожи друг на друга. И разница не только в языке, религии, обычаях,

одежде. Опросы, проводившиеся в самых разных горячих точках, в разных концах света, показывают, что «мы» начинаем говорить про «них» совсем другие вещи. «Мы» уже не переносим «их» на физиологическом уровне — они грязные, вонючие, хамы, оскорбляют наших женщин и занимают наши рабочие места. И очень похожие вещи «они» обычно говорят про «нас». А если «они» — те, кто по другую сторону водораздела, — такие омерзительные, то их не надо жалеть, не надо им помогать. Дальше уже легко прийти и к тому, что их надо выгонять, преследовать, обижать, убивать.

Удобно, что на «них» можно свалить практически все свои беды и не брать на себя ответственность ни за что. «Англичанка гадит» — так любили говаривать в России в XIX веке, ожидая очередного подвоха со стороны королевы Виктории. В XX веке «гадили» сначала революционеры, евреи, поляки, потом, наоборот, — белые, эмигранты, троцкисты, «бывшие», фашисты, потом вдруг снова евреи, американцы, НАТО, ЦРУ... Потом Израиль — значит, опять евреи, а с ними — американцы; империалисты, то бишь американцы, ну а среди них — и евреи; потом те, кто развалил Советский Союз, — а это, конечно же, в очередной раз американцы.

Когда у государства, народа, определенной группы или даже у отдельного человека появляются враги, «они», то ясно, что они не вызывают теплых чувств. И ясно, что хочется всех поднять на войну с врагом — страшным, жестоким, коварным врагом. А как это сделать?

К началу 1806 года Россия уже несколько месяцев вела военные действия против Наполеона. Дела шли не слишком хорошо. За последние месяцы 1805 года французские войска успели окружить австрийскую армию под Ульмом, взять Вену, разгромить российские и австрийские войска под Аустерлицем. Когда униженная Австрия вышла из антифранцузской коалиции, Наполеон занялся Пруссией. Гейне как-то сказал: «Наполеон дунул — и Пруссии не стало». Прусская армия была разгромлена, Берлин взят, и после этого основные военные действия велись хоть и на прусской территории, но против России. И как раз в это время Синод разослал по всей стране текст, который священники были обязаны читать в церквях каждое воскресенье после службы. Это означало, что его с благоговейным вниманием выслушали миллионы людей по всей стране. Так началось то, что один из крупнейших специалистов по истории и литературе XVIII-XIX веков А. Л. Зорин назвал «первой в истории России массовой пропагандистской кампанией».

«Неистовый враг мира и благословенной тишины, Наполеон Бонапарте, самовластно присвоивший себе царственный венец Франции и силу оружия, а более коварством распространивший власть свою на многие соседственные с нею государства, опустошивший мечом и пламенем их грады и селы, дерзает в исступлении злобы своей угрожать свыше покровительствуемой России вторжением в ее пределы.. и потрясением православной греко-российской Церкви во всей чистоте ее и святости...

Всеми миру известны, богопротивные его [Наполеона] замыслы, и деяния, коими он попирает законы и правду. Еще во времена народного возмущения, свирепствовавшего во Франции во время богопротивной революции, бедственной для человечества и навлекшей небесное проклятие на виновников ее, отложился он от христианской веры, на сходбищах народных торжествовал учрежденные лжеумствующими богоотступниками идолопоклоннические празднества и в сонме нечестивых сообщников своих воздал поклонение, единому Всевышнему Божеству подобающее, истуканам, человеческим тварям и блудницам, идольским изображениям для них служившим.

В Египте приобщился он гонителям Церкви Христовой, проповедовал Алкоран Магометов, объявил себя защитником исповедания неверных последователей сего лжепророка мусульман и торжественно показывал презрение свое к пастырям святой Церкви Христовой. Наконец, к вящему посрамлению оной, созвал во Франции иудейские синагоги, повелел явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий сангедрин еврейский, сей самый богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа и теперь помышляет соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устроить их на испровержение Церкви Христовой и (о, дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!) на провозглашение лжемессии в лице Наполеона».

Интересно то, что в этом тексте много правды. Давайте разбираться. Присвоил ли Бонапарт «царственный венец Франции»? Безусловно, да. Захватив в 1799 году власть, он стал сначала первым консулом, а к 1806

году назывался уже императором. Распространил ли он свою власть на «соседственные» государства? Конечно. К этому моменту ему подчинялись уже многие страны.

Угрожал ли он России «вторжением в ее пределы» — сомнительно, но, во всяком случае, воевал он в тот момент против России, так что мог теоретически и вторгнуться. А должно ли это было сопровождаться «потрясением православной греко-российской Церкви»? После общего вступления автор — а им, скорее всего, был известный церковный деятель митрополит Платон (Левшин) — подробно перечисляет совершенные Наполеоном злодеяния. И вот здесь уже начинается интересная игра с фактами, вымыслами и полувывыслом.

Отложился ли Наполеон от христианской веры? Конечно, человек, который вырос, сформировался, начал свою карьеру во времена Великой французской революции, не мог быть «воцерковленным» в том смысле, как это понимал митрополит Платон. Наполеон не ходил в церковь, не исповедовался, не причащался. Верил ли он в Бога, сказать трудно. Основываясь на его разговоре с ученым Лапласом, можно предположить, что какое-то религиозное чувство у него было. Наполеон, по преданию, спросил ученого: «Великий Ньютон все время ссылается на Бога, а вы написали такую огромную книгу о системе мира и ни разу не упомянули о Боге!» На что Лаплас ответил: «Сир, я в этой гипотезе не нуждался».

Позиция Лапласа в данном случае понятна, а вот почему Наполеон задал такой вопрос — просто констатируя факт, что у Ньютона так, а у Лапласа иначе, или же его шокировало отсутствие упоминаний о Боге, — сказать трудно. Зато мы знаем, что Наполеон хорошо понимал пропагандистскую силу религии — не хуже московского митрополита. Другое знаменитое изречение французского императора гласит: «Религия — прекрасный инструмент для удержания бедных людей в покорности».

Эту фразу тоже можно толковать по-разному — и как слова неверующего циника, и как рассуждение религиозного политика. Но каковы были в реальности отношения Наполеона с религией? Если верить тексту, читавшемуся в российских церквях, то он участвовал в «идолопоклоннических празднествах» и поклонялся «истуканам, человеческим тварям и блудницам, идольским изображениям для них служившим».

Что должны были представить себе прихожане? Они слышали достаточно библейских текстов, чтобы слова «идол», «истукан», «блудница» вызвали у них совершенно четкие ассоциации с жуткими человеческими жертвоприношениями Ваалу и другим языческим

божествам, с которыми боролись библейские пророки. «Блудница» отсылала к Вавилонской блуднице из Апокалипсиса, когда Иоанн Богослов «увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами».

Но вообще-то под этими образами в тексте митрополита скрывались куда более земные и недавние события — антирелигиозная политика Французской революции, празднества, устраивавшиеся Робеспьером в Париже на Марсовом поле в честь Верховного существа, создание в Париже Пантеона, посвященного великим людям Франции, куда был перенесен прах Вольтера, Руссо, Марата и других. Даже блудница появилась здесь не просто так: во время одного из революционных праздников в Париже в 1793 году в соборе Парижской Богоматери были установлены декорации, изображавшие гору, на которой находился храм Философии, а актриса Тереза Анжелика Обри, олицетворявшая свободу, восседала на этой горе, одетая в белую тунику, синюю накидку и красный фригийский колпак, то есть по понятиям того времени — еще и полуголая.

Получается, что в этом отрывке события Французской революции описаны достаточно точно, хотя и таким языком, который должен был вызывать определенные отрицательные ассоциации.

Но возникает вопрос: а при чем тут Наполеон? Ответ прост: ни при чем. Конечно, Наполеон служил якобинцам, его карьера началась с того, что он помог революционной армии захватить взбунтовавшийся Тулон, ему покровительствовал брат Робеспьера. Но участвовал ли он в празднествах на Марсовом поле? Приводил ли он Терезу Анжелику Обри в храм? Поклонялся ли праху Вольтера и Руссо в Пантеоне? Конечно, нет.

Наоборот, во время правления Наполеона во Франции открылись закрытые якобинцами церкви, а для своей коронации в 1804 году он даже выписал (хотя и достаточно бесцеремонно) в Париж самого папу римского.

Но все «богохульные» действия, описанные апокалиптическим языком, можно привязать к нему просто потому, что он жил в то время во Франции.

Следующие обвинения оказываются куда более конкретными и показывают хорошую осведомленность автора: «В Египте приобщился он гонителям Церкви Христовой, проповедовал Алкоран Магометов, объявил себя защитником исповедания неверных последователей сего лжепророка мусульман и торжественно показывал презрение свое к пастырям святой Церкви Христовой».

В данном случае автор куда ближе к истине, чем в первом абзаце. Во время Египетского похода Бонапарт действительно всеми силами пытался

добиться поддержки египтян. Высадившись в Александрии, он сразу выпустил воззвание к египтянам, причем датировано оно было не согласно традиционному календарю «от рождества Христова», а по революционному французскому календарю — 14 мессидора VI года Республики — и по мусульманскому календарю — 18 месяца мухаррема, год хиджры 1213. «Народы Египта, вам будут говорить, что я пришел, чтобы разрушить вашу религию, — не верьте! Отвечайте, что я пришел, чтобы восстановить ваши права, покарать узурпаторов, и что я уважаю больше, чем мамелюки, Бога, его пророка и Коран». Отсюда легко можно сделать вывод, что Наполеон принял ислам. Правда, сразу же за этой фразой появляется мысль, с которой согласились бы многие философы-просветители: «Скажите, что все люди равны перед Богом, только мудрость, таланты и добродетели вносят различия между людьми».

Объявил ли Бонапарт себя в Египте защитником мусульман? Да. Показывал ли он презрение к «пастырям святой Церкви»? Да. Вот что пишет Дмитрий Мережковский в своем романе — биографии Наполеона:

«Трудности духовные были еще больше материальных: чтобы в самом деле освободиться от пут европейской, христианской цивилизации, надо было освободиться от самого христианства. Был ли он готов и на это или только делал вид, что готов? Во всяком случае, неосторожно повторял легкую шутку легкого короля: „Париж стоит обедни!“ Это значит: мировое владычество стоит христианства.

«По вечерам я занимался теологией с беями, говорил им, что есть только Бог Магомета и что нелепо верить, будто бы Три — одно. У меня всегда было семь кофейников на огне, и ни один турок не заходил ко мне без того, чтобы не выпить кофе».

Может быть, сыны Пророка кое-что поняли в нем, когда назвали его „Султаном Огненным“; но едва ли поверили, что он „посланник Божий“, „второе воплощение Пророка“, даже когда прочли его воззвание к мусульманским шейхам и улемам: „От начала мира на небесах было написано, что, уничтожив всех врагов Ислама, низвергнув кресты, я приду с Запада, чтобы исполнить свое назначение“. „Так-то я потешался над ними, — прибавляет он, вспоминая об этом. — Это было, конечно, шарлатанство, но высшего порядка“. И уверяет: „Вся армия вместе со мной переменяла бы веру шутя“».

Главные слова здесь — «шарлатанство» и «шутя». Для Наполеона возможная смена веры, или намек на смену веры, — это просто еще один способ «удержания бедных людей в покорности». Но когда рассказ о его «шарлатанстве» следует за словами об «идолопоклонничестве» и «блуднице», то ни о какой шутке речи уже быть не может, и Наполеон превращается в страшного врага христианства.

На этом обвинения в адрес французского императора не заканчиваются. Его обвиняют в симпатиях не только по отношению к мусульманам, но и по отношению к евреям. С одной стороны, Наполеон, безусловно, пытался привлечь к себе евреев — точно так же, как и христиан, и мусульман, и атеистов. В 1799 году, во время все того же Египетского похода, в газете «Монитор» появилось обещание восстановить еврейское государство и отстроить заново Иерусалимский храм. Более практические действия совершались в Европе, где Наполеон вполне в духе французской революции вводил законы, уравнивавшие евреев в правах с остальным населением. Мало того, в 1806 году он действительно устроил собрание представителей еврейских общин Франции, Италии, Германии и других завоеванных стран, чтобы, как пишет Электронная еврейская энциклопедия, «разъяснить, действительно ли еврейская религия предписывает ненависть к христианам. Наполеон, вместе с тем, объявил, что цель собрания — пробудить у евреев гражданские чувства (которых они лишены из-за вековых притеснений) и превратить евреев в полезных граждан, приведя в соответствие требования их религии с обязанностями французских граждан».

После этого был созван Синедрион — собрание еврейских общин, которое должно было дать религиозное благословение принятым на предыдущем съезде решениям. Сами евреи отнеслись к этим мероприятиям по-разному — одни ликовали, увидев, что император хочет дать им новые права, другие считали, что он чуть ли не призывает весь еврейский народ к ответу за их «неправильную» религию. При этом Наполеон несколько раз принимал законы, ограничивавшие права евреев, но для тех, кто хотел обличить императора, важнее было подчеркнуть его связь с иудаизмом. Так что в этом отрывке тоже все основывается на фактах. Или почти все.

Понятно, что ни самому императору, ни еврейским общинам и в голову не приходило объявлять Наполеона мессией — «лжемессией», как написано в тексте церковного обращения. Сама эта мысль была бы смешна в рациональной Франции начала XIX века, но в русских церквях она звучала вполне убедительно — и фраза о лжемессии как будто замыкает круг, начатый упоминанием идолов и блудниц. Вывод, который не

произносился напрямую, но напрашивался: грядет Антихрист, наступает апокалипсис!

Через год после того, как этот текст прочитали в церквях, два императора — российский и французский — встретились в Тильзите, обнялись и заключили мир. Как же так — православный царь обнялся с Антихристом?

Петр Андреевич Вяземский записал такой якобы имевший место разговор:

«Когда узнали в России о свидании императоров, зашла о том речь у двух мужичков. „Как же это, — говорит один, — наш батюшка православный царь мог решиться сойтись с этим окаянным, с этим нехристом? Ведь это страшный грех!” “Да как же ты, братец, — отвечает другой, — не разумеешь и не смекаешь дела? Наш батюшка именно с тем и велел приготовить плот, чтобы сперва окрестить Бонапартия в реке, а потом уж допустить его пред свои светлые царские очи”».

В 1812 году, когда русская армия отступала, а на небе сияла комета — еще один признак грядущего апокалипсиса, поверить в дьявольскую сущность Наполеона было очень легко.

На образ Наполеона-Антихриста работали самые разнообразные особенности военной жизни. Вот что пишет историк Николай Промыслов:

«Во время войны, в армии очень большая ценность — лошадь: она и спасет, и привезет продовольствие и боеприпасы. Поэтому французы оберегали своих лошадей. И на ночлег лошадей тоже стали заводить в церкви.

Это происходило и в Испании, и в России в 1812 году. В России к тому же населенные пункты редкие и небольшие. Деревянные строения, которые не погибали во время боев, разбирались на костры, и для ночлега солдатам оставались только каменные здания, а это чаще всего были те же церкви.

Видя это, народ, естественно, чувствовал себя оскорбленным. Лошадь в храме — это распространенный фольклорный мотив: басурмане придут, поставят лошадей в храме. В Испании и России, где народ был очень религиозным, лошадь в храме была знаком того, что пришел Антихрист, а с Антихристом можно воевать любыми способами».

И неслучайно в это время в журнале «Сын отечества» перепечатали текст, вышедший в Испании, где Наполеона тоже не жаловали. «Вопрос: Сколько он имеет естеств? Ответ: Два: сатанинское и человеческое. Вопрос: От чего происходит Наполеон? Ответ: От ада и греха».

Здесь уже нет никаких «фактических» обоснований, никаких рассказов о Коране, Синедрионе и тому подобных жутких для слуха обывателя вещах. Во французском императоре есть сатанинское естество — и этим все сказано.

Стоит ли удивляться, что жители Москвы (как и испанцы), в отличие от жителей Вены и Берлина, не поднесли Наполеону ключи от города и не стали устраивать балы для французских офицеров. Со слугами Антихриста не танцуют. А ведь это был тот самый Наполеон, которым восхищались во всей Европе — в том числе и в России, включая и тех, кто воевал против Франции в 1805-1807 и 1812-1814 годах. Но как бы ни был велик французский император, оказалось, что объявить его Антихристом проще простого. И выяснилось, что люди легко в это верят.

Мысль о том, чтобы приписать врагам самые невероятные, нечеловеческие злодейства, которые может совершить только Антихрист, существовала до Наполеона и, увы, продержалась и до сегодняшнего дня. Антихрист — это тот, кто совершает такие невероятные, невиданные преступления, о которых в обычной ситуации и подумать-то невозможно. Здесь перед пропагандистами открывается широкое поле деятельности — если воюем с Антихристом, то можно рассказывать о его злодеяниях, беспрерывно нагнетая все новые и новые, абсолютно фантастические ужасы.

* * *

12 июля 2014 года по Первому каналу российского телевидения некая Галина Пышняк рассказала о случае, который, по ее словам, произошел после того, как украинские войска заняли город Славянск:

«На площади собрали женщин, потому что мужиков больше нет. Женщины, девочки, старики. И это называется показательная казнь. Взяли ребенка трех лет, мальчика маленького, в трусиках, в футболке, как Иисуса, на доску объявлений прибили. Один прибивал, двое держали. И это все на маминых глазах. Маму держали. И мама смотрела, как ребенок

истекает кровью. Крики. Визги. И еще взяли, надрезы сделали, чтоб ребенок мучился. Там невозможно было. Люди сознание теряли. А потом, после того как полтора часа ребенок мучился и умер, взяли маму, привязали до танка без сознания и по площади три круга провели. А круг площади — километр».

Образ распятого ребенка — один из самых сильных по эмоциональному воздействию. Что может быть страшнее рассказа о мучениях ребенка? «Да весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к „Боженьке“... Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре неискупленными слезами своими к „Боженьке“!» — восклицал Достоевский устами Ивана Карамазова.

В репортаже Первого канала страдания маленького мальчика явно приравнены к крестной муке — мало того, что его распяли, Галина Пышняк специально поясняет, что распяли «как Иисуса». Для пущей убедительности говорит, что мальчик был в трусиках и футболке, такая одежда еще больше подчеркивает незащитность. Он почти голый, ему нечем защититься от злодеев, которые к тому же «надрезы сделали, чтобы ребенок мучился». А после этого они еще замучили — тоже медленно — и его мать. Через несколько дней журналист Евгений Фельдман расспрашивал многих жителей Славянска, и оказалось, что ни один из них не слышал о распятом мальчике. Возможно ли такое в маленьком городе, особенно если, как говорила Галина Пышняк, на площадь согнали чуть ли не всех жителей? В интернете не появилось ни одной фотографии или видео, зафиксировавших случившееся. Неужели в наш век мобильных телефонов никто не заснял такое страшное, невероятное событие? Если даже запись казни Саддама Хусейна появилась в сети, то что уж говорить о замученном мальчике! Однако ни фото-, ни видеодоказательств нет.

Позже появились утверждения жителей Славянска, говоривших, что Галина Пышняк, по их мнению, не вполне нормальная. Еще через некоторое время, когда Ксения Собчак задала вопрос Владимиру Путину о дезинформации, связанной с «замученным мальчиком», Первый канал не то чтобы стал оправдываться, а просто сделал шагок назад, заявив, что «у журналистов не было и нет доказательств этой трагедии, но это реальный рассказ реально существующей женщины, бежавшей из ада в Славянске». Это возможная позиция — просто предоставить слово очевидцу. Однако есть несколько «но» — журналистская этика требует, чтобы в

противоречивых ситуациях рядом с человеком, высказывающим одно мнение, был человек, высказывающий другое. Если дается один рассказ, то подразумевается, что журналист (конечно же, проверивший все факты) с ним солидарен.

Могут возникнуть и другие вопросы: а точно ли этот рассказ — просто плод воображения душевнобольной женщины? Уж очень хорошо он выстроен с литературной точки зрения. Мальчик в трусах и футболке слишком напоминает ту пятилетнюю девочку, которую родители, по словам Ивана Карамазова, запирали в «подлом месте» за то, что она «не просилась» ночью. У Достоевского не сказано, что девочка была полуголой, но можно представить себе, что раз ее наказывали за ночное недержание, то, наверное, и запирали в ночной рубашке. Распятый ребенок, естественно, вызывает ассоциации с Иисусом, как и было сказано в тексте, но, с другой стороны, Иисус-то в момент распятия был взрослым человеком. А вот в столь популярном в последнее время сериале «Игра престолов» есть распятые дети — целых 163, — их замучили рабовладельцы города Миэрина, за что потом были жестоко наказаны «Матерью драконов» Дейенерис.

Можно обратить внимание и еще на одну деталь — о случившемся рассказывает не московский журналист и не высоколобый эксперт, и даже не солдат с автоматом — на экране «простая женщина», олицетворение «гласа народа». Ей уже совсем недалеко до пушкинского юродивого: «Борис, Борис, Николку маленькие дети обижают. Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича».

Можно подойти к этому тексту и с другой точки зрения: вынес бы трехлетний мальчик «полтора часа» мучений? Или умер бы от болевого шока через пять минут? Это наводит на мысль о том, что перед нами — хорошо продуманный и придуманный текст, который люди, называющие себя журналистами, вложили в уста не очень здоровой женщины. И текст этот должен вызывать сильнейшие эмоции, воздействовать на воображение, перед которым предстает образ невинно мучающегося ребенка, да еще и отягощенный литературными и киноассоциациями.

Характерно, что «распятый мальчик» буквально за несколько лет стал расхожим примером удачного пропагандистского хода. Так, в американском сериале «Родина» герой — бывший директор ЦРУ — между делом восхищается тем, как тонко люди из ФСБ придумали сюжет про «распятого мальчика», который стал поводом к началу войны на Украине.

Глава 2. «Они» другие

Психологи давно заметили — чем более напряженная и нервная обстановка в городе, стране или мире, тем больше люди склонны искать врагов, и в этой ситуации те, кто не похож на других, легче всего вызывают подозрение. Это дает власть имущим прекрасную возможность — объяснить, что в проблемах страны виновата не власть, не разваливающаяся экономика, не коррупция, а вот эти «они», те, кто хотят нам вредить — американцы, масоны, евреи, коммунисты, тамплиеры.

Еврей Зюсс

Йозеф Зюсс Оппенгеймер был, судя по всему, необычайно талантливым человеком. Он родился в 1698 году в Гейдельберге, и большая часть возможностей была для него закрыта. Евреи в Германии не могли владеть землей, не имели прав вступать в объединения ремесленников, не говоря уж о военных занятиях. Фактически единственной сферой занятий для них была торговля и финансы — отсюда хорошо известный всем образ злобного еврея-ростовщика. Отец Зюсса был сборщиком налогов и явно небедным человеком, так как нам известно, что юноша побывал в Амстердаме, Вене и Праге, где, очевидно, учился — подробностей мы не знаем. Однако уже к тридцати годам он был известным финансистом, а позже — «придворным евреем» Карла-Александра, наследника герцога Вюртембергского. Когда Карл-Александр стал герцогом, возвысился и Зюсс, которого те, кто оказывались ему должны, злобно называли «евреем Зюссом». Зюсс был назначен финансовым и политическим советником герцога и практически управлял за него страной. Вюртемберг находился в тяжелом положении — страна была совершенно разорена, да и личные финансы герцога оставляли желать лучшего. Зюсс действовал жестко, порой безжалостно, но очень продуманно — он явно читал труды лучших экономистов того времени и проводил политику в соответствии с их идеями.

Его главной задачей было сосредоточить в руках государства как можно больше денег. Для этого он основал в Вюртемберге табачную, шелковую и фарфоровые мануфактуры, установил высокие налоги, продавал за деньги государственные должности. Все это не вызывало к

нему большой любви. К тому же Зюсс продавал права на торговлю солью, кожами, вином... кому? Естественно, «своим», евреям, рука руку моет. Подождите-ка, а были ли в Вюртемберге нееврейские торговцы, которые взяли бы за такое дело? Сомнительно. Но это никого не волновало — ясно, что Зюсс просто обязан был покровительствовать «своим». А уж то, что он сам торговал драгоценными камнями, зарабатывал на лотереях и даже взял в аренду Вюртембергский монетный двор, только усиливало ненависть к нему.

Когда Карл-Александр неожиданно умер, Зюсса схватили и отдали под суд. Под пытками он сознался во всем, что от него требовали. А требовали от него интересных признаний — нельзя же казнить человека за то, что он повышал налоги. А вот за то, что он, еврей, вступал в любовные связи с христианками, можно. Вокруг этого и крутился весь процесс. Сначала Зюсса обвинили в том, что он сожительствовал с четырнадцатилетней девочкой, но две повивальные бабки засвидетельствовали, что та девственница. Дальше выяснилось, что среди многочисленных любовниц Зюсса (а они, похоже, действительно у него были) оказались дамы из высшего общества, поэтому какие-то истории не были вынесены на суд, но одну двадцатилетнюю христианку, у которой были отношения с Зюссом, все-таки обнаружили, и скрыть их она не смогла, так как у нее родился от Зюсса сын. Когда Зюсса приговорили к смертной казни, его дворец был уже разграблен, жители Вюртемберга ликовали, считая, что избавились от страшного злодея. Новый герцог отменил многие прогрессивные нововведения Зюсса, что совершенно не способствовало улучшению обстановки в его государстве.

Очень похожую политику примерно за полвека до Зюсса проводил куда более знаменитый финансист — министр Людовика XIV Жан-Батист Кольбер. Он тоже повышал налоги, тоже создавал мануфактуры, тоже торговал должностями и даже отменил все проданные за предыдущие тридцать лет дворянские титулы, чтобы заставить купивших их буржуа снова начать платить налоги (дворяне их не платили). Кольбера тоже очень не любили, его гроб во время похорон чуть не растерзала толпа. Но его не судили и к смертной казни не приговаривали.

В истории еврея Зюсса огромную роль сыграл тот факт, что он был евреем. То, что герцог Карл-Александр был католиком в протестантском государстве, тоже осложнило ситуацию, но все-таки не настолько, как в случае с еврейством его финансиста.

Высокие налоги собирали в тот момент все финансисты, и романы в вольнодумном XVIII веке были у подавляющего большинства известных

людей, но роман еврея с христианкой простить было невозможно. Поэтому Зюсс, несмотря на его мольбы о пощаде, был казнен. А новый герцог, отказавшись подписывать прошение о помиловании, цинично воскликнул: «Редко случается, чтобы еврей расплачивался за жуликов-христиан». Кроме того, Зюсс, к возмущению его преследователей, не желал отречься от своего еврейства. Он ничего не ел в тюрьме, потому что ему не давали кошерную еду, просил, чтобы к виселице его сопровождал раввин, но ему и в этом отказали, зато до последнего момента уговаривали перейти в христианство, обещая помилование. Зюсс отказался. И, как гласит легенда, последними его словами были слова еврейской молитвы.

Во время суда Зюсс с вызовом сказал, что выше виселицы его все равно не повесят. И настолько велика была ненависть к нему, что решено было повесить его выше виселицы. Вот как описывает это Лион Фейхтвангер в романе «Еврей Зюсс»:

«Он обернулся и увидел Штутгарт. Собор, церковь Святого Леонарда, старый дворец и новое дворцовое здание, деньги на постройку которого добывал он. Слева от него одиноко высилась деревянная виселица. Но она казалась совсем невзрачной перед фантастическим, замысловатым железным сооружением, предназначенным для него. Двойная лестница с многочисленными ступенями, с бесконечными подпорками шла вверх, целая система колес, цепей и шарниров стояла наготове, чтобы втащить наверх клетку». Тело Зюсса оставалось в клетке целых шесть лет — в назидание тем, кто будет собирать с христиан слишком большие налоги и поднимать глаза на женщин-христианок.

Прошло два столетия, за которые многие писали и размышляли о Йозефе Зюссе. Когда Лион Фейхтвангер в 1925 году написал «Еврея Зюсса», он не только размышлял о событиях XVIII века, но и реагировал на усиление антисемитизма в Германии, все больше симпатизировавшей нацистам. А в 1940 году в нацистской Германии, откуда Фейхтвангер уже давно бежал, где сжигали его романы, а евреев депортировали в концлагеря, режиссер Файт Харлан поставил фильм «Еврей Зюсс». Заглавную роль сыграл актер Фердинанд Мариан, которому особенно удавались негодяи и соблазнитель. Именно на этом был построен весь фильм. Авторы сценария лишь отчасти следовали за историческими фактами, ловко создавая ощущение страшной еврейской угрозы, и, не

стесняясь, фантазировали — это ведь художественный фильм.

Итак, демонический, красивый, волевой Зюсс постепенно подчиняет себе слабовольного герцога. Вот первая угроза — чужаки могут встать за спиной «нашего» правителя. Почему это так плохо? Потому что Зюсс начинает не только безжалостно грабить местное население, не только наживаться сам, но он еще и добивается у герцога разрешения евреям жить в Штутгарте. Чистый и аккуратный Штутгарт оказывается наводнен грязными пришельцами. И это еще один классический ход: «они» — в данном случае евреи, но на их месте могут оказаться чернокожие, цыгане, таджики, сирийцы, русские — всегда воспринимаются как грязные. Негры не так пахнут, таджики никогда не моются, от небритых русских вечно разит водкой. Главное — подчеркнуть физический контраст. «Мы» чистые и аккуратные, а «они» вонючие.

Дальше создатели фильма выводят на первый план важнейшую для нацистской пропаганды линию. Зюсс покушается на немецкую девушку. Того, что в реальности в XVIII веке любовные связи были обычным делом, того, что любовницы реального Зюсса вовсе и не думали ему сопротивляться, — всего этого в фильме нет. Здесь Зюсс влюбляется, или, вернее, вожделеет к чистой и юной Доротее и пытается к ней посвататься. Ее отец, истинный ариец, гордо отвечает: «Моя дочь не будет плодить еврейских детей». И сразу же, чтобы избавиться от назойливого временщика, выдает Доротеею замуж за Фабера, с которым она помолвлена. Но от Зюсса не так-то просто отделаться. Он арестовывает Фабера и отца Доротее, находит планы заговора и, следуя механизму, описанному в опере «Тоска», приказывает пытать счастливого соперника, обещая помилование, если Доротея уступит ему, Зюссу.

Геббельс был в восторге от фильма: «Антисемитский фильм, какой мы только можем себе пожелать». После войны режиссер и исполнитель главной роли пытались оправдываться и объяснять, что они просто демонстрировали существующую проблему антисемитизма, но их репутация была погублена. Файта Харлана даже отдавали под суд, но оправдали. Какое-то время после войны ему приходилось ставить спектакли анонимно, а его фильмы публика бойкотировала. С Фердинандом Марианом все оказалось еще сложнее. «Еврей Зюсс» — не единственный антисемитский фильм, в котором он снялся, но первым браком он был женат на еврейке, которая родила ему дочь, а первый муж его второй жены был евреем, и Марианы прятали его от ареста. Актера, судя по всему, политика совершенно не интересовала, но, как бывает в таких случаях, укрыться от нее не получилось. Фильм «Еврей Зюсс» стал

хрестоматийным примером фашистской пропаганды, и после войны возможности сниматься для Мариана оказались закрыты. Так до сих пор и не понятно — случайно ли он, будучи пьяным, врезался на машине в дерево или же это было самоубийство.

Дело Бейлиса

Бывают страшные времена, когда по тем группам, которые автоматически считаются виновными, наносится удар. Удар, под который попадают все — взрослые, дети, старики, — всех сажают в грузовики и везут в лагерь или в ссылку, гонят в газовую камеру. Но даже если ты живешь в более спокойное время, но принадлежишь к той самой «особо опасной» группе, то удар в любой момент может обрушиться на тебя, потому что ты — «из тех».

12 марта 1911 года в Киеве исчез 12-летний мальчик Андрюша Ющинский. Его хватились не сразу — мать и отчим не слишком им занимались, воспитывала его тетка, которая не всегда могла уследить за тем, куда и с кем он ходит. Говорили, Андрюша рос мальчиком смелым (не боялся даже ночью ходить один) и богобоязненным (собирался стать священником). Последний момент позже окажется важным. Его тело нашли только 20 марта. Нашли в пещере, хотя, наверное, правильнее сказать, в подземной дыре, в пригороде Киева. Он сидел со связанными руками, в одном белье, его вещи были сложены рядом. Мальчику нанесли 47 колотых ран, труп был совершенно обескровлен.

Сразу пошли разговоры, что кому-то понадобилась его кровь. И тут же вспомнили давние, многовековые слухи: мол, кровь христианских младенцев нужна евреям, чтобы готовить мацу на еврейскую Пасху. Уже и тогда много писали и говорили, что это выдумка, что для евреев, наоборот, кровь лишает пищу ритуальной чистоты и для изготовления мацы никакая кровь не нужна. Но как только обнаружили тело, родным мальчика и полицейским стали приходить анонимные письма, в которых сообщалось, что убийство — ритуальное, мальчика «убили жида». Во время похорон Андрюши черносотенцы раздавали напечатанные листовки с призывами «бить жидов». Следователи проверили версию о ритуальном убийстве, но никаких доводов, подтверждавших ее, не нашли.

Сначала возникло предположение, что убийца — отчим, который хотел получить большую сумму денег, вроде бы оставленную мальчику отцом. Но «общественность» не дремала. Все чаще и чаще стали появляться

антисемитские статьи, в которых доказывалось, что мальчика — тем более богобоязненного и мечтавшего стать священником! — убили, просто должны были убить евреи. К тому же убийство произошло в субботу, незадолго до еврейской Пасхи. Такие «мелочи», что суббота считается у евреев днем, предназначенным для молитв и отдыха, когда ничего нельзя делать, а также то, что в рецепт мацы ничья кровь — ни человеческая, ни животная — не входит, не имело никакого значения. Члены Союза русского народа отслужили панихиду по Андрюше Ющинскому и установили на его могиле крест. Мальчика стали потихоньку превращать в мученика, чуть ли не в страдальца за веру.

Журналисты, политики и просто «взволнованные граждане» все чаще говорили и писали, что это явно ритуальное убийство, и никакие доводы не действовали. И даже миф о ритуальных убийствах христианских младенцев гласит, что кровь должна быть получена у живой жертвы — очевидно, чтобы злодеи могли насладиться мучениями ребенка. Но эксперты доказали, что большая часть ран была нанесена мальчику уже после смерти. Это тоже никого не убедило.

«И первым, и вторым вскрытием отвергнуто предположение о сексуальном и ритуальном характере убийства», — написал вовсе не еврей и не либеральный адвокат, а митрополит Киевский Флавиан.

Начальник Киевского сыскного отделения Евгений Мищук сначала изучил ритуальную версию убийства, но затем все больше начал концентрировать свое внимание на Вере Чеберяк, хозяйке воровского притона. Андрюша Ющинский дружил с ее сыном Женей. Убийцы так и не были найдены, но сегодня наиболее правдоподобной считается именно версия, которую начал разрабатывать Мищук: Женя Чеберяк поссорился с Андрюшей, и тот пригрозил всем рассказать, что Женина мама покупает и продает ворованные вещи. Женя наябедничал маме, а мама и ее подручные решили подстраховаться. Мищук в конце концов пришел к выводу, что убийство «было совершено преступным миром с целью симулировать ритуальное убийство и вызвать еврейский погром». Он считал, что, во-первых, Чеберяк и другие злоумышленники хотели отвести от себя подозрения, а во-вторых, погром — это всегда возможность безнаказанных грабежей. Мищука быстро отстранили от дела, обвинили в подлоге и арестовали. Следователей все больше подталкивали к тому, чтобы найти доказательства ритуального характера убийства.

И раз уж так нужно было доказать, что мальчика убили евреи, то надо было найти подходящего еврея.

Тут в дело опять вмешались «представители общественности». Почти

с самого начала на расследование активно пытался давить человек, которого сегодня назвали бы «православным активистом», — молодой студент, председатель общества «Двуглавый орел» Владимир Голубев. Голубев был, как мы бы сказали, «мальчиком из хорошей семьи». Его отец был церковным историком, брат — архиепископом. Сам он учился в гимназии в одном классе с Михаилом Булгаковым, затем поступил на юридический факультет университета, вступил в Союз русского народа, а вскоре еще и в патриотическое общество молодежи «Двуглавый орел», и начал издавать газету «Киев».

Голубев был энергичным молодым человеком. Он устроил в Киеве антипольскую демонстрацию, во время которой студенты отправились к зданию редакции польской газеты на Крещатике и стали бросать в окна камни и бутылки с чернилами. Позже они пытались бить стекла издательства либеральной газеты «Киевская мысль», но там им оказали сопротивление.

Позже, уже в 1912 году, в разгар дела Бейлиса, один журналист пришел в редакцию газеты, издававшейся обществом «Двуглавый орел», но его вопросы не понравились сотрудникам и они его попросту избили. Через некоторое время другая газета опубликовала карикатуру на Голубева, так он тут же явился в редакцию, где «встал и вдруг, не говоря ни слова, развернулся и с такой силой ударил г. Ларского [редактора] по лицу, что тот в первое время от неожиданности не мог опомниться, и только когда Голубев направился к выходу, крикнул, чтобы позвали полицию и задержали Голубева».

Вот этот симпатичный молодой человек изучил территорию рядом с тем местом, где было найдено тело Андрюши Ющинского, и обнаружил там — ура! — «усадьбу некоего жида Зайцева» с принадлежавшим ему кирпичным заводом, а рядом жил «его управляющий, какой-то еврейчик Мендель». Именно об этом Голубев заявил следователю, добавив: «Лично мое мнение, что убийство, скорей всего, совершено или здесь, или в еврейской больнице. Доказательств, конечно, этому я представить не могу».

Вот что написал о студенте Владимире Голубеве Антон Носик в своей статье «Дело Бейлиса: опыт несотрудничества»:

«О сходстве политтехнологий, породивших „дело Бейлиса“, с сегодняшними упражнениями власти по разжиганию ненависти в обществе я написал колонку в The New Times. Эти печальные „рифмы“ через столетие — свидетельство тому,

что уроки истории, увы, остались не выучены. А рифмуется там практически все: и технические приемы обвинения, и сопутствующие лозунги, и ключевые фигуранты. Скажем, застрельщиком „дела Бейлиса“, изначально придумавшим всю схему с фабрикацией обвинения, был не какой-нибудь силовик, министр или депутат Госдумы, а юный „общественник“: студент Голубев, глава провластной молодежной организации, которая и по своим задачам, и по методам, и по механизмам взаимодействия с властью являлась прообразом нацистов. Там тоже при негласной господдержке имитировалось массовое молодежное движение для борьбы с „врагами России“: так же, как Кристина Потупчик сто лет спустя, студент Голубев признавал, что врагов этих сперва нужно выдумать. И так же, как студент Голубев за сто лет до нее, Кристина Потупчик в своих инструктажах требовала от соратников заострять внимание на явном или скрываемом еврействе „врагов России“».

Владимир Голубев указал следствию на скромного приказчика Менахема Бейлиса, который даже религиозным не был — работал по субботам, дружил с местным православным священником, даже, говорят, во время погрома к нему приходили черносотенцы и успокаивали, что ему-то бояться нечего. Но как только Бейлис оказался в камере, а затем на скамье подсудимых, он уже перестал быть тихим, работающим Менахемом Бейлисом, главной мечтой которого было дать образование сыну и оплатить его учебу в гимназии. Он превратился в одного из «них», в часть вечно виновной группы, и все его личностные характеристики отошли на второй план. Вот что писал во время процесса журналист киевской газеты «Земщина»:

«Из зала суда. Убийца Ющинского, Мендель Бейлис — типичный преступник, с выдающейся нижней челюстью, покатым лбом. Голова с широким иудейским затылком густо поросла жесткими, матово-черными волосами. Фигура широкая, сутуловатая, крепкая... Старые художники изображали убийц и заговорщиков с такими лицами и фигурами. Он часто подносит платок к глазам и делает вид, что плачет...»

И дело даже не в том, что человека, который еще не был осужден, уже называют убийцей, хотя это противоречит всем юридическим правилам и

принципу презумпции невиновности. В конце концов, это не выступление юриста, а заметки журналиста. Но автор статьи не собирается рассматривать доказательства виновности или невиновности Бейлиса, потому что заранее знает, что тот виновен. И виновен он не потому, что пойман с поличным, — это невозможно, потому что Бейлис никого не убивал. И не потому, что есть неопровержимые доказательства его вины, — их не существовало. Он виновен, потому что он еврей. Об этом автор и пишет. Оказывается, тихий спокойный приказчик — «типичный преступник». А черты преступника — это выдающаяся нижняя челюсть и покатый лоб, «иудейский затылок» (что бы это ни значило) и «матово-черные волосы». Даже «старые художники», творцы былых времен, осуждают Бейлиса, потому что именно так они рисовали злодеев. И даже если Бейлис подносит платок к глазам, то он не плачет, а делает вид, что плачет.

Владимир Галактионович Короленко, сыгравший огромную роль в защите Бейлиса, писал:

«В Государственной думе депутат Марков живописал следующую картину. Дети в яркий солнечный день играют в садике, не чуя беды... вот к ним (среди белого дня!) уже „подкрадывается еврейский резник с кривым ножом (!) и, наметив резвящегося на солнышке ребенка, тащит к себе в подвал“. Большинство депутатов хохотало, тогда „оратор“ стал прямо грозить погромом. И это, конечно, было единственное место речи, в котором звучало хоть некоторое правдоподобие».

Приказчик превратился в «резника». Резник — это человек, резавший скот в соответствии с предписаниями иудейской религии. Менахем Бейлис был приказчиком на заводе. Но черносотенцу Маркову надо показать, что он зарезал православного мальчика как скот, и вот он уже называет его резником. Андрюше Ющинскому нанесли множество колотых ран чем-то вроде большого шила, но шило выглядит не так впечатляюще, как нож, и Марков тут же наделяет Бейлиса ножом, да еще кривым — как у пирата из детских книжек.

Очень быстро стало ясно, что речь идет вообще не о Бейлисе.

И вот уже депутаты Государственной думы говорят о необходимости принять меры для «обнаружения еврейской секты, замучившей Ющинского», и возмущаются полицией, которая проводит следствие «не к

выяснению, а к сознательному затемнению дела, не к обнаружению истины, а к сокрытию ее, не к изобличению иудеев, совершивших, по убеждению местного населения, зверское убийство ради крови христианского младенца, а к отвлечению подозрения».

Рассматриваются не улики против конкретного Бейлиса, которых нет, а вопрос «вообще» — существуют ли ритуальные убийства у евреев. И обвинители не сомневаются, что такие убийства происходят, вот что пишет газета «Русское знамя»:

«...Религия эта, по русским законам, не может быть дозволена и участники ее подлежат обезвреживанию или путем ссылки в такие места, где они должны вымереть, или путем вечного заключения. ...Признав жидовскую религию изуверской, правительство не остановится перед мерами ликвидации жидов тем или иным способом».

Черносотенные журналисты ликуют. «Наша юстиция не дрогнула. И не только поставила определенное обвинение Бейлису, но решилась поставить вопрос прямолинейно — об убийстве с ритуальной целью. Это величайшая заслуга судебного ведомства!» — пишет «Земщина».

Разделение на два лагеря проходило не по линии «националист — не националист», а, скорее, между честными людьми и негодями. Знаменитый националист Василий Шульгин очень не любил евреев, но само обвинение и ход процесса вызывали у него возмущение. Газета Шульгина «Киевлянин», к удивлению многих, начинает заступаться, наверное, не столько даже за Бейлиса, сколько за здравый смысл:

«Процесс идет так, как того и следовало ожидать. Все отлично знали, что не в Бейлисе тут дело, что он в этом процессе есть досадная формальность, устарелое требование закона, некая условность, без которой нельзя обойтись. Так и продолжается. Идут целые дни, когда о Бейлисе не упоминают ни одним словом, и суд даже, по-видимому, забывает о его существовании».

Отношение к евреям оказывается важнее многого — честности, научного подхода, объективности. Известный психиатр и ученый Иван Алексеевич Сикорский выступал свидетелем на процессе и заявил, что это убийство — «расовое мщение или вендетта сынов Иакова к объектам

другой расы... Факт избрания жертвой детей... а также обескровливание убиваемых... вытекает из других оснований, которые, быть может, имеют для убийц значение религиозного акта». Эти слова не имели никакого отношения к сфере деятельности Сикорского — он не был специалистом по религиозным обрядам, но зато твердо верил в существование ритуальных убийств. Короленко написал: «Профессор Сикорский вместо психиатрической экспертизы стал читать по тетради собрание изуверных рассказов, ничего общего с наукой не имеющих». Коллеги-психиатры пришли в ужас. Владимир Петрович Сербский, основатель судебной психиатрии в России, заявил: «В экспертизе профессора Сикорского наука с ее первым и необходимым условием — добросовестностью — и не ночевала». Журнал «Современная психиатрия» назвал экспертизу «позорной и не соответствующей самым элементарным научным требованиям». Журнал невропатологии и психиатрии заявил, что «маститый русский ученый скомпрометировал русскую науку и покрыл стыдом свою седую голову». А Общество психиатров даже вынесло отдельную резолюцию, назвав экспертизу «псевдонаучной, не соответствующей объективным данным вскрытия тела». Сикорского осуждали в журналах и газетах, на съездах психиатров в России и за рубежом. Тот взывал к полиции, и за критику экспертизы Сикорского в России даже закрыли несколько медицинских обществ.

Разумная же медицинская экспертиза говорила, что «уколы в область сердца дают, как и пулевые ранения, колоссальное кровоизлияние внутрь и незначительное наружу. Эти раны не есть средство для получения крови». Это были слова Ивана Петровича Павлова.

Но раз медики протестовали, надо было найти другие доказательства вины — причем опять же не Бейлиса, а всех евреев вообще. Обвинение решило опереться на еврейские религиозные сочинения. В деталях иудейской обрядности мало кто разбирался, кроме самих евреев, и читать тексты на древнееврейском языке мало кто умел. Не могли этого сделать и обвинители, но они нашли человека, который должен был им помочь. Специально из Туркестана был привезен католический священник, готовый «как эксперт» засвидетельствовать существование ритуальных убийств у евреев. Вот что об этом пишет писатель Семен Резник:

«Ксендз Пранайтис и оказался тем человеком, который осмелится под присягой, на глазах всего мира, пристально следившего за процессом, возвести кровавый навет на целый народ. Пранайтис приводил цитаты из Талмуда, из которых

следовало, будто евреи — враги всего человечества; будто они ненавидят христиан и ежедневно проклинают их в своих молитвах; будто их религия позволяет и даже предписывает обманывать христиан, всеми правдами и неправдами захватывать их имущество, быть клятвопреступниками, лицемерами, и, наконец, будто при многих иудейских обрядах, а особенно при изготовлении пасхального хлеба-мацы, евреям предписывается добавлять христианскую кровь, которую они добывают, убивая младенцев». О самом Бейлисе здесь ни слова — суд идет над всем еврейским народом. Но и тут доказательства, построенные на никому не понятных и неизвестно откуда взятых текстах, начинают разваливаться: „Защитники попросили ксендза Пранайтиса указать, в каких именно трактатах Талмуда имеются приводимые им тексты. На это эксперт ответил, что не взял с собой своих записей, а по памяти ссылки делать не может. Тогда защитники предоставили ему Талмуд — с тем, чтобы он отыскал и перевел приводившиеся им цитаты. Пранайтис ответил новой уловкой: цитированные им места имеются-де не во всех изданиях Талмуда, а только в некоторых, очень редких, достать их почти невозможно (он назвал издания 300-летней давности). Однако защита, под смех зала, ответила, что у нее есть и эти издания, и Пранайтис оказался припертым к стене “».

Сын Веры Чеберяк умер во время процесса — скорее всего, от дизентерии, хотя тут же пошли слухи, что его отравили, чтобы он не смог дать показаний против Бейлиса. Короленко написал:

«Перед смертью сына 2-жа Чеберяк наклонялась над ним, целовала его и умоляла: „Скажи, что твоя мама тут ни при чем“. Но мальчик отвернулся к стене и сказал только: — Ах, мама, оставь...»

Я не знаю теперь в России женщины несчастнее 2-жи Чеберяк. И она проявляет изумительное самообладание... Во всяком случае, это факт, из дела неустранимый: дети против нее... Дети за Бейлиса».

Трудно сказать, что повлияло на присяжных, чьи мнения разделились поровну: шесть за, шесть против, а в дореволюционной России это означало, что принималось решение в пользу обвиняемого. Антон Носик

обратил внимание на то, как дружно общество в 1913 году противостояло волне безумия и фальшивых обвинений:

«Организаторы дела Бейлиса на всех стадиях подготовки показательного процесса столкнулись с тотальным отказом правоохранного сообщества от сотрудничества с обвинением. Во всей киевской окружной судебной палате не нашлось судьи, готового вести дело в нужном власти ключе, — судью Федора Болдырева пришлось для этих целей привезти из Умани, пообещав после успешного завершения суда сделать главой палаты. Во всем Киеве не нашлось прокурора, согласного представлять заведомо ложное обвинение: блядовитого обвинителя Оскара Винпера пришлось везти аж из Санкт-Петербурга. Еще хуже обстояло дело со следствием. Власти были вынуждены поочередно отстранить от расследования всех, кто им занимался с 1911 года... Такая же проблема возникла у обвинения и с экспертами из медицинской и церковной среды. Все медицинские эксперты, осматривавшие тело убитого мальчика, поочередно отвергли версию о ритуальном убийстве. В результате обвинению пришлось привлечь к экспертизе платного агента Департамента полиции Косоротова (получившего за свои показания 4000 рублей наличными из тайных полицейских фондов) и черносотенца Сикорского, чьи показания на процессе были решительно осуждены российским медицинским сообществом... Ни высшие иерархи православной церкви, ни местные священники не согласились лжесвидетельствовать, чтобы помочь осуждению невинного... Апофеозом несотрудничества в деле Бейлиса стал вердикт присяжных. Они, как известно, отбирались и напутствовались судьей Болдыревым с единственной целью: гарантировать обвинительный приговор, независимо от хода судебного следствия. Пятеро заседателей, включая старшину, были просто членами „Союза русского народа“. Но и среди остальных семи не было ни лиц с высшим образованием, ни каких-то других сомнительных личностей, которых можно было бы подозревать в тайном „либерализме“ или сочувствии жидам... Несмотря на такой основательный подход организаторов процесса к формированию коллегии присяжных и манипуляции их мнением, вымутить обвинительный приговор властям не удалось. При всем своем

антисемитизме, при безусловной готовности поверить в то, что евреи действительно употребляют кровь христианских младенцев для выпечки мацы, большинство заседателей оказалось не готово взять грех на душу, осудив невиновного. В результате 100 лет назад Менахем Мендель Бейлис был оправдан присяжными и освобожден в зале суда. И в этом — великая заслуга всех тех, кто отказался ради высших государственных соображений поддержать ложное обвинение».

Бейлис поспешил уехать с семьей — сначала в Палестину, а потом в Америку. Иван Сикорский умер в Киеве, занятом Петлюрой, в 1919 году. Владимир Голубев погиб во время Первой мировой войны. Многие из тех, кто травил Бейлиса и организовывал процесс, через много лет погибли в сталинских лагерях, что тоже дало возможность любителям разговоров «о жидомасонском заговоре» заявить, что это еврейские комиссары сводили с ними счеты. Но среди тех, кто защищал Бейлиса, тоже есть жертвы сталинских репрессий.

Принцип коллективной ответственности в истории XX века, к сожалению, применялся очень часто. В СССР целые народы отправляли в ссылку за реальные, а чаще вымышленные преступления отдельных их представителей. После войны евреев объявили «самой космополитической нацией». В Германии в газовые камеры посылали целые группы людей — преступление евреев, цыган или гомосексуалов состояло уже в самом их существовании.

Разве что папы римские Иоанн XXIII и Павел VI пошли против общей тенденции, и Второй Ватиканский собор принял решение о том, что современные евреи не виноваты в распятии Христа.

Понаехали

Антисемитизм обладает удивительной живучестью. Один журналист, много работавший в горячих точках по всему миру, заметил, что даже в таких местах, где никогда не видели евреев — например, в африканской глубинке, — как только усиливается нестабильность, начинаются разговоры о загадочном «жидомасонском заговоре». Во многих европейских странах, правда, уже неприлично демонстрировать свой антисемитизм. Критиковать государство Израиль — пожалуйста, но при этом надо обязательно добавить, что говоришь «не о евреях, а об

израильтянах». Антисемитизм, конечно, остался даже в самых цивилизованных государствах, но открыто проявляют его уж совсем зарвавшиеся экстремалы. Но ненависть к чужим, страх перед теми, кто не такой, как ты, осталась. Она просто нашла себе новое воплощение, которое, если внимательно приглядеться, не слишком отличается от старого.

Разговоры о том, как «они» насилуют «наших» женщин (а также детей и стариков), возобновляются периодически. Вот, например, характерный пост из группы в «Одноклассниках»^[1] под названием «Найти и наказать»: «Мигранты массово насилуют и убивают русских детей. Россия стала частью сексуального демонтажа европейской (белой) расы».

За этим следует текст, в котором используется еще один очень популярный прием — претензия на научность. В каждом абзаце здесь — цифры и «статистические данные», только без каких-либо сносок и подтверждений.

«За время нелегального пребывания на территории России сроком две недели или больше каждый второй мигрант (гастарбайтер, транзитчик и др.) вступает в сексуальные отношения с партнерами, постоянно проживающими в городской или сельской местности».

«Каждый двухсотый (200-й) незванный гость России склонен к совершению сексуальных преступлений над пожилыми людьми».

«В изнасиловании ребенка (с белым цветом кожи) принимает участие каждый двадцатый (20-й) нелегальный инородец».

«В России каждая шестая жертва сексуальных домогательств нелегалов (гастарбайтеров и транзитчиков) не успевает отметить 9-летие!»

За цифрами следуют «конкретные факты», иногда даже со ссылками на какие-то невразумительные сайты. Идея здесь совершенно проста — «точные» данные, которые для большей убедительности записываются в скобках цифрами, создают впечатление статистики, а «примеры» должны лишней раз ударить по нервам. И, естественно, в данном случае «враги» тоже покушаются на самое дорогое — на женщин, детей, родителей. То, что автор текста ставит знак равенства между понятиями «мигрант», «нелегал», «гастарбайтер» и «транзитчик», говорит не только о его невежестве, но еще и о том, что подобный текст создает обобщенный образ

врага, который не требует вдумчивого разбирательства: а любой ли гастарбайтер — нелегал?

И дело не только в этом.

Цифры, кажущиеся столь убедительными автору поста и тем, кто оставляет под ним сочувственные комментарии, — это ведь вообще не статистика.

Потому что статистика, как бы ее ни ругали, — это наука, причем оперирующая большими величинами и опирающаяся на достоверные источники. Слова о каждом двадцатом и каждом двухсотом — это просто слова, цифры, которые взялись ниоткуда, да и неоткуда им было взяться в стране, где, по данным Центра помощи жертвам сексуального насилия «Сестры», лишь 10-12% пострадавших обращаются в полицию, заявление принимают только у каждой пятой, а до суда доходит 2,9% уголовных дел [\[2\]](#).

Настоящая статистика по количеству преступлений мигрантов есть. Она не очень точна, потому что мы, увы, никогда не можем быть уверены в правильности проведенного следствия и полученных показаний. Но можно предположить, что вряд ли следователи будут выбивать показания, оправдывающие мигрантов.

Вот что пишет Юлия Флоринская, географ, демограф, ведущий научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС:

«Посмотрим сначала на Россию в целом. Статистика МВД показывает, что на мигрантов из года в год приходится не более 3,8% расследованных преступлений. То есть доля преступлений, совершаемых иностранными мигрантами, примерно соответствует их доле в населении страны — около 4%».

«Часто говорят, что мигранты совершают чуть ли не все изнасилования в России. Но статистика Судебного департамента это опровергает. Доля иностранцев среди осужденных за изнасилования — 10-12%. Это выше, чем их доля среди всех осужденных по всем статьям Уголовного кодекса — около 4%, но не тянет на „все“» [\[3\]](#).

Впрочем, вряд ли можно себе представить, что защитники «белой расы» изучают исследования и возятся с графиками и диаграммами — это очень хлопотно и долго, да и на читателей куда проще повлиять с помощью «каждого 20-го» и «каждого 200-го».

Волна сирийских беженцев, захлестнувшая Европу, сразу же породила разговоры о том, что беженцы нападают на «белых женщин». Хулиганские действия людей, пришедших встречать Новый, 2016 год в центр Кельна, подлили масла в огонь. Хулиганы там действительно были, но интересно, что и как об этом писали.

Вот некая женщина, ведущая блог на «Эхе Москвы» и называющая себя Жанной Спитковской, предпринимателем (город Кельн), публикует текст под названием «Протокол отчета старшего комиссара полиции о новогодней ночи в Кельне»^[4]. Она ссылается на протокол, опубликованный в газете «Ди Вельт», но ссылку не ставит. Текст этот, как она утверждает, «написан одним из руководителей полицейской операции в Кельне в новогоднюю ночь».

Что же там произошло?

«Наши машины были обстреляны новогодними гранатами».

«На площади перед вокзалом находились несколько тысяч в основном мужчин мигрантов, без разбора бросавших бутылки и стрелявших новогодней пиротехникой в людей».

«Около 22.45 вокзал и привокзальная площадь были заполнены мигрантами мужчинами... Женщины в сопровождении и без сопровождения подвергались надругательствам... которые невозможно описать» (имеется в виду ситуация, когда заключенных протаскивают через человеческий коридор и избивают кулаками стоящие по обе стороны сокамерники)».

«...мы контактировали с руководителем операции».

«...Мы оба пришли к заключению... что эта ситуация... приведет к серьезным ранениям, и даже к смертельным исходам».

«Во время операции по освобождению площадей... полицейских забрасывали пиротехникой и бутылками».

«...плачущие женщины и девушки жаловались полицейским на сексуальные домогательства мигрантских групп... идентификация нарушителей уже не представлялась возможной».

«...вследствие того, что нарушений было очень много, не

было возможности им воспрепятствовать... Поскольку полицейские не могли помочь пострадавшим... они пришли в состояние отчаяния».

«Мигранты рвали документы о разрешении на пребывание в Германии и с ухмылкой бросали в лицо: вы мне ничего не сделаете, завтра новые получу». «Вокзал был заполнен экскрементами и рвотными массами».

«Множество мужчин мигрантов, находившихся на вокзале без определенной цели, крушили все кругом».

Завершается это жуткое описание страшного погрома словами:

«Комиссар полиции, передавший протокол газете, совершил акт гражданского мужества.

Согласно последним интервью с несколькими полицейскими, пожелавшими остаться инкогнито, в новогоднюю ночь были установлены личности около 100 мигрантов, в основном это недавно попросившие убежище сирийцы. Полицейские также не согласны с официальной версией начальства об ограблениях. В подавляющем большинстве случаев речь шла о сексуальных домогательствах».

Здесь показательно все. Текст написан «одним из руководителей полицейской операции» — без имени. Начинается со страшной фразы о том, что автомобиль был «обстрелян новогодними гранатами». Что мы должны представить, прочитав слово «гранаты»? Война, взрывы, искореженные тела. В данном случае явно имеются в виду петарды, которые так любят во всех странах взрывать на Новый год, а в Германии это просто национальный спорт, причем любимый как раз коренными немцами. Что происходит дальше? Полицейских забрасывают «пиротехникой и бутылками». Вокзал заполнен «экскрементами и рвотными массами». Действительно неприятно. Правда, в новогоднюю ночь подобные казусы случаются даже с добропорядочными немцами, но, по умолчанию, получается, что экскременты и рвотные массы оставили мигранты, которые «крушили все кругом». В общем, страшная картина — рвутся гранаты, рыдают девушки, которых избивают кулаками, как в тюрьме, полицейские «в отчаянии». А мигранты дошли до того, что рвут документы о разрешении на пребывание в Германии. Зачем? Просто, чтобы продемонстрировать свое всемогущество — ведь завтра они получают новые. Вот

этот штрих — самый замечательный: мигранты настолько всемогущи, что могут разорвать вид на жительство в Германии. Завтра выдадут новый — не надо будет стоять в очереди, заполнять множество бумажек, он просто придет и получит. Уже одной этой фразы достаточно, чтобы поставить под сомнение весь рассказ. Впрочем, мы знаем из множества источников, что беспорядки в Кельне действительно были. Вот только немецкая полиция все подсчитала и отчиталась 10 февраля 2016 года — в той самой газете «Ди Вельт»^[5].

Оказалось, что из 1054 поданных жалоб больше всего — 372 — было на выхваченные сумки, 274 — на Sexualdelikt, а еще 162 — на sexuelle Beleidigung. Оба этих понятия предполагают то, что принято называть «харассментом» — разными степенями сексуального оскорбления женщины, но вот только никак не изнасилованием. По-русски мы назвали бы это «приставанием» — прижиманием, хватанием за руки, неприличными замечаниями — неприятными вещами, безусловно. Но только совсем не похожими на тот ужасный ад, который описывает «предприниматель из Кельна» в своем блоге.

Изнасилований-то не было. Не было вообще.

Что касается задержанных, то сирийцев среди них было двое, зато 25 алжирцев, 21 марокканец и трое тунисцев, что вроде бы работает на образ темнокожих «чужих», пристающих к «нашим» женщинам. Правда, эти алжирцы и марокканцы уже давно живут в Германии и явно не «понаехали» с волной сирийских беженцев. Еще там были: один выходец из Ирака, один из Ливии, один из Ирана, ой, и три немца и даже один славянин-черногорец. Конечно, в этом списке преобладают представители мусульманских народов, но вот только мы не знаем — кто из них приставал к девушкам, а кто вырывал сумки.

Автор блога на «Эхе Москвы», правда, считает, что на площади были в основном только что попросившие политического убежища сирийцы, а безымянные полицейские якобы считают, что начальство врет, никаких ограблений не было, а были только сексуальные преступления. И это очень характерно. «Чужаков» должны прежде всего интересоваться местные женщины. По-другому быть не может.

Конечно, мигрантов обвиняют не только в сексуальных домогательствах (тем более что за последнее время вдруг выяснилось, что этим грешат и голливудские продюсеры, и российские политики, и многие другие). Ужасающие цифры, говорящие о страшном разгуле преступности среди мигрантов, — тоже типичная вещь в самых разных странах. Только вот статистика МВД свидетельствует, что мигранты каждый год совершают

примерно 3,8% раскрытых преступлений. Ну, накинем еще несколько процентов на нераскрытые. И при этом отнимем те дела, которые бравые полицейские «повесили» на таджикских дворников. Все равно получается как-то уж не очень страшно. И, кстати, главные преступления мигрантов — это нарушения паспортного режима.

* * *

Тот же самый стереотип сработал, когда живущая в Берлине 13-летняя русская девочка Лиза, придя домой после 30-часового отсутствия, заявила, что ее украли и изнасиловали несколько арабов. Начавшаяся вокруг Лизы вакханалия — митинги, статьи, высказывания официальных лиц — показывала, что история, придуманная девочкой, чтобы прикрыть своего друга, к которому она убежала, пришлась ко двору. Да и Лиза вряд ли придумала бы такое сама, если бы не слышала все время по телевизору, как «они» насилюют «наших» женщин. И понеслось.

Министр иностранных дел Сергей Лавров призвал «не замечать под ковер» историю с Лизой. Министр иностранных дел ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер назвал это вмешательством во внутренние дела Германии. Константин Косачев, глава комиссии Совета Федерации по международным делам, не мог остаться в стороне и заявил, что немецкий министр должен быть «предан анафеме» за нарушение принципа «права человека выше государственных границ».

Не буду комментировать по сути эти слова, обращу только внимание на выражение «предан анафеме». Как вдруг в споре о судьбе современной девочки вылезают старинные церковные формулировки. Еще бы, ведь речь идет о защите «нашей цивилизации» от «них». Это святое. Это все равно, что борьба с Антихристом. Как сообщала 28 января 2016 года программа «Вести», Косачев выступил с оригинальным предложением.

«Представитель российского Совфеда пообещал на каждой встрече с немецкими политиками, правозащитниками и дипломатами задавать один и тот же вопрос: „Согласны ли они, что любые внешние вопросы о соблюдении прав человека, тем более — ребенка, в их стране являются вмешательством во внутренние дела Германии? “ „Даже интересно, как они будут выкручиваться“, — заключил Косачев».

Правда, выкручиваться особенно не пришлось, потому что уже на следующий день, 29 января, прокуратура Берлина выяснила, что Лиза ночевала у своего знакомого. Немца. Не мигранта. Достаточно оказалось проанализировать данные ее телефона, чтобы обнаружить, что следы ведут к ее 19-летнему другу, гражданину Германии. В квартире, где молодой человек жил со своей матерью, были обнаружены вещи Лизы.

В этот момент пришлось выкручиваться нагнетавшим истерию журналистам. Уже через несколько часов после заявления прокуратуры на Vesti.ru вышел материал, в котором главной должна была быть фраза о том, что в деле Лизы «не было ни похищения, ни изнасилования». Но автор текста умело запаковал это — на тот момент сенсационное — сообщение в обертку, говорившую совершенно о другом. Вступление к статье посвящено вовсе не разоблачению вранья Лизы, а нехорошим немецким властям.

«Травля российских журналистов вместо тщательного расследования. И недомолвки немецких властей вместо внятного ответа на запросы российских дипломатов. Официальный представитель МИД России Мария Захарова в подробностях рассказала о ЧП с 13-летней россиячкой в Берлине. История девочки Лизы, пропавшей почти на сутки, вызвала несколько жестких заявлений со стороны России и Германии и до сих пор нуждается в объективном расследовании.

29 января 2016 года прокуратура Берлина, после нескольких недель молчания и недомолвок, а затем и организованной травли российских СМИ, огласила свою версию инцидента с 13-летней Лизой. Что произошло на самом деле, почему вопрос вышел на дипломатический уровень? Попытки замолчать события в Кельне заронили недоверие к немецким правоохранителям».

Статья, в которой как раз сообщается, что власти провели тщательное расследование и выяснили, где была Лиза, начинается с фразы о «травле российских журналистов вместо тщательного расследования», а дальше следует утверждение, что история Лизы «до сих пор нуждается в объективном расследовании». После этого говорится о данных телефона и о том, что молодой человек признал: Лиза ночевала у него. Так что объективное расследование уже и не нужно. Но автор статьи тут же переходит на общую обстановку — как раз в это время в СМИ изо всех сил раздувается история про Новый год в Кельне.

«Делая категорические выводы — сначала, конечно, не для СМИ, а для родителей девочки, полиция не учла эмоциональный фон, крайне неблагоприятный в отношении правоохранительных органов после событий в Кельне, когда в течение четырех дней они пытались замять историю с массовыми нападениями мигрантов на женщин в новогоднюю ночь. У русскоязычных жителей Берлина, которые выходили на стихийные сходы, после трудового дня или собрались на митинг у офиса канцлера 23 января, было больше оснований доверять пострадавшим, и своим собственным впечатлениям от соседства с центрами размещения беженцев, чем полиции. „Мы боимся выходить. Очень много случаев, когда мигранты или арабы нападают на женщин, — заявляет участница митинга против нелегальных беженцев“».

Где они, эти случаи? Кто их зафиксировал? Хотя бы как зовут участницу митинга? Все те же ни на чем не основанные утверждения, играющие на все тех же страхах.

А что касается Лизы, то за время расследования оказалось, что она все-таки вступала в сексуальные отношения. Но только добровольно. С двумя молодыми людьми. Турецкого происхождения. Но гражданами Германии. И было это до того, как она убежала из дома и придумала байку про изнасилование. Молодых людей судили. Один из них доказал суду, что он был уверен, что девочке 16 лет. Другой, как выяснилось, знал, что Лизе было 13. Но дело происходило все-таки по обоюдному согласию, поэтому его приговорили к одному году условно и к штрафу.

* * *

Известный психологический феномен — если будешь долго, с подробностями и долгими объяснениями создавать вроде бы правдоподобную картинку, ей поверят меньше, чем простой, но наглой лжи. Примитивная ложь может оказаться более убедительной, чем правда, — в правде всегда есть оттенки, нюансы, начинаешь их объяснять, путаться: «Видите ли, мы с друзьями каждый Новый год ходим в баню...» Какой нормальный человек этому поверит? А вот если, глядя в глаза, спокойно ляпать что-то простое, то может и получиться — сколько людей продолжают верить жуликам, просящим милостыню «для лечения

умирающего сына», а ведь много раз уже писали, что когда к этим несчастным подходят, например, врачи и предлагают устроить ребенка на лечение, то те почему-то отказываются. Но это слишком сложно — поверить в данном случае проще.

Вот и Ульяна Скойбеда, журналистка, прославившаяся своим сожалением о том, что из «кожи нынешних либералов нацисты не наделали абажуров», в 2015 году разразилась в «Комсомольской правде» статьей о печальной жизни людей в Германии, под пугающим названием: «Хроника жизни Германии: чтобы ублажить беженцев, католическая церковь отказывается крестить младенцев». В нем приводятся отрывки из дневника некой «Галины Ивановны», приехавшей в Германию из Казани и теперь собирающейся бежать из страны. Фамилии Галины Ивановны и ее фотографии, естественно, нет.

«Сегодня немецкий интернет обсуждает заявление своего правительства о необходимости привоза в страну мигрантов из всех горячих точек планеты... И это при том, что вчера было озвучено желание правительства поднять пенсионный возраст до 70 лет. То есть старики будут занимать свои рабочие места до 70 лет, а где будут работать молодые немцы? Если безработица уже сейчас 30 процентов? И где те мифические рабочие места для Нгамбы и Юлдирима?

Вишенкой на торте: католическая церковь Германии приняла решение отказаться от практики крещения младенцев. Причина: нельзя навязывать человеку Веру, пусть он вырастет и решит сам. Даже забавно наблюдать, как и с какой скоростью Европа сама себя губит. Запасуюсь попкорном».

Вот, оказывается, как: беженцы угрожают не только рабочим местам немцев, но еще и самой христианской вере — ради них церковь перестанет крестить младенцев.

«В классах отменили уроки религии, со стен сняли распятия. Рождественские каникулы переименовали, это теперь „зимний перерыв“».

«Нереально понять, что происходит. В Германии стало так много криминала, что сегодня Союз полицейских потребовал разрешить им не заниматься мелкими преступлениями, то есть кражами, кражами в магазинах и бытовыми драками».

А в Германии-то, оказывается, и так жить не сладко:

«Собирание пустых бутылок помогает многим немецким пенсионерам держаться на плаву. Для многих копание в мусорных урнах — единственный, но унижительный способ выжить. Поэтому пенсионеры Мюнхена просят мэрию города поддержать инициативу других городов и установить на урнах так называемые круги для сбора пустых бутылок (Pfandringe), что помогло бы старикам. Ответ городского правительства Мюнхена однозначен: нет. Эти круги надо произвести, навесить, мыть...»

Как же правительство допускает все эти ужасы? Да очень просто, Германия-то — совершенно извращенная и умирающая, а беженцы ее укрепят.

«Слышала от умных людей, что беженцев завозят на случай войны с Россией, к которой активно готовят среднего бургера. Русские здесь опять: „Subhumans, Untermenschen“, недочеловеки, против которых воевать надо, но как-то неуютно. К тому же из десяти немецких мужчин пятеро с излишним весом, трое гомосексуалисты и двое, как раз, исламисты»^[6].

Текст сразу же вызывает отвращение, но почему? Нагромождение агрессивных нелепостей кажется абсурдным, но примитивные и агрессивные фразы, ссылки на никому не известную Галину Ивановну и псевдостатистика работают.

Другая русскоязычная жительница Германии не поленилась и проанализировала статью Скойбеда шаг за шагом.

«Школьник умер от чумы, подтвердили врачи. Чума в Берлине». Ссылка ведет на статью „Фокуса“ о случае заболевания чумой в штате Колорадо, США. Практически все ссылки на Sueddeutsche Zeitung выводят на портал netzplanet, известный своими расистскими праворадикальными статьями под соусом „сказать правду“, причем абсолютно неизвестно, кто за этим порталом стоит.

О 70% безработных вообще интересно. Речь в статье, на которую они указывают, действительно идет о 70% —

увеличилось количество людей, у которых нет постоянного рабочего места (это на 7,6 млн человек больше)».

Понятно, что люди могут работать вне офиса, на временной работе, постоянно переезжать.

«Про африканца-беженца, убившего женщину. Да, действительно, было дело. Газета „Бильд“ (живущие в Германии уже усмехнулись) рассказала эту историю. Уточнив, что женщина, возможно, его знала. Но ни слова, что он беженец».

«Бильд» — это знаменитый немецкий таблоид, известный недостоверностью информации.

Есть и совсем простые приемы:

«Много неточных переводов. Другое слово — совершенно обратный смысл: пенсионеров попросили, и, если они согласятся, им во всем обещали помочь, поменять их большие квартиры на поменьше. Чтобы помочь семьям с детьми, т.к. в больших городах очень критичная ситуация со свободными и доступными для малообеспеченных семей квартирами. Галина говорит о „принудительном переселении стариков“ из-за нехватки жилья для беженцев. Статья из немецкой газеты изнасилована в общем два раза.

„Люди стоят в очереди за просроченными продуктами, получают их по спискам“. Есть такая общественная организация Tafel, сотрудничающая с супермаркетами, которые поставляют продукты, у которых истекает срок годности. Но не просроченные, ибо это по закону запрещено. Не думаю, что супермаркеты пойдут на этот риск, уж лучше выкинуть — дешевле будет. В магазинах от этой организации продукты продаются за символическую цену малообеспеченным семьям. В общем, очень профессиональная манипуляция фактами.

Многие факты не снабжены источниками. Метод вброса. Все равно схавают. Мне бы очень хотелось как раз подробнее узнать о католической церкви, и что они не хотят крестить детей, и что уроки религии отменили, а рождественские каникулы заменили на „зимний перерыв“. Все-таки

рождественские сладости уже лежат в магазинах».

Естественно, названия конкретных церквей и школ в статье не приводятся.

* * *

А если верить сайту «Мировой кризис», то зимой 2017/18 года «мэрия Парижа впервые не согласовала массовые мероприятия на период празднования Рождества, мотивируя это недопустимостью таких торжеств в мультикультурном обществе»^[7].

Какой ужас, какое заискивание перед мигрантами и какое наплевательство на традиционные христианские ценности. Правда, как раз в это время в Париже, как и во всей Франции, повсюду светились елки и блестели нарядно украшенные витрины. На сайте радио «Свобода» подробно проанализировали эту новость. Конечно же, на сайте «Фигаро» — одной из крупнейших газет, на которую ссылался «Мировой кризис», — никаких сообщений об отмене рождественской елки найдено не было. Тогда автор статьи задает резонный вопрос: «Но все же — почему именно Париж, а не, скажем, Цюрих, Прага или Милан?» И предлагает на него остроумный ответ — возможно, те, кто выдумали эту жуткую предрождественскую страшилку, «творчески переработали действительно вспыхнувший во французской столице в преддверии праздников конфликт — мэрия отказалась продлевать аренду владельцу рождественских рынков на Елисейских Полях и постановила демонтировать колесо обозрения на площади Согласия». Но проблема заключается в том, что аренду отменили не в угоду злобным мусульманам, а как раз наоборот, — исходя из того, что эти рождественские рынки противоречили традиционным французским ценностям — на них в основном продавались китайские товары. А колесо на площади Согласия нарушало исторический (традиционный!) вид города^[8].

* * *

«Антимигрантские» и «антимусульманские» настроения умело подогреваются и в Москве. В 2017 году один из главных мусульманских праздников — Курбан-байрам — пришелся на 1 сентября. В Москве всего

несколько мечетей, а мусульман очень много, поэтому во время каждого праздника у мечетей происходит дикое столпотворение, что порождает многочисленные восклицания в интернете, будто Москва превратилась в «Москвабад». Несколько школ, находящихся неподалеку от Соборной мечети, в 2017 году решили перенести торжественную линейку с пятницы, 1 сентября, на понедельник, 4 сентября. Вполне разумное решение, его, судя по всему, поддержали большинство родителей и московская мэрия. При таком стечении народа провести линейку, на которую приходят не только дети, но и мамы, папы, бабушки и дедушки, будет довольно трудно.

И вдруг оказалось, что якобы огромное количество родителей возмущено тем, что их детей «лишают праздника», что «нарушается традиция» и так далее. Скажем прямо, традиция эта нарушается регулярно — например, раз в несколько лет 1 сентября приходится на выходные. А еще время от времени — на день города, когда повсюду происходят праздничные гуляния. И ничего страшного не происходит. Но ведь в данном случае праздник «украли» мусульмане, а мусульмане вызывают страх, который умело раздувают средства массовой информации.

Lenta.ru опубликовала репортаж, в котором привела разные мнения. От восклицаний возмущенной матери: «Как объяснить своему первокласснику, что все его друзья пошли в школу нормально, а он рыжий? Это ведь память на всю жизнь... Я считаю, что все, чьи школы отменили 1 сентября, должны обратиться в управу Мещанского района и в Минобразования с жалобой». И до высказываний родителя десятиклассника: «Мы очень рады переносу начала учебного года. Вот чем я возмущен — так это тем, что в многомиллионной Москве христианские объекты культа тыкают на каждом углу, а мечетей и синагог раз-два и обчелся».

Журналисты дали высказаться и родителям, и учителям, и представителям городских властей. Прекрасно! Но. Статья названа «Не из-за мусульман, а в целях безопасности». Название как бы успокаивающее, но в одной фразе соединены слово «мусульмане» и слово «безопасность» — и это сразу работает на страхи, живущие в подсознании тысяч людей. Еще даже не понятно, о чем речь, но ясно, что там, где мусульмане, почему-то понадобилась безопасность. Подзаголовок статьи еще интереснее «Почему 1 сентября принесут в жертву Курбан-байраму». Не перенесут, не отложат, а «принесут в жертву». А для того, чтобы образ был еще сильнее, рядом помещена не слишком приятная фотография мусульман, режущих баранов на Курбан-байрам. И кто же в этой ситуации бараны? Московские первоклассники?

Люди, опрошенные журналистами, тоже говорят интересные вещи.

«Местный активист и кандидат в муниципальные депутаты Станислав Мацак поддерживает перенос начала учебного года и говорит о том, что его удивляют возмущающиеся. Но при этом обосновывает он это так: „К нам сюда придут 90 тысяч мусульман. Ведь для них Курбан-байрам — это все равно что для нас 9 мая: самый лучший праздник в году“».

Опять вечная оппозиция «мы» и «они». И это не просто противопоставление жителей Мещанского района (среди которых, очевидно, мусульман нет) и последователей ислама. Оказывается, что для «них» лучший праздник в году — Курбан-байрам. Они же явно не отмечают 9 мая, лучший праздник «для нас». Может быть, мусульмане не воевали в рядах Советской армии? Может быть, они все поддерживали фашистов? А ведь действительно, по распоряжению товарища Сталина все чеченцы и крымские татары были отправлены в ссылку. Наверное, не случайно?

Вероятно, Станислав Мацак ничего такого не имел в виду, но подсознательно он выбирает такие слова, которые возрождают старые предрассудки и стереотипы. Активист продолжает:

«Но кто может дать гарантию, что среди тысяч верующих не окажется кто-то один с переформатированными мозгами и не создаст прецедент? Вспомните, что в Сургуте случилось. Нам такая катастрофа не нужна. Поэтому я — за перенос линейки, то есть за то, чтобы не подставляться».

В Сургуте 19 августа 2017 года молодой мусульманин напал с ножом на людей на улице. Ответственность за этот теракт взяла на себя запрещенная в России группировка ИГИЛ. Никакого мусульманского праздника в тот момент не было.

Увы, действительно никто не может гарантировать, что террористы не проникнут в толпу верующих. Впрочем, как показали трагические события в Беслане, они могут напасть на детей с родителями и на линейке перед школой. Линейку переносят просто из-за столпотворения, но сразу же возникает мысль, что у мечети соберутся 90 тысяч террористов.

Когда история с переносом линейки получила широкую огласку, то по этому поводу высказался муфтий Москвы Ильдар Аляутдинов. Как сообщило РИА «Новости», «муфтий Москвы назвал разумной идею о

переносе ленток из-за Курбан-байрама»: «Решение было принято исходя все из тех же соображений безопасности, где каждый мог бы провести свой праздник, не стесняя друг друга и не создавая дискомфортные условия для других». Как видим, здесь тоже есть слово «безопасность», но объяснено, что разговор о ней идет из-за собрания большой толпы у мечети.

«Думаю, не совсем было бы приятно родителям и ученикам, опаздывая на линейку, пробираться через тесно заполненные верующими людьми улицы, мешая совершать им тем самым праздничную молитву, что, по сути, в той или иной степени может в итоге спровоцировать определенные конфликты».

Все верно, все сказано разумно. Но вот сайт Ruprosters, цитируя интервью муфтия РИА «Новости», тут же называет статью «Муфтий Москвы заявил, что родители и ученики могут помешать праздничной молитве 1 сентября».

Цитата муфтия пересказана близко к тексту, но слово «помешать» мгновенно все меняет. Перед нами уже не разумный человек, спокойно поясняющий, что родителям и детям будет некомфортно в толпе, а агрессивный фанатик, который считает, что родители и ученики мешают молиться ему и другим мусульманам. Фраза о конфликтах тоже пересказана почти близко к тексту и тоже чуть-чуть изменена.

«Аляутдинов заметил, что иначе дети и родители могут помешать мусульманам, которые будут праздновать Курбан-байрам. По его словам, опаздывающие, пробираясь на линейку через заполненные улицы, могут спровоцировать конфликты».

Слова звучат как обвинение школьникам, которые, дескать, еще и конфликты спровоцировать могут. Поэтому следующая фраза — «все, независимо от вероисповедания и национальной принадлежности, являются равноправными жителями» — выглядит чуть ли не как претензии мусульман на какое-то особое положение.

Курбан-байрам — это праздник-воспоминание о том, как человеческое жертвоприношение было заменено принесением в жертву барана. И часть мяса принесенного в жертву барана полагается отдать бедным.

Если вдуматься, то мы все мигранты или потомки мигрантов. Мигрантами стали все люди в тот момент, когда homo sapiens вышли из Африки и начали расселяться по земному шару. Мигрантами были предки нынешних жителей Москвы, Лондона, Парижа или Рима, когда они покидали деревни и переселялись в бурно разраставшиеся города. Миграция всегда была непростым делом — она была связана со столкновениями, взаимным непониманием, конфликтами.

Знаменитый актер Бенедикт Камбербэтч после исполнения «Гамлета» призвал своих многочисленных зрителей (а трансляцию смотрели люди по всему миру) пожертвовать деньги организации, помогающей сирийским беженцам. В своем выступлении он процитировал стихотворение сомалийской поэтессы Уорсон Шир, живущей сейчас в Великобритании:

No one leaves home unless home is the mouth of a shark...

No one puts their child in a boat unless the water is safer than the land.

(Никто не покидает свой дом, пока дом не превращается в акулю пасть... Никто не сажает своего ребенка в лодку, пока вода не становится безопаснее земли.)

Но, в конце концов, спасти погибающих людей — это одно, а допустить появление огромного количества «чужаков» на улицах, в школах, в общественном транспорте — это уже другое. Сколько охов и вздохов раздастся по поводу того, что мигранты заполонили древние европейские города, что в Париже «в метро не войти, столько там арабов», что на улицах Лондона сплошные чернокожие.

Тут срабатывает заложенный в нас с древнейших времен страх перед чужими, тот страх, который спасал наших далеких предков в первобытные времена. Вот только мы теперь — не обитатели пещер. Появление мигрантов осложняет жизнь, но оно же дает новый импульс развитию — развитию культуры и общества, в котором люди (и «старожилы», и «новоселы») учатся принимать новых и непохожих людей, преодолевать конфликты, жить вместе.

Британская газета «Телеграф» опубликовала список «20 самых знаменитых иммигрантов, приехавших в Британию»: начинается он с немецкого художника XVI века Ганса Гольбейна, за ним следуют немецкий композитор Георг Фридрих Гендель, актер, композитор и писатель XVIII века Игнасиус Санчо, родившийся на корабле, который вез в Англию рабов, и ставший первым африканцем, чей некролог был напечатан в британских

газетах. Есть тут и немецкий астроном сэр Уильям Гершель, и его сестра Каролина — первая женщина, получившая в XIX веке золотую медаль Королевского астрономического общества. Карл Маркс писал свои труды в библиотеке Британского музея, а великий писатель Генри Джеймс покинул США ради жизни в Великобритании. Зигмунд Фрейд, которого чудом сумели вывезти из захваченной фашистами Австрии, тоже стал мигрантом, а Майкл Маркс — создатель сети магазинов «Маркс энд Спенсер» — родился в белорусском городе Слониме. Один из величайших поэтов XX века Т. С. Элиот перебрался из Америки в Англию, а сэр Алек Исигонис, получивший рыцарское звание за то, что создал одну из самых популярных в Великобритании моделей машин — Mini, — эмигрировал из Греции после греко-турецкой войны. Сэр Лью, барон Грейд, знаменитейший телепродюсер, на самом деле был Львом Виноградским, его семья в 1906 году бежала из Украины, спасаясь от погромов. В списке оказался даже герцог Эдинбургский, муж английской королевы, — он ведь вообще-то греческий принц и родился на острове Корфу. Архитектор Заха Хадид родилась в Багдаде, а не менее знаменитый скульптор Аниш Капур — в Бомбее, нобелевский лауреат Кадзуо Исигуро — в Нагасаки. Список этот можно продолжать до бесконечности. Но дело не в нем. Не все мигранты становятся поэтами или учеными, кто-то совершает преступления, кого-то депортируют из страны, но миграция всегда приводит к обновлению. Это болезненный процесс — старые представления рушатся, новые возникают не сразу. Но там, где нет обновления, нет и жизни.

Архитектор Даниэль Либескинд, автор потрясающей экспозиции Еврейского музея в Берлине, создал пространство из трех осей — Холокоста, Изгнания и Продолжения. Все здесь идет под косыми углами, уже этим создавая ощущение «сдвинутости» мира: «Мир вывихнут, порвалась связь времен». И каждая ось заканчивается «Пустотой» — огромными пространствами, напоминающими о пустоте, оставшейся после погибших или бежавших людей. На оси Изгнания помещены названия тех мест, куда эмигрировали евреи. И несколько фотографий. Больше ничего. А потом посетители выходят в Сад изгнания — жутковатое бетонное пространство, покрытое брусчаткой, по которой очень трудно ходить. Сад этот состоит из 49 огромных бетонных колонн. Вот он, райский сад чужбины. И только высоко наверху на колоннах растут оливковые деревья — символ надежды.

1 декабря 1934 года в Ленинграде был убит первый секретарь Ленинградского обкома Сергей Миронович Киров. Историки до сих пор спорят — было ли это сделано по прямому приказу Сталина, или же его убийца, Николаев, просто сводил счеты с любовником своей жены, а Сталин воспользовался подвернувшейся возможностью. Во всяком случае, после убийства Кирова начался тот страшный период в истории нашей страны, который английский историк Роберт Конквест назвал «Большим террором». За несколько лет в СССР прошли страшные расправы с остатками оппозиции, была произведена кровавая чистка партийного и государственного аппарата, уничтожена вся верхушка армии, проведены позорные публичные процессы, на которых невинные люди признавались в совершенно диких преступлениях.

В убийстве Кирова Сталин обвинил представителей «троцкистско-зиновьевской оппозиции», после чего начались аресты. До Троцкого в тот момент Сталин добраться еще не мог, но Каменев и Зиновьев были арестованы через две недели после гибели Кирова. За ними в ГУЛАг и на расстрел отправились тысячи их сторонников, или тех, кого таковыми назначили. В первые месяцы после начала Большого террора из Ленинграда были высланы 663 сторонника Зиновьева, а 325 человек перевели на партийную работу из Ленинграда в провинцию. Ясно, что через несколько лет они пошли той же страшной дорожкой. В это же время в Ленинграде были арестованы 843 «зиновьевца». В этом есть своя, пусть совершенно извращенная и кровавая, но логика. Обвинив Троцкого, Зиновьева и Каменева в заговоре и подготовке теракта, Сталин начал уничтожать тех, кто их поддерживал.

Но есть еще одна деталь, которая часто остается незаметной среди описаний творившегося в стране кровавого шабаша. В это же время из Ленинграда были высланы пять тысяч семей тех, кого в то время часто называли «бывшими», или «лишенцами», так как эти люди были лишены избирательных прав. Только за март 1935 года из Ленинграда в Сибирь, Казахстан и другие далекие места были сосланы 11 072 человека. По данным историков, среди них — 67 «бывших» князей, 44 графа, 106 баронов, 1177 человек, когда-то служивших офицерами в царской армии, и 218 священников. В апреле в ссылку отправились еще 5100 семей (всего 22 511 человек), а за следующие полтора месяца — еще восемь тысяч человек.

В романе Солженицына «Раковый корпус» герой разговаривает в больнице с санитаркой — ссыльной Елизаветой Анатольевной, которая читает во время ночного дежурства французские романы, потому что по-

французски читать «не так больно».

«Ее в молодости могли звать — Лиля. Эта переносица еще не предполагала себе вмятины от очков. Девушка строила глазки, фыркала, смеялась, в ее жизни были и сирень, и кружева, и стихи символистов — и никакая цыганка никогда ей не предсказала кончить жизнь уборщицей где-то в Азии.

— Все литературные трагедии мне кажутся смехотворными по сравнению с тем, что переживаем мы, — настаивала Елизавета Анатольевна. — Дети в школах пишут сочинения: о несчастной загубленной, еще какой-то жизни Анны Карениной. Но разве Анна была несчастна? Она избрала страсть — и заплатила за страсть, это счастье! Она была свободный гордый человек! А вот если в дом, где вы родились и живете отроду, входят в мирное время шинели и картузы — и приказывают всей семье в двадцать четыре часа покинуть этот дом и этот город только с тем, что могут унести ваши слабые руки? Если вы распахиваете двери и зовете прохожих с улицы, чтоб, может, что-нибудь купили бы у вас, нет — швырнули б вам медяков на хлеб! И входят нанюханые коммерсанты, все на свете знающие, кроме того, что и на их голову еще будет гром! — и за рояль вашей матери бесстыдно дают сотую долю цены, — а девочка ваша с бантом на голове последний раз садится сыграть Моцарта, но плачет и убегает, — зачем мне перечитывать „Анну Каренину“?»

Если убийство Кирова якобы подготовили и осуществили Троцкий, Каменев, Зиновьев и другие партийные деятели, то при чем тут князья, графы, бароны и семья Елизаветы Анатольевны? Они ведь сами были жертвами Троцкого, Каменева и Зиновьева, которые воевали против них во время гражданской войны, лишали их хлебных карточек в эпоху военного коммунизма и обрекли на жалкое существование после окончательной победы большевиков. Почему вдруг они должны были начать поддерживать своих мучителей?

Искать логику в Большом терроре — не слишком продуктивное занятие. «Лишенцы» — бывшие дворяне, предприниматели, священники и их дети — были виноваты «по определению». Все те, кто принадлежал к этой группе, должны были постоянно находиться в состоянии ужаса и постоянно ожидать ареста или ссылки.

Елизавета Анатольевна и ее муж, сгинувший где-то в лагере, могли ненавидеть советскую власть, могли смириться с ней, а могли даже стать ее горячими приверженцами. Их происхождение все равно оставалось выжженным навеки клеймом, и карающая десница сталинского «правосудия» могла в любой момент обрушиться на них.

Глава 3. Чужой среди своих

В 1521 году испанский (вернее, баскский) дворянин Игнасио Лойола был тяжело ранен во время битвы. Ему пришлось отправиться на лечение в замок своего отца, где врачи попытались вылечить его ноги, разбитые пушечным ядром. Лойоле несколько раз «выправляли» кости, а затем, увидев, что они неправильно срослись, снова их ломали. Дело было в XVI веке, никаких обезболивающих еще не придумали. Во время этого мучительного лечения, которое не сильно помогло (Лойола все равно остался хромым), бывший военный испытал религиозное откровение и решил продолжать сражаться — но теперь уже против врагов Христа. Так родилось общество Иисуса, известное нам как орден иезуитов.

Среди иезуитов было много врачей, учителей, музыкантов и политиков. Но самый знаменитый иезуит был мушкетером — это придуманный Александром Дюма Арамис. И если в «Трех мушкетерах» он только размышляет о том, чтобы принять церковный сан, а на самом деле его больше интересуют женщины, интриги и дуэли, то в «Двадцати...» и «Десяти годах спустя» Арамис уже аббат, а потом и генерал ордена иезуитов. Если верить Дюма, он смог занять столь высокий пост, потому что победил в своеобразном соревновании. Каждый претендовавший на место генерала иезуитов должен был сообщить своему умиравшему руководителю какую-либо важную тайну, которая могла бы способствовать укреплению власти ордена. Так как Арамис знал тайну Железной Маски, то он и стал главой огромного международного ордена, любыми способами утверждавшего свое влияние.

Дюма недаром говорил, что история для него — это гвоздь, на который он вешает свою картину. Он опирался на действительные черты ордена иезуитов — их железную дисциплину, вмешательство в политику, влияние и богатство. Но при этом писатель использовал мифы, ходившие о иезуитах в XVIII-XIX веках, когда в разных странах говорили и писали о совершаемых ими политических убийствах, об их абсолютной покорности генералу ордена и готовности пойти по его приказу на любое преступление. В те времена за очень многими политическими конфликтами видели руку иезуитов. Мишель Леруа, автор книги «Миф о иезуитах. От Беранже до Мишле», пишет:

«Читая издания эпохи Реставрации и Июльской монархии,

как самые популярные, так и малоизвестные, и полузабытые, повсюду встречаешь упоминания о иезуитах. Мысли о них неотступно преследовали Стендаля, ими был заворожен Бальзак. О них идет речь в песнях Беранже. Эжен Сю и Александр Дюма живописали их — к радости читателей, жадных до сильных впечатлений, — в романах с продолжением; авторы мелодрам, когда цензура это позволяла, выводили иезуита в роли традиционного злодея; поэты-сатирики без усталости бичевали Орден иезуитов; на лекциях в Коллеж де Франс Мишле и Кине приводили в трепет толпы слушателей, разоблачая прошлые козни иезуитов и предсказывая злодейства, которые они могут совершить в будущем; им вторила пресса, клеймившая проклятый орден за его тлетворное воздействие на общество; в обеих палатах самые блистательные ораторы... произносили речи, посвященные опасностям, которыми грозят иезуиты воспитанию молодого поколения, а следовательно, будущему Франции. На Орден иезуитов, уничтоженный во Франции в 1773 году, а в 1814 восстановленный папой Пием VII, обрушили безжалостную критику авторы великого множества брошюр, романов, стихотворений, памфлетов, исторических эссе».

Но вот что удивительно. Иезуиты действительно вмешивались в политическую жизнь Европы сильнее других монашеских орденов, они участвовали в многочисленных интригах и поддерживали достаточно консервативных политиков. Но они же, именно из-за своего желания постоянно укреплять религию и бороться с ее врагами, действовали и в других, самых разнообразных сферах жизни. Иезуиты — были и есть до сегодняшнего дня — прекрасные учителя. Иезуитские коллежи всегда пользовались огромной популярностью и давали ученикам прекрасное образование, хотя обучение там и основывалось на жесткой дисциплине. Иезуиты — врачи, миссионеры, музыканты. Бывало, что они соединяли эти столь разнообразные занятия и, например, в Латинской Америке пытались приобщать индейцев к христианству через музыку Баха и Вивальди. Среди иезуитов много прекрасных ученых — историков, филологов, специалистов по истории религии. Во время Второй мировой войны иезуиты часто спасали евреев от нацистов. Но из всего этого многообразия истории ордена иезуитов в общественном сознании осталось только представление о том, что иезуит — это хитрый, лицемерный интриган, готовый на все

ради политических целей.

В русском языке слово «иезуитский» имеет резко отрицательный смысл. Почему так произошло? Почему именно этот монашеский орден стали воспринимать как нечто чудовищное? Похоже, что дело в целенаправленной политике многих европейских государей XVIII-XIX веков. В это время правители стремились усилить свою власть и одновременно сделать ее более светской. Наличие в стране мощной, независимой, подчинявшейся только папскому престолу силы явно их не устраивало. Иезуитов изгоняли то из одной страны, то из другой. Обвиняли и в том, что они действительно совершали, и в том, что им и в голову не приходило делать. К тому же монаха любого другого ордена всегда можно было узнать. А иезуитам разрешалось жить в свете, и от этого они казались особенно страшными — а вдруг человек, который сегодня любезно с тобой беседует, на самом деле коварный иезуит?

Мысль, что среди нас есть группы людей, постоянно готовых нам вредить, не нова. Одновременно с иезуитами точно так же во всех смертных грехах и в мировом заговоре стали подозревать масонов — членов безобидных просветительских обществ, жаждавших построить «храм царя Соломона» — но только в духовном, а не в материальном мире. Вся вина масонов заключалась (и заключается) в том, что они действовали тайно, устраивали странные символические ритуалы, куда допускали только посвященных, и пытались использовать свое влияние в политической жизни. Отсюда выросли все многочисленные разговоры, что именно масоны совершили Французскую революцию (и этот миф тоже подхватил Дюма), Февральскую, Октябрьскую революции в России и еще много других переворотов. Ну а так как масоны собирались возводить не просто храм, а храм библейского царя Соломона, то этих людей, построивших светскую философию, основанную на христианских идеях, быстро объединили с евреями. Так появились «жидомасоны».

То, что мы постоянно ждем внезапного нападения тайного врага, наверное, есть признак неуверенности человечества в себе и своих силах. Нам всюду видятся шпионы, диверсанты, тайные общества и заговоры. С другой стороны, это более простой вариант — если шахту затопило, потому что ее взорвал вредитель, а не потому, что ее неправильно эксплуатировали, то жить становится в каком-то смысле опаснее, но и легче — мы-то ни в чем не виноваты, работали на ней как умели. Успех романов Дэна Брауна, в каждом из которых действует какая-либо тайная организация или глубоко законспирированный злодей, показывает, насколько живучи эти страхи.

Глава 4. Классовые враги

Враги, прячущиеся среди нас, — эта мысль уже стала чем-то привычным для нескольких поколений жителей России. Когда в 1930 году, в разгар первой пятилетки, была арестована целая группа инженеров, их тут же обвинили во вредительстве. Они, оказывается, создали подпольную организацию «Промышленная партия» и хотели свергнуть советскую власть. А для этого делали очень интересные вещи. В их обвинительном заключении было написано следующее:

«Преступная антигосударственная деятельность ЦК Промпартии выразалась:

а) во вредительстве для создания расстройтва хозяйственной жизни;

б) вредительской работе по срыву планового строительства путем создания кризисов в топливоснабжении, металлоснабжении, энергохозяйстве, текстильной промышленности и других отраслях;

в) в шпионской работе по заданиям французского генерального штаба и находящегося во Франции „ Торгпрома “ по сообщению данных об экономике нашей страны и секретных сведений, касающихся обороны, в целях облегчения иностранной военной интервенции;

г) в военной работе, направленной к дезорганизации Красной армии и подготовке изменнических действий со стороны отдельных частей и командного состава — в тех же целях облегчения иностранной интервенции;

д) в диверсионной работе, направленной на разрушение производительных сил советской промышленности, тыла Красной армии уже непосредственно в момент интервенции».

Стоит обратить внимание на то, как умело составлены обвинения. С одной стороны, следы деятельности членов фиктивной, никогда не существовавшей Промпартии мог увидеть каждый советский человек невооруженным глазом. После начала форсированной индустриализации, и тем более коллективизации, повсюду наблюдалось «расстройство хозяйственной жизни». Еще бы ему не наблюдаться, если экономика была

перекорезена в угоду идеологии. Как только большевики принялись уничтожать свободный рынок, возникли кризисы в «топливоснабжении, металлоснабжении, энергохозяйстве, текстильной промышленности» — то есть, говоря попросту, стало нечем отапливать и освещать дома, не во что одеваться. Слова о «дезорганизации Красной армии» должны были сыграть на вечных страхах перед внешним врагом — страхах, особенно сильных в Советском Союзе, где людям постоянно объясняли, что иностранные империалисты жаждут погубить страну Советов. И члены Промпартии должны были способствовать интервенции этих самых империалистов, а указания они получали от французского генерального штаба.

Увы, как мы знаем, процесс Промпартии был только первым звончком. И вот уже по всей стране пошли большие и маленькие процессы, в которых люди признавались в том, что действовали по заданию «троцкистско-зиновьевского центра», или «японской разведки», или фашистов.

Сталинские времена, кажется, прошли, но мысль о том, как удобно свалить собственные просчеты, слабости или даже преступления на невидимых, но вездесущих вредителей, по-прежнему жива.

Глава 5. «Американка гадит»

Но самые страшные вредители — это, конечно, внешние враги. И если дореволюционной России в основном «гадила англичанка», то в позднесоветской пропаганде первенство досталось, безусловно, Америке.

Массовый наплыв колорадского жука

Американцы в представлении советской пропаганды и советских людей выделяли ужасные вещи. Одной из самых изощренных их выдумок было распространение колорадского жука. Этого полосатого желто-черного вредителя действительно в начале XIX века обнаружили в Скалистых горах в Америке. Но тогда никто и предположить не мог, какое ему предстоит будущее.

Колорадский жук — очень неприятный вредитель, который, спустившись со Скалистых гор, вдруг обнаружил поля картофеля и с тех пор питается в основном именно этим продуктом. Сегодня он распространен в США практически во всех штатах, кроме Аляски, Калифорнии, Гавайев и Невады, а в Азии и Европе его находят на площади более 16 миллионов квадратных километров. Еще в 1871 году один американский энтомолог предупреждал европейцев об опасности колорадского жука, а в 1875 году Франция, Германия, Бельгия и Швейцария запретили ввоз американской картошки, опасаясь вредителя.

Возможно, он попадал в Европу и раньше, но в XIX веке картошку ели мало — она считалась едой «бедняков и каторжников». Но когда картофель стал превращаться в одно из самых любимых блюд по всему миру, колорадский жук начал встречаться все чаще. Бороться с ним сложно — в одной только Великобритании его «уничтожали» 163 раза, а он возвращался снова.

Появлению жуков на европейской территории способствовали и войны — как только появлялись американские войска, рядом с их военными базами находили жуков. Можно предположить, что солдат кормили картофелем, привезенным из Америки, и жуки со складов выбирались «на волю». После Второй мировой войны они с легкостью освоились в разоренной Европе, в частности в тех местах, где стояли уже советские войска. И тут началось.

*«Докладная записка министра сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктова секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Суслову об опасности распространения колорадского картофельного жука
28.06.1950*

Колорадский картофельный жук — один из самых опасных вредителей культуры картофеля. Кроме того, он повреждает томаты, баклажаны и перец. К началу Второй мировой войны колорадский жук был повсеместно распространен в США, Канаде, во Франции, Бельгии, в западной части Германии, в некоторых районах Италии, в Голландии и Швейцарии, а за годы войны завезен на территорию Австрии, Чехословакии, Польши, Венгрии и Югославии. Колорадский жук особенно широко распространился за годы войны на территории Германии.

В 1946-1949 гг. советская военная администрация широко проводила мероприятия по борьбе с колорадским жуком в советской зоне оккупации Германии, добилась такого положения, при котором очаги колорадского жука были сведены к минимуму, а в землях, прилегающих к Польше, почти полностью ликвидированы.

В то же время американские, английские и французские оккупационные власти почти никаких истребительных мер против колорадского жука не проводили, создав этим крайне благоприятные условия для массового размножения и распространения жука и постоянного заражения районов Германской Демократической Республики, прилегающих к западным зонам оккупации Германии. Из этих пограничных районов жук постоянно залетает и во многие другие районы Германской Демократической Республики, сводя на нет результаты крайне напряженной и дорогостоящей работы по истреблению жука, проводимой населением в республике».

Интересно, почему советская военная администрация боролась с жуком, а американские, английские и французские оккупационные власти проглядели эту опасность, тем более что американцы уж должны были знать о колорадском жуке. Ответ дается дальше:

«Создавая благоприятные условия для массового размножения колорадского жука, американцы одновременно проводят злодейские акты по сбрасыванию жука в массовых

количествах с самолетов над рядом районов Германской Демократической Республики и в районе Балтийского моря в целях заражения жуком и Польской республики. В Министерство сельского хозяйства СССР ежедневно поступают сведения о массовом наплыве колорадского жука из Балтийского моря к берегам Польской республики. Это, несомненно, является результатом диверсионной работы со стороны англо-американцев».

Итак, оказывается, американцы сбрасывают жуков с самолетов и специально заражают те государства, в которых установилась советская власть. Хотелось бы, конечно, узнать, сколько американских самолетов могло себе позволить в 1950 году пролететь над территорией ГДР и Польши. Да к тому же, очевидно, совсем низко, как летают «кукурузники», опыляющие поля.

Еще более интересно, как далеко могут заплывать колорадские жуки, если речь идет уже о «массовом наплыве»? Они жуки-амфибии?

И наконец, если жуки попадают на территорию ГДР, кто помешает им потом перебраться в ФРГ, на территорию, контролируемую американцами, а оттуда уже и во все страны НАТО?

Наверное, эти мысли приходили кому-то в голову уже тогда, но вряд ли их решались высказывать вслух. И истории о страшных колорадских жуках, которых нам подбрасывают американцы, постоянно множились. В той же записке министра сельского хозяйства предлагались замечательные меры по борьбе с жуком. Там не было ни слова о возможных способах его уничтожения, о тех химикатах, которые нужно применять. Нет, борьба с колорадским жуком оказывалась исключительно идеологической:

«1. Опубликовать в газетах „Правда“, „Известия“ и „Социалистическое земледелие“ статьи с освещением в них опасности, возникшей от колорадского жука, и особенно фактов злодейского распространения жука американцами;

2. Опубликовать подобного рода статьи через Пресс-бюро для всех республиканских, областных и районных газет;

3. Издать массовым тиражом брошюру и красочный плакат о колорадском жуке с освещением фактов о распространении вредителя в свете материалов, опубликованных в советской центральной прессе».

Достаточно посмотреть на эти меры, которые предлагает, напомним, министр сельского хозяйства, чтобы понять, что ведется не сельскохозяйственная, а идеологическая кампания. Колорадские жуки, безусловно, были. Они, безусловно, наносили большой вред полям. Они, безусловно, пришли в Европу из Америки. И этих фактов оказалось достаточно для того, чтобы развернуть совершенно фантастическую пропаганду, показывающую жуков как настоящий отряд американских диверсантов. На немецких, польских, советских карикатурах жуки маршируют с оружием, получают задание в Белом доме лично от президента США Трумэна и от западноевропейских политиков и даже оказываются на американском флаге вместо звезд. Им приписывали такую же разрушительную силу, как и атомной бомбе: «Американские кандидаты в преступники атомной войны сегодня показали образец того, что они готовят человечеству. Только душегубы могут прибегнуть к такому ужасу, как преднамеренное уничтожение мирного человеческого труда, уничтожение урожая колорадским жуком».

Бесконечные статьи и карикатуры намертво связали фантастический вред от колорадского жука с Соединенными Штатами. Про жука уже и забыли, а вот связка «США — опасность» закрепилась хорошо.

Глава 6. Кемерово

Когда 27 марта 2018 года жители Кемерово собрались на площади и потребовали от властей назвать им точную цифру погибших при пожаре в торговом центре «Зимняя вишня», к микрофону прорвалась женщина из толпы и закричала: «Не вздумайте оглашать, сколько погибло. У нас здесь мормонов куча, американцев. Не радуйте их, пожалуйста. Не надо им радость такую приносить». Когда ей стали возражать, то она воскликнула: «Вы хотите америкосов порадовать? Они радуются, что нас настолько меньше стало!» С ее безумной точки зрения, мормоны, которые стараются всеми силами строить свою жизнь в соответствии с библейскими принципами, будут радоваться гибели людей. Здесь американцы еще не подожгли сами «Зимнюю вишню», но раз им это приносит такую радость, то до мысли о том, что неисправная проводка и построенный с нарушениями торговый центр были сделаны по заказу Белого дома, уже недалеко.

Можно, наверное, даже пожалеть эту женщину, живущую в состоянии постоянной паранойи, но ведь она не одна такая. Губернатор Аман Тулеев про мормонов не говорил, но зато назвал людей, собравшихся на площади, бузотерами и тоже быстро нашел тех, на кого можно было попытаться переключить внимание общества: «На горе людском вся оппозиционная сила в момент приехала: идут по домам, идут на предприятия, которые рядом расположены, в жилой сектор».

Количество жертв в «Зимней вишне» оказалось таким, как говорили власти, — 60 человек, а не сотни, о которых твердили на площади несчастные, отчаявшиеся люди. Вряд ли можно осудить кого-то из них за иногда странные вещи, которые они выкрикивали в те жуткие часы. Но характерно, что никто не верит официальным сообщениям. Все предполагают, что на самом деле есть какая-то другая правда, которую от нас скрывают. В такой обстановке легко убедить людей в том, что вокруг них орудуют вредители, шпионы, циничные оппозиционеры и бессердечные мормоны.

Врагов ищут повсюду. Можно сказать, что люди — и далеко не только в нашей стране — чуть ли не ждут, чтобы им наконец указали на тех злодеев, которые угрожают им и их близким.

Часть 2. Патриотическая

Глава 7. «Россия — родина слонов»

Давным-давно ходил анекдот, как в разных странах выпускали книги о слонах. Французы напечатали книжку «Секс у слонов», немцы — многотомное издание с научным аппаратом «Все о слонах», а русские — «Россия — родина слонов». И хотя сегодня слегка остыл пыл, с которым доказывалось, что все на свете, от закона сохранения массы до радио, открыли или изобрели русские, но сама мысль о том, что Россия во всем лучше всех, продолжает победно шествовать по страницам газет и журналов и по экранам компьютеров. Казалось бы, это естественно — всем своя родина кажется лучше всех. Но есть разница — любить свою страну больше других или же считать, что она лучше всех.

Историк Петр Пекарский в своей книге «Наука и литература в России при Петре Великом» писал:

«Бывши в Лейдене, Петр не преминул посетить другую медицинскую знаменитость того времени — доктора Бэргавена (Boerhaven) и осматривал также анатомический театр. Сохранилось известие, что там царь долго оставался перед трупом, у которого мускулы были раскрыты для насыщения их терпентином. Петр, заметив при том отвращение в некоторых из своих русских спутников, заставлял их разрывать мускулы трупа зубами».

Зачем Петр Алексеевич так поступил? По той же причине, по которой он заставил бояр в России изучать анатомию и по которой он создал Кунсткамеру и учредил множество школ, приглашал европейских ученых в Россию. Его буквально сжигало желание любыми способами сделать так, чтобы Россия догнала Европу. «Наш народ, яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают», — говорил он. И вот уже был построен Петербург, в России появились свои ученые, художники, инженеры, но мысль о том, что Россия отстает от Европы, не давала покоя многим. В России сохранялось крепостное право, тогда как в западных странах крестьяне уже давно были свободны, в России плохо развивалась промышленность, а российский государственный строй безнадежно устарел. Крах, который Россия потерпела в середине XIX века в Крымской войне, показал, что она

неспособна противостоять развитым, индустриальным державам. Это было понятно многим — и революционерам, жаждавшим свергнуть царскую власть, и либералам, пытавшимся постепенно проводить реформы и модернизировать устаревший государственный аппарат и экономику, и даже самим царям — независимо от того, признавались они в этом публично или нет. Не случайно Николай I сказал: «Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло, для всех ощутимое и очевидное. — Однако тут же продолжил: — Но прикасаться к оному теперь — было бы злом, конечно, еще более губительным».

Параллельно с этими вполне понятными и резонными взглядами формируются и другие, суть которых можно выразить просто: «Россия лучше всех». Граф Бенкендорф, глава III отделения и шеф жандармов при Николае I, сформулировал это так: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение».

Чем же так удивительно, великолепно и поразительно существование России с точки зрения Александра Христофоровича Бенкендорфа? Тем, что здесь не происходит революций, нет гильотины и все, за исключением небольшой кучки отщепенцев, начитавшихся западных книжонок, полны уважения к принципам «православия, самодержавия, народности». Европу середины XIX века сотрясали восстания и революции, а в России царил тишина. В 1835 году, через четыре года после подавления Польского восстания, Николай I приехал в Варшаву и жестко заявил встречавшей его делегации, что он не верит в их приветствия.

«Среди всех смут, волнующих Европу, и среди всех учений, потрясающих общественное здание, Россия одна остается могущественною и неприкосновенною. Поверьте мне, господа, принадлежать России и пользоваться ее покровительством есть истинное счастье. Если вы будете хорошо вести себя, если вы будете выполнять все свои обязанности, то моя отеческая попечительность распространится на всех вас и, несмотря на все происшедшее, мое правительство будет всегда заботиться о вашем благосостоянии. Помните хорошенько, что я вам сказал».

Примерно в то же время, когда Николай бросал свои слова в лицо людям, чью страну он растоптал, другие люди в России тоже размышляли о том, что наша страна не похожа на другие, и в этом ее преимущество.

Для славянофилов настоящая Россия существовала до того, как Петр

исказил, переломил путь ее развития и придал российской жизни не характерные для нее формы. Иван Киреевский, один из вождей славянофилов, в своей статье «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» писал:

«Христианство пришло на Запад через учение римской Церкви; в России оно основано на светильниках Церкви православной. Богословие на Западе имеет характер рассудочной отвлеченности — в православии оно сохранило внутреннюю цельность духа; там раздвоение сил разума — здесь стремление к их живой совокупности; там схоластические и юридические университеты — в древней России молитвенные монастыри, сосредоточившие в себе высшее знание; там рассудочное и школьное изучение высших истин — здесь стремление к их живому и цельному познанию; там государственность происходит от насилий завоевания — здесь из естественного развития народного быта; там враждебная разграниченность сословий — в древней России их единодушная совокупность; там искусственная связь рыцарских замков — здесь согласие всей земли; там собственность как основание гражданских отношений — здесь собственность как выражение отношений личных; там право как справедливость внешняя — здесь внутренняя; там революция — здесь естественное возрастание быта; там щеголеватость роскоши и искусственность жизни — здесь простота; там внутренняя тревожность духа при рассудочной уверенности в своем нравственном совершенстве — у русского глубокая тишина и спокойствие внутреннего самосознания при постоянной недоверчивости к себе и при неограниченной требовательности нравственного усовершенствования; одним словом, там — разделение духа, в России — стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего».

Короче говоря, Запад живет разумом, рассудком, а Россия — душой и чувством, и понятно, какой из этих вариантов представлялся Киреевскому более правильным. Вот в чем заключается преимущество России перед Западом — здесь не было университетов и рыцарских замков, не было собственности как основы гражданских отношений, не было четкой «внешней» системы права, не было революций.

Славянофилов часто упрекали в том, что их взгляды как-то очень сильно напоминали взгляды Бенкендорфа и других находившихся у власти. Те обижались и возражали, что они хотят отмены крепостного права и им совсем не нравится власть в том виде, в котором она существовала в эпоху Николая I.

Были и другие деятели, которых совсем уж трудно назвать единомышленниками власти, но в вопросе об «особом пути России» их позиции неожиданным образом сближаются. Среди российских революционеров середины XIX века довольно быстро распространялись социалистические взгляды. Но что такое социализм? Общество без частной собственности, в котором люди трудятся совместно, живут все вместе в больших, светлых домах, а управляют ими люди, вызывающие всеобщее уважение. Вспомним четвертый сон Веры Павловны из романа «Что делать?». Именно такой рай на земле там описан.

«Здание, громадное, громадное здание, каких теперь лишь по несколько в самых больших столицах, — или нет, теперь ни одного такого! Оно стоит среди нив и лугов, садов и роц. Нивы — это наши хлеба, только не такие, как у нас, а густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? Кто ж видел такие колосья? Кто ж видел такие зерна? Только в оранжерее можно бы теперь вырастить такие колосья с такими зернами. Поля — это наши поля, но такие цветы теперь только в цветниках у нас. Сады, лимонные и апельсиновые деревья, персики и абрикосы, — как же они растут на открытом воздухе? О, да это колонны вокруг них, это они открыты на лето; да, это оранжереи, раскрывающиеся на лето. Роци — это наши роци: дуб и липа, клен и вяз, — да, роци те же, как теперь; за ними очень заботливый уход, нет в них ни одного больного дерева, но роци те же, — только они и остались те же, как теперь. Но это здание, — что ж это, какой оно архитектуры? Теперь нет такой... Это лишь оболочка здания, это его наружные стены; а там, внутри, уж настоящий дом, громаднейший дом: он покрыт этим чугунно-хрустальным зданием, как футляром; оно образует вокруг него широкие галереи по всем этажам. Какая легкая архитектура этого внутреннего дома... а окна огромные, широкие, во всю вышину этажей!.. Но какие это полы и потолки? Из чего эти двери и рамы окон? Что это такое? Серебро? Платина? Да и мебель почти вся такая же, — мебель

из дерева тут лишь каприз, она только для разнообразия, но из чего ж вся остальная мебель, потолки и полы?.. Эта металлическая мебель легче нашей ореховой. Но что ж это за металл? Ах, знаю теперь, Саша показывал мне такую дощечку, она была легка как стекло... да, Саша говорил, что, рано или поздно, алюминий заменит собой дерево, может быть, и камень. Но как же все это богато! Везде алюминий и алюминий, и все промежутки окон одеты, огромными зеркалами. И какие ковры на полу!.. И повсюду южные деревья и цветы; весь дом — громадный зимний сад».

Эта утопия Чернышевского, столько лет вызывавшая то ярость, то истерический хохот школьников, должна была реализоваться в России — недаром автор подчеркивает: это наши нивы, это наши рощи. Но здесь скоро все будет не так, как теперь, все будет богато, роскошно, светло — огромные окна, зеркала, современно — все из алюминия (вот ужас), и живут там прекрасные, свободные, в основном молодые люди, стариков мало, потому что «здесь очень поздно становятся ими. Здесь здоровая и спокойная жизнь, она сохраняет свежесть».

Этот прекрасный дворец, населенный радостными людьми, Чернышевский придумал не сам. Он прочитал о нем в сочинениях французского философа Шарля Фурье. Называется такой дворец, в котором должна была поселиться целая коммуна, — фаланстер. И это Фурье придумал, что фаланстер будет жильем для примерно четырехсот семей, и даже подсчитал, что людей, значит, там будет примерно 1600-1800, это соответствовало его представлению о различных характерах и темпераментах, которые все должны были быть представлены в коммуна-фаланге. И окружен фаланстер будет цветами и фруктовыми садами, и будут там огромные окна и теплые комнаты. Но вот только Фурье, как житель страны с уже достаточно развитой промышленностью, предполагал, что объединяться в фаланги и строить фаланстеры будут в основном рабочие — те, кому во Франции в XIX веке жилось тяжелее всех. Философ даже дал объявление в газете, что будет каждый день в определенный час сидеть дома и ждать, чтобы к нему пришел какой-нибудь богатый человек и дал денег на устройство фаланстера. Впрочем, когда Чернышевский, сидя в Петропавловской крепости, писал свой роман, на Западе идеи Фурье уже объявили утопическими. Там появились другие социалисты, которые собирались строить социализм, не призывая богачей, а в результате революции. Маркс и Энгельс уже написали свой «Манифест

коммунистической партии» и бросили лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Пролетарии. Рабочие.

А в России Чернышевский и другие революционеры его времени не хотели и не могли подхватывать этот лозунг. По очень простой причине — рабочего класса-то в России в середине XIX века почти не было. Кого призывать? Других угнетенных — крестьян. А почему они должны послушать революционеров? Как раз потому, о чем писали совсем не революционно настроенные славянофилы, — потому что в России «нет собственности как основы гражданских отношений». Таким образом то, что было признаками отсталости — неразвитость промышленности, слабые представления о собственности, преимущественно аграрное население, — вдруг превращается в огромную удачу. Чего хотят социалисты? Уничтожить частную собственность. А в России у большинства населения частной собственности и так нет. Если отнять у помещиков землю и передать ее крестьянам, то они, конечно же, не захотят превращать ее в частную собственность, будут обрабатывать ее общинно, соборно, совместно. Чем не социализм? Свергнуть царя и помещиков — и социализм на дворе. Не то что на этом вроде бы развитом, богатом промышленном Западе. Там же есть богатая буржуазия, частная собственность, и революционерам придется бороться с ней. А в России, оказывается, большая часть населения, которая и слова-то «социализм» никогда не слышала, — на самом деле в глубине души социалисты.

Получается, что в России XIX века и власть, и большая часть образованного общества понимали, что Россия отстает от Запада, но упорно, пусть и по разным причинам, считали это отставание преимуществом. Вот ведь как всех уязвил Петр Алексеевич со своими разгрызанием мускулов и стрижкой бород. Он так усиленно и энергично вбивал в русскую культуру представление о том, что Россия — отсталая, глупая, темная, что ему очень многие поверили, но только поменяли плюс на минус. Так часто бывает: когда человеку долго говорят, что он глупый, или хулиган, или ленивый, он в конце концов начинает соглашаться. А потом даже начинает гордиться — да, я глупый, и поэтому я лучше вас, мудрецов, да, я хулиган, у меня душа воли просит, да, я ленивый, просто я не гонюсь за наживой.

Вот и жители России стали находить разные приятные и утешительные объяснения российской отсталости — зато революций нет, зато все в Бога верят, зато у нас душа русская, зато мы быстрее всех перейдем к социализму.

И сегодня находят, и делают это намного агрессивнее не только чем

социалисты и славянофилы, но даже, пожалуй, и чем граф Бенкендорф.

* * *

Владимир Мединский в своей книге «Мифы о России» назвал одну главу «Как нас спаивали и спаивают». Оказывается, пьянство российское совсем не такое страшное, как все думают. Вина-то мы пьем намного меньше, чем во Франции и других странах. И разнообразные напитки на спирту придумали задолго до Дмитрия Ивановича Менделеева, так что нечего нам гордиться изобретением водки. Господин Мединский известен своим не слишком добросовестным отношением к источникам. А уж если надо доказать, что в России никогда не пьянствовали, то тут можно пойти на что угодно.

«Скворцов, Соловьев и Ключевский, Татищев и Костомаров, посвятив жизни вятичей и кривичей целые тома, не углядели в ней ни лубочной радости, ни бытовой легкости. Тяжелый труд, суровый климат, дань князьям и частые усобицы».

Кроме того,

«...император Константин Багрянородный в своем сочинении „О народах“, писанном в середине X века, рисует картину жизни современного ему русского князя.

Читая этот рассказ, легко понять, какими товарами грузила Русь свои торговые караваны лодок, сплавлявшихся летом к Царьграду: это была дань натурой, собранная князем и его дружиной во время зимнего объезда, производства лесных промыслов: меха, мед, воск. Описывается и что покупали князья у Византии: золото, украшения, драгоценные камни, оружие, ткани. Но нет ни малейшего упоминания о ввозе на Русь вина или любых веселящих напитков. И вообще нет в хозяйственных документах Руси никаких упоминаний о производстве или потреблении спиртных напитков. Жизнь труженика и воина мало совместима с дружескими посиделками и обильными возлияниями».

Ключевский, например, в своем курсе лекций пишет:

«На княжий пир по случаю освящения церкви в Василеве в 996 г. званы были вместе с боярами и посадниками и „старейшины по всем градам“. Точно так же по распоряжению Владимира на его воскресные пиры в Киеве положено было приходить боярам, гриди, сотским, десятским и всем нарочитым мужам».

И сладкие заморские вина на Руси всегда любили. Вот что пишет тот же Ключевский: «Торговля была преимущественно меновая: этим можно объяснить сравнительно малое количество византийской монеты, находимой в старинных русских кладах и курганах. Меха, мед, воск и челядь Русь меняла на паволоки (шелковые ткани), золото, вина, овощи».

Костомаров сообщает, что древние славяне «...умели строить себе деревянные жилища, укреплять их деревянными стенами, рвами и земляными насыпями, делать ладьи и рыболовные снасти, возделывать землю, водить домашних животных, прясть, ткать, шить, готовить кушанья и напитки — пиво, мед, брагу», а князь Владимир,

«...сохраняя племенную славянскую веселость... примирял ее с требованиями христианского благочестия. Он любил пиры и празднества, но пировал не с одними своими боярами, а хотел делиться своими утехами со всем народом — и со старыми и малыми; он отправлял пиршества преимущественно в большие церковные праздники или по случаю освящения церквей (что в то время было памятным событием). Он созывал народ отовсюду, кормил, поил всех пришедших, раздавал неимущим потребное и, даже заботясь о тех, которые почему-нибудь сами не в состоянии были явиться на княжий двор, приказывал развозить по городу пищу и питье».

Что касается «жизни труженика и воина», то здесь Владимир Мединский совсем оскандалился. Очевидно, Некрасов, написав про русского мужика, что «он до смерти работает, до полусмерти пьет», был уже слишком пропитан дурными западными идеями и воспроизводил позорящие Россию мифы. Но взглянем на все того же Владимира Святого, равноапостольного, так прославившегося, в частности, своими пирами — во всех былинах, когда бы ни приехал к нему Илья Муромец или другой богатырь, князь пирует. И воспроизводит он таким образом знаменитую и многократно подтвержденную источниками традицию, восходящую к его

скандинавским, варяжским предкам. Любой викингский вождь просто обязан пировать и приглашать на пир своих дружинников. Иначе они не будут ему служить. Сам Владимир, впрочем, не считал эту свою склонность к пирам чем-то чуждым Руси. Вспомним летописный рассказ, как князь выбирал веру для своей страны, и узнав, что мусульманам запрещено пить вино, произнес знаменитые слова: «Руси есть веселие пити, не можем без того быти». Не любил бы Святой Владимир выпивать — быть бы сегодня Владимиру Мединскому мусульманином.

Согласно Мединскому, спаивать «нас» начали в XX веке. Похоронили горбачевскую антиалкогольную кампанию, которая, оказывается, могла помочь в борьбе с пьянством. А мы-то думали, что она только очереди в магазинах создала и способствовала распространению токсикомании. Потом стали рекламировать пиво — потому что это прекрасно сочеталось с развитием рынка. Но свободный рынок — это еще не главное зло. Главное, что «они» пытаются нам подсунуть, — это либеральные мысли о правах человека. Связать права человека с пьянством легче легкого.

«Одна из классических „дубинок“ для России — у нас, оказывается, плохо с „правами человека“. Мы не толерантные. Мы агрессивные. Мы не уважаем прав другого. Мы...

Впрочем, главное уже понятно, для нашей темы важно — мы готовы ограничивать право человека уничтожить самого себя. В том числе путем запойного пьянства. А это нехорошо. Если свободная и автономная личность желает пьянствовать, то кто смеет этой личности мешать? Если человек хочет покупать спиртное в любое время суток, орать и размахивать руками, кто смеет ограничивать эти священные права?

К сожалению, я не шучу. На Западе действуют целые „конопляные мафии“. Там очень сильно движение за легализацию наркотиков, за отмену ограничений на продажу спиртного, за любые вообще ограничения, мешающие людям в любой момент доставать, использовать, пить, курить, глотать, колоть все что угодно. Кое-какие результаты уже есть — многие ограничения отменены, можно радоваться».

Вот, оказывается, что такое «права человека», поставленные Владимиром Мединским в кавычки как нечто непривычное и странное. Это не свобода совести, слова, собраний, союзов, равенство всех перед законом, нет. Это право на пьянство. И это жуткое право навязывают нам «они». На

Западе, безусловно, есть наркомафия. Как, впрочем, и по всему миру. И есть движение за легализацию легких наркотиков. При этом одновременно разрабатывается множество методик по борьбе с наркоманией. Что касается продажи спиртного, то в Англии, где еще не так давно в пабах по воскресеньям вообще не продавали спиртное, сегодня его прекращают наливать в одиннадцать вечера. В Америке еще существуют «сухие» округа в самых разных штатах, где вообще не продают алкоголь, а мысль о том, чтобы продать алкоголь молодому человеку моложе 21 года, приводит добропорядочных граждан в ужас. Но нам «они» хотят навязать именно такие права человека.

Оказывается, все дело опять в «них», а не в традиции питья, не в безысходности жизни и отсутствии работы, которые так часто подталкивают к пьянству, не в наследственном алкоголизме.

* * *

Очень интересная статья Ильи Бараникаса появилась в «Московском комсомольце» в 2013 году. Интересная настолько, что имеет смысл пройти по всему ее тексту.

«В американском штате Оклахома — стихийное бедствие. Путин предложил американцам помощь. Помощь Америке? Это же не Гватемала, не Бангладеш! Но российское МЧС по оснащению и эффективности превосходит американское ведомство FEMA. В США об этом говорят специалисты».

Что это за специалисты? Где они об этом говорят? Как конкретно измерялись оснащение и особенно эффективность российской и американской служб? Об этом автор почему-то умалчивает. Как и о том, какое стихийное бедствие в штате Оклахома и принял ли штат предложенную ему помощь. Да какая разница? Ясно, что у них там все время какие-то бедствия.

«Россия не самая богатая страна, и в плане научно-технического прогресса мы больше не впереди планеты всей. Но американцы и европейцы летают на МКС на российских космических кораблях. У США в Арктике один действующий ледокол, у России — шесть атомных и 35 дизель-электрических.

Или если взять высокоскоростные поезда: в США они ходят по одному маршруту, в России — по трем».

У береговой охраны США есть два ледокола — Polar Star и Healy, плюс еще неработающий Polar Sea, который потихоньку разбирают на запчасти для Polar Star. Кроме того, есть еще Aiviq, ледокол-платформа, используемый для добычи нефти, и небольшой ледокол Nathaniel B. Palmer для научных исследований. Это действительно намного меньше, чем у российского флота, о чем американские моряки любят напоминать Конгрессу, но все-таки не один ледокол. Автор, впрочем, оговорился, что у США один ледокол «в Арктике». А вот что пишут американцы на сайте WhiteFleet.net, который исследует связь между вопросами обороны и международной политикой:

«Стоит напомнить, что у России и Соединенных Штатов очень сильно различаются требования [к полярному флоту]. Единственной значительной арктической территорией в Соединенных Штатах является Аляска, в то время как практически вся северная граница России проходит по арктической территории, и море там покрыто льдом. Поэтому для российской экономики необходимо множество ледоколов, Америка же не нуждается в большом количестве кораблей. По-настоящему значительные американские экономические интересы в полярной зоне связаны только с залежами углеводородов неподалеку от Аляски, притом что многие скважины были закрыты по распоряжению администрации Обамы. Если Трамп отменит этот запрет и позволит расширить бурение в Арктике, то, конечно же, потребности береговой охраны возрастут. Однако нефтяные компании в основном предпочитают использовать собственные ледоколы, и поэтому ледоколы береговой охраны будут использоваться только в том случае, если произойдет разлив нефти или иная катастрофа. Таким образом, небольшое количество ледоколов у береговой охраны не является существенным фактором. А это значит, что Америка может защищать свои интересы в Арктике с помощью флота, во много раз меньшего, чем российский»^[9].

Достаточно, впрочем, посмотреть на карту, чтобы понять, почему

России нужно намного больше ледоколов, чем США.

«То, что у нас есть, надо беречь и приумножать. А то ведь у американцев тоже когда-то было десятка полтора ледоколов, а остался один. И на „шаттлах“ 30 лет летали, а потом их не стало. И для экстренных служб тоже нет денег: во всех уголках США собирают частные пожертвования на „скорую помощь“ и пожарную охрану. Во многих населенных пунктах эти службы укомплектованы исключительно неоплачиваемыми добровольцами (слава богу, что хоть обученными)».

В этом абзаце соединены вместе несколько разных сюжетов, один лучше другого. «На «шаттлах» 30 лет летали, а потом их не стало». Воображение читателя должно сразу нарисовать печальную картину, так, увы, хорошо знакомую жителям многих российских военных городков, — заброшенные базы, ржавеющая техника. Запуски «шаттлов» формально завершились 31 августа 2011 года. Перед этим программа подвергалась критике за слишком большие расходы, а не за несоответствие требованиям безопасности. Ее организаторам постоянно напоминали о страшной катастрофе «Челленджера», произошедшей в 1986 году, и о катастрофе «Колумбии» в 2003-м. Теперь различные функции «шаттлов» выполняют другие летательные аппараты. Военные задачи передали Боингу X-37, грузы на МКС доставляет разработанный Илоном Маском, но действующий под контролем НАСА, SpaceX Dragon и Cygnus. Не говоря о том, что НАСА сейчас сосредоточилась в основном на создании корабля «Орион», который должен будет доставить астронавтов на Марс. К тому же подобные рассуждения о «шаттлах» в стране, где аварии, связанные с ракетами-носителями «Протон-М», произошли семь раз за пять лет (с 2010 по 2015 годы), звучат странно.

Но автор-то хочет показать, что космическая программа США просто разваливается, — не случайно следующая фраза звучит так: «И для экстренных служб тоже нет денег». С экстренными службами, похоже, в Америке просто беда — приходится собирать на них пожертвования. Посмотрим, например, на нью-йоркских пожарных, прославившихся своей помощью после теракта 11 сентября. В Пожарной службе Нью-Йорка (FDNY) служат чуть больше 11 тысяч пожарных и около четырех с половиной тысяч медиков и санитаров — ведь в Америке пожарные занимаются далеко не только тушением пожаров, но и оказанием первой помощи во многих экстренных ситуациях.

Ясно, что FDNY — огромная разветвленная служба, на которую идут гигантские денежные суммы. Но это же Нью-Йорк — а вот в глубинке даже пожертвования приходится собирать. Вполне может быть. Не сомневаюсь. У американцев очень развита волонтерская деятельность и благотворительность. Но еще можно обратиться в правительство за грантами, которые — именно для развития пожарных служб — предоставляют 26 федеральных грантовых агентств, ежегодно выдающих около 100 миллиардов долларов грантов^[10].

Так что возможностей у добровольцев («слава богу, хоть обученных» — как восклицает автор статьи, намекая на то, что учат-то их еле-еле) очень много.

В России, как мы знаем, основной удар в борьбе с пожарами — во всяком случае лесными — тоже принимают на себя добровольцы. Добровольцы, для которых почти никто не собирает денег и которым мало кто помогает. Вот история Солбона Санжиева, начальника штаба добровольческого корпуса Байкала, человека, который уже несколько лет самоотверженно пытается бороться с пожарами в Бурятии:

«Волонтеры в понимании местных жителей тоже „странненькие“. Солбон показывает два квадрата между высохшими каналами мелиорации — один прошлым летом тушили волонтеры, и на живой земле пробивается трава, по бокам растет лесок. На второй квадрат рук уже не хватило, земля на нем черная, провалившаяся, из нее торчат обуглившиеся стволы. „Мы работаем, но видим, что не успеваем, — рассказывает Солбон. — А тут как раз местные подъезжают на велосипедах, спрашивают, чего это мы тут. Мужики, говорим, давайте мы вам сейчас лопаты дадим, помогайте. Неее, говорят, ты нам за это заплатишь, что ли?“ Местные не верят, что добровольцы тушат чужую землю бесплатно, и уж точно не хотят работать без денег сами.

„Кого мы только не пытались привлечь, — говорит Солбон. — Партии, общественные организации, местных жителей. Тут казачество есть, знаете? Они вроде с нами начали работать, но почти сразу бросили. Один мне говорит — жена не пускает, запрещает! Представляете, жена запрещает, это казаку-то? Шолохов бы узнал — матерился бы, наверное!“»^[11].

Автор статьи Настя Лотарева, рассказав о том, как мечутся волонтеры, пытающиеся бороться с пожарами, делает печальный вывод:

«Никаких пожарных в России давно нет. Есть сложная и запутанная система взаимоотношений ведомств, ответственных за пожаротушение. Их много: РАЛХ (Республиканское агентство лесного хозяйства), МЧС, чрезвычайные отделы в районах, авиалесоохрана. Нельзя просто взять и потушить пожар — сначала нужно понять, на чьей земле горит, местной или федеральной. Еще есть земли Министерства обороны и РЖД, земли других крупных ведомств — например, часть земель на территории Кабанского района принадлежит ФАНО, Федеральному агентству научных организаций. Согласование может занимать не часы, а дни и даже месяцы. Ежегодно в тушение пожаров бросают миллионы, а в масштабах страны — сотни миллионов рублей. В 2016 году на тушение пожаров только в Сибири потратили полтора миллиарда, хотя бюджет предполагал только 212 миллионов. Схем освоения средств множество, они появляются быстрее, чем общественные организации успевают подавать жалобы в надзорные органы».

Но это, конечно, все равно намного лучше, чем «слава богу, хоть обученные» американские пожарные.

Пока что Илья Бараникас вел речь только о материальных преимуществах России над жалкой Америкой. Но это же не главное. Главное, как нам уже давно объяснили, это наша духовность. Вот тут мы кому угодно фору дадим.

«Говоря о достоинствах России, речь, конечно, можно вести не только о материальном. На перекрестке двух главных улиц небольшого города в Нью-Джерси мне часто приходится видеть убеленных сединами ветеранов войн, которые ходят между машинами, предлагая водителям купить у них красные бумажные звездочки или маленькие американские флажки. Многие покупают, благо цена — доллар. Собранные деньги идут в фонд местного отделения Федерации ветеранов войн. В России ветераны не торгуют георгиевскими ленточками — ими не торгует никто, это считается чуть ли не кощунством. И ничем

другим — ни флажками, ни гвоздичками — ветераны тоже не торгуют, это считается ниже их достоинства».

И снова перед нашими глазами знакомая картинка. Кто ходит у нас между машинами, стоящими на светофоре? Ободренные мальчишки, почему-то прогуливающие школу, странные женщины, молодые люди, торгующие непонятно чем. Наверное, и эти «убеленные сединами ветераны» в Америке так же вынуждены зарабатывать себе на жизнь. Не то что наши, которые никогда до такого не унизятся.

Интересно, что по этому поводу думают блокадница Римма Макаровна Устинова и ее муж Николай Петрович, которые, как пишет «Российская газета», «уже седьмой год добиваются, чтобы квартиру, полученную к 65-летию Победы во исполнение приказа президента, сделали пригодной для проживания»^[12].

Но это ладно, у них просто вентиляцию забыли поставить, и приходится готовить на открытом огне — в Петербурге! Круглый год! А есть ведь и такие ветераны, которым вообще негде жить. Вот в Приморье в декабре 2016 года 53 ветерана все еще стояли в очереди на квартиру (а сколько им лет?)^[13].

Что касается чувства собственного достоинства, любопытно, что ощутили ветераны Кемеровской области, когда в 2016 году им на День Победы подарили по бутылке водки и банке сгущенки? А жительница Екатеринбурга, «ветеран труда и труженица тыла», которой к 9 мая в 2017 году вручили мешок с просроченным майонезом? Возможно, она обрадовалась, что ее не поздравляли в помещении похоронного бюро, как сделали в 2015 году в том же Екатеринбурге? Но, безусловно, георгиевскими ленточками российские ветераны не торгуют — еще бы, ленточки ведь перед праздником выдают бесплатно. А вот американские ветераны, которые продают флажки в Нью-Джерси, скорее всего, делают это для какого-то очередного благотворительного проекта, и не считают это ниже своего достоинства. И потому особенно смешно — нет, на самом деле грустно — звучит следующий абзац этой примечательной статьи:

«Правильно ли это? Спорный вопрос. С одной стороны, „будьте проще, и к вам потянутся люди“. С другой — люди в России и так тянутся к ветеранам куда больше, чем в Америке. Там отношение к ним более чем спокойное, прагматичное: для ветеранов есть военные пенсии, специальная сеть государственных медицинских учреждений, льготы в плане

получения социального жилья и т. п. Но „спасибо деду за Победу“ там не скажут. Разве что официоз, и то только два раза в году: Memorial Day (последний понедельник мая) посвящен памяти павших в войнах солдат, Veterans' Day (11 ноября) — день, когда чтят ныне здравствующих ветеранов».

Автор, правда, тут же спохватывается:

«В России тоже бы неплохо иметь специальные клиники для ветеранов. И субсидированное жилье в государственных домах им бы не повредило — всем ветеранам всех наших войн, а не только Великой Отечественной. Но с материальной помощью ветеранам у нас туго — она случается лишь местами и временами, по следам визитов высшего начальства или репортажа федерального телеканала».

И чем же мы отличаемся от американцев, которые, если верить автору, только дважды в год вспоминают о своих ветеранах? Ну, конечно, если не духовностью, так душевностью:

«Зато мы умеем поддерживать ветеранов морально, и не только в День Победы. Придут, скажем, к одинокому ветерану соседи, поговорят, спросят, чем помочь, посочувствуют насчет болячек. Смотришь, старику немного полегчало. В Америке, да и в Европе, общение соседей — редкий феномен.

Живет себе маньяк в Огайо с тремя похищенными девушками, а люди в соседних домах — почти стенка в стенку — знать не знают и знать не хотят, что там у соседа происходит. Считается некорректным лезть в чужую жизнь».

Наверное, многие из нас видели в американских фильмах, как соседки подносят переехавшим на новое место рядом с их домом людям пирог, испеченный специально для того, чтобы их поприветствовать. Соседи в США обычно прекрасно знают друг друга и общаются. Может быть, маньяка в Огайо и не обнаружили сразу, но вот только в США, как и во многих других западных странах человек почти всегда может рассчитывать на помощь — со стороны полицейского, со стороны социальных служб, благотворительных организаций, да что там — просто людей на улице.

В штате Иллинойс на озере Мичиган есть военно-морская база, где

обучают курсантов — будущих моряков. В третий четверг ноября вся Америка отмечает «семейный» праздник — День Благодарения. Все собираются с родными, едят индейку и наслаждаются общением. Курсанты военно-морской базы часто не могут в этот день поехать домой, на другой конец страны. Одни из бедных семей, другие не хотят брать увольнительную на «длинные выходные», собираясь потом присоединить эти дни к Рождеству. И что же? Сидеть одним в казармах, когда вся страна ест индейку? Чтобы этого не произошло, была разработана программа Adopt a Sailor («Усынови моряка»). Все желающие могут приехать на базу и пригласить к себе в гости любое количество курсантов. Однажды я наблюдала, как это происходит. Выстроилась огромная очередь — чтобы получить возможность пригласить к себе в гости совершенно незнакомых юношей и девушек, люди стояли в очереди минут сорок-пятьдесят. Некоторые приглашали троих, четверых. Один человек с гордостью рассказывал, что участвует в этой программе восемнадцать лет. И вообще, к нему приезжают на День благодарения сорок родственников, приходится мебель из дома выносить, чтобы все поместились, — так что еще четыре человека погоды не сделают...

Автор статьи между тем уже перескочил на другую тему.

«Впрочем, некорректным считается в Америке многое из сферы простого здравого смысла. Например, полиция разыскивает убийцу или грабителя. По радио передают: „Полиция ищет мужчину 35-40 лет, рост примерно 5 футов 8 дюймов, одет в куртку синего цвета и голубые джинсы“. Минуточку, а какова раса этого индивидуума? Раса — табу. Хотя для розыска преступника важнее знать его расовую принадлежность, чем все остальное, вместе взятое».

Тоже очень интересное рассуждение. Оно бьет все по тому же страху перед «другими», «чужими», «мигрантами». Если в советское время на любые разговоры о том, что в Америке не так все плохо, был ответ: «Зато у них негров линчуют», то теперь, как видно, все повернулось на 180 градусов. Теперь нам намекают, что негров, то бишь афроамериканцев, покрывают. Как и мексиканцев и тому подобных «понаехавших». Потому что «раса — табу». На самом деле не раса — табу, а расизм. Поэтому в газетах предпочитают не указывать цвет кожи совершившего преступление, чтобы лишний раз не разжигать страсти, если только речь не идет, например, о преступлениях на почве расовой ненависти. А когда

полиция ищет человека и обращается за помощью к общественности, то дает его подробный портрет, включая и цвет кожи.

Илья Баранкис возвращается к разговорам о российской душевности и духовности:

«Что важнее: „лучше помогите материально“ или „доброе слово и кошке приятно“? В идеале должно бы быть и то и другое. Но в реальном мире получается или-или. Американцы славятся материальной помощью нуждающимся — они самые активные в мире благотворительные жертвователи. Мы же этому только учимся, зато утешить друга, у которого горе, умеем лучше любых американцев или французов».

Понятно, что лучше подарить ветерану бутылку водки и произнести при этом добрые слова, чем обеспечить ветеранам достойную жизнь в нормальной собственной квартире. «Денег нет, но вы держитесь», — как сказал один небезызвестный персонаж. Автор меж тем продолжает рассуждать. Там, где духовность, там ведь и скрепы, традиция, старая добрая жизнь, общинность и соборность.

«Вообще мы по жизни намного меньше индивидуалисты. То ли это у нас от дореволюционной крестьянской общины, то ли от послереволюционной всеобщей бедности, когда держались друг за друга, чтобы выжить. Сегодня наш менталитет сдвигается на Запад, вместе с ростом материального благосостояния растет индивидуализм. Жаль. Материальное — дело наживное. 150-200 лет назад Швеция была нищей крестьянской страной, народ валом валил оттуда за океан, а сегодня шведское общество богаче и справедливее американского. А вот нравственные ценности подобны аромату из парфюмерного флакона — растраченное не восстанавливается. Была на Западе семья, основанная на любви мужчины и женщины и воспитании рожденных в любви детей, а теперь этой семьи, считай, уже нет: люди десятилетиями сожительствоуют без брака и без детей, каждый второй брак распадается, браком стали считать сожительство однополых особей. В России к этому относятся еще (в основном) традиционно — и слава богу. Давайте это беречь: от гомосексуальных браков не будет движения назад, к нормальной

семье, — можно лишь двигаться „вперед“, к регистрации в загсе отношений человека с козой. А что? Кто-нибудь непременно будет доказывать, что такую пару тоже нельзя дискриминировать».

Как элегантно «журналист» перескочил с помощи ветеранам на гей-браки. Сначала оказалось, что «шведское общество богаче и справедливее американского», ведь, с его точки зрения, менее справедливого общества, чем американское, наверное, вообще не найти — ни в России, ни в Северной Корее, нигде. Но Швеция — это же «шведская семья», разврат, распущенность. И дальше начинается просто мерзость. От гомосексуальных браков можно двигаться только к регистрации отношений человека с козой. Так и слышишь казарменный гогот читающих эту «замечательную» остроту. Вообще-то дети, живущие в гомосексуальных семьях, не женятся на козах. И совсем не обязательно женятся на людях своего пола. Гомосексуальность, как и гетеросексуальность, не воспитывается, как бы наши СМИ ни пытались нам доказать обратное. Иначе, как уже давно резонно было замечено, каким образом появляются гомосексуалы, выросшие в «обычных» семьях? Ах да, их просто развратили. А те, кто вступают в гей-брак, даже, с точки зрения автора, звания человека не заслуживают, они просто «однополые особи», — прекрасное проявление душевности и заботливости.

«Семейные отношения — величайшая ценность, которую нам надо сохранить для потомков. На Западе взрослые дети общаются с родителями минимально, живут от них чаще всего далеко и „не заморачиваются“ уходом за стариками. Чуть-чуть изменил эту тенденцию экономический кризис, который заставил многих молодых „от безысходности“ жить под одной крышей с родителями. Практически отсутствуют в развитых странах Запада (а в России еще сохранились) „расширенные семьи“ — это не обязательно совместное проживание, но регулярное общение с бабушками и дедушками, с семьями братьев-сестер и прочими родственниками. В Америке, если вы видите дедушек-бабушек, гуляющих с внуками, то это русские, корейцы, японцы и прочий Восток».

В Америке взрослые дети действительно не живут с родителями. Считается, что жизнь отдельно способствует развитию самостоятельности.

Теперь так считают и многие в нашей стране. А еще у нас есть тысячи и тысячи молодых пар, которые хотели бы жить самостоятельно, но не могут, потому что квартиры нет, и они вынуждены жить с родителями. Это, впрочем, лучше, чем совместная жизнь в крошечных квартирках разведенных пар, не способных получить новую жилплощадь.

С другой стороны, отдельная жизнь совершенно не противоречит возможности общаться со старшим поколением. Вот Билл Гейтс, типичный представитель материалистического мира «наживы». Он, правда, создал огромный благотворительный фонд, куда вложил большую часть своего состояния, и помогает нуждающимся по всему миру. Не утешает их. Помогает. Учит людей в Африке, как получать чистую воду, дает микрокредиты (на них жители Азии могут купить козу, которая потом будет кормить всю семью), поддерживает женщин в их борьбе за права, борется с малярией и неграмотностью. Фонд этот он создал вместе со своей женой, он так и называется — Фонд Билла и Мелинды Гейтс. А отец Билла Гейтса, Уильям Гейтс-старший, когда-то помог сыну и невестке создать их фонд, постоянно участвует в его работе и в их жизни. Вряд ли они живут вместе.

«Сегодня в России начали всерьез думать о нуждах детей. Воссоздают „дома пионеров“, детские лагеря, спортивные школы... Меня это радует: хочется, чтобы детские учреждения были такими же общедоступными, как в СССР. Что-то похожее местами встречается на Западе, но этого бойскаутского хозяйства мало, делается оно задешево, а продается за дорого — общедоступным его точно никак не назовешь».

Бойскаутов на Западе очень много, бойскаутские программы доступны практически всем и работают там в основном волонтеры. В Великобритании существует как минимум шестнадцать разных скаутских организаций для мальчиков и девочек. Самая большая из них — Scout Association — объединяет 452 тысячи молодых людей от шести до 25 лет, с которыми работают 122 тысячи волонтеров. Организация подчеркивает, что она открыта для всех. Теперь она называется не «бойскаутской», а скаутской — сюда принимают мальчиков и девочек, гетеросексуалов, геев и лесбиянок. Это, кстати, не противоречит тому, что скаутское движение изначально возникло как религиозное. В последние годы неоднократно заявлялось, что в организации могут состоять дети и подростки любого вероисповедания. Но даже это вызвало критику — а что делать с

атеистами? Теперь подчеркивается, что скаутом может стать и атеист. Члены организаций платят нечто вроде членских взносов — но при этом постоянно проводятся сборы пожертвований, специально для того, чтобы семьи платили меньше. У скаутской организации есть своя недвижимость, которую она сдает, а деньги направляет все тем же местным благотворительным организациям.

«Когда во главу угла ставятся деньги, они быстро подчиняют себе всех и вся. Наиболее наглядно наблюдать это можно в Америке, где социальная защита по сравнению с Европой минимальна, а коммерциализация образования и медицины (и всего прочего) максимальна. В России еще остались «пережитки» другого общества, в котором многие вещи были признаны социально необходимыми и поэтому существовали в качестве „планово-убыточных“ за счет госбюджета — культура, образование, здравоохранение, сфера отдыха и лечения... Нам надо сохранить то, что уцелело: это уникальное достояние народа, которого нет в других странах. Пусть наши пенсионеры получают через собес дешевые путевки в санатории и дома отдыха — на Западе такое явление неведомо. Пусть по-прежнему приходят врачи на дом — в Западной Европе и Америке этого нет, а в России — пусть будет. Пусть продолжают работать репертуарные театры, которых практически нет на Западе.

А главное — нам надо поддерживать марку российского образования. Недостаточно того, что российские ученые, инженеры и программисты пользуются спросом в разных странах. Надо, чтобы вчерашние выпускники средних школ знали, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Родиной очень хочется гордиться. Хорошо, что пока есть чем».

Почему отсутствие репертуарных театров — это признак коммерциализации, надо спросить у автора. Театры на Западе существуют разные, и ходит в них очень много народу. Врачи на дом не приходят, зато в больничную палату и даже в реанимацию пускают родных и близких, и никто даже представить себе не может, что ребенок, как это, увы, очень часто происходит у нас, может лежать в реанимации без родителей, и даже умереть в одиночестве, потому что по каким-то высшим соображениям санитарии и гигиены маму к нему не пустили.

Журналистка Вера Шенгелия много пишет о Свято-Софийском детском доме для детей с тяжелыми множественными нарушениями развития. О том, с каким трудом создавался этот «Домик», где живут 22 ребенка, вырванных из бессердечной системы детских домов. В детские дома они попали, потому что от них отказались родители, которые не хотели воспитывать инвалидов. А не хотели они, потому что их сразу же в роддоме начали уговаривать отказаться и «родить другого». И потому, что в нашей стране над инвалидами смеются. И родители здоровых детей могут потребовать, чтобы ребенка-инвалида, например, не пустили на аттракционы, и могут не позволить ему играть в песочнице вместе со всеми. И жизнь с ребенком-инвалидом — это существование в постоянном ужасе из-за мыслей о том, что же с ним будет после смерти родителей. И в государственном детском доме, где до восьми лет жил мальчик Гор с страшным диагнозом *spina bifida* (расщепление позвоночника), он был обречен на жуткое, мучительное существование.

«У Гора абсолютно сохранный интеллект — при этом жил он в группе, где кроме него разговаривали еще двое детей. И невероятная харизма — он живой, яркий, теплый, за секунду запоминает всех по именам, ему все интересно. При этом бытовых, обычных жизненных знаний у Гора не было совсем. Лизнул мороженое: „Ты что, меня угробить хочешь, оно же ледяное!“ Увидел фонари вечером: „Они не рухнут?“ Увидел газ у меня дома на кухне: „Вези меня обратно в Домик, я думал, ты нормальная, а ты костры жжешь!“»^[14].

На собранные благотворительными организациями деньги Гора отвезли в Лондон и прооперировали, сильно облегчив его состояние. Одна из самых поразительных вещей, которые сопровождавшая Гора Вера Шенгелия увидела в лондонской больнице, как раз была связана с пребыванием в реанимации. С самого начала все делается для того, чтобы ребенок как можно меньше боялся.

*«Операцию делали в субботу рано утром. Мы уже успели познакомиться со всей командой врачей — хирургом, анестезиологом, старшими медсестрами. В субботу утром я принесла ребенка в больницу. До этого мы приходили сюда на репетицию: на куклах и плюшевой панде, символе детского отделения *Portland Hospital*, игровой терапевт показала Гору,*

как все будет происходить: как в руку поставят катетер, как приклеят его специальным пластырем, как введут анестезию. Кроме того, нам показали реанимацию и палату, в которой Гору придется лежать после операции. Все это делают для того, чтобы ребенок, и без того напуганный предстоящим, оказался в хотя бы отчасти знакомой обстановке. Чтобы он был готов к медицинским манипуляциям, не боялся вида медицинского оборудования. Как объяснил нам там же, в больнице, детский психолог, такая предварительная работа помогает снизить уровень тревоги, а дети чувствуют себя гораздо более защищенными, когда знают, что именно будет с ними происходить»^[15].

Лиза Браун, старшая сестра реанимационного отделения больницы, где лежал Гор, объяснила Вере:

«Мы всегда рады родителям и близким ребенка в реанимации. Конечно, из соображений безопасности мы ограничиваем число посетителей. Я имею в виду, что мы просим родителей и близких навещать ребенка по очереди. Просто на тот случай, если ребенку внезапно станет плохо, а у его постели будет очень много людей, и мы не сможем быстро воспользоваться оборудованием. Но это, конечно, не причина никого не пускать. Когда к нам попадает очень тяжелый ребенок, мы обычно просим родителей дать нам 10-15 минут, чтобы стабилизировать его состояние. В это время родители могут подождать в специальной комнате. Но главным правилом во всех реанимациях, где я работала, всегда было как можно быстрее дать ребенку воссоединиться с родителями или близкими. Потому что родители в такие моменты, становятся частью нашей команды. От них зависит не меньше, чем от нас. Когда ребенок стабилизировался, но все еще очень слаб, именно родители придадут ему уверенности, именно они, а не мы, будут держать его за руку. Именно они знают своего ребенка лучше всех на свете и уж точно — лучше нас. Мы делаем все возможное, но ни один врач, ни одна самая внимательная сестра не может заменить ребенку родителей».

А вот в городе Железнодорожном произошла жуткая история — о ней

написано на православном портале Милосердие.ру^[16]: «В Центральной городской больнице Железнодорожного в Подмосковье скончался от рака мозга девятилетний мальчик Никита. Его мама, Марина Десницкая, так и не смогла добиться от руководства медучреждения права на свидание с сыном. Врачи сказали, что она занесет в отделение вирусный менингит. Страдания, которые пришлось перенести матери, и смерть маленького мальчика в полном одиночестве никак не повлияли на позицию администрации больницы. Врачи остались непреклонны: не положено!» И эта история не уникальна.

Что касается пенсионеров, то действительно, на Западе они почти никогда не получают путевок через «собес». Разве что самые бедные. Большинство пенсионеров ездят отдыхать за свои деньги. На их пенсии можно жить, развлекаться и путешествовать по миру.

С фразой о том, что родиной хочется гордиться, трудно не согласиться. Хочется. И есть чем — культурой, историей, хорошими людьми. Вот только врать не надо. Россия — не родина слонов.

Глава 8. Рождение героя

Каких только удивительных и неправдоподобных вещей нам не рассказывают, для того, чтобы «вдохновить на подвиг», чтобы «подать пример», увлечь, повести за собой, словом, заставить делать что-то, что нужно другим, а не нам.

Культ героев всегда невероятно полезен — и по многим причинам. Во-первых, понятно, что герои задают некоторую планку, становятся образцом, которому остальные должны с большим или меньшим успехом следовать. Любой учитель скажет — одно дело сообщать детям отвлеченные поучения — мол, ведите себя так-то и так-то, и другое — показать им прекрасный пример, конкретного человека, на которого можно равняться. Это сразу как будто говорит людям: вот, ты тоже так можешь — он же смог. И в то же время герой — это обычный человек, поднявшийся над обычной жизнью — это свято, отказавшийся от дома, семьи и богатства, воин, пожертвовавший собой ради отечества, Рахметов из романа «Что делать?», спящий на гвоздях, Александр Матросов, закрывший своим телом амбразуру пулемета. Всех этих людей — реальных или выдуманных, объединяет одно — они ставят идею выше собственной жизни, и призыв следовать их примеру — это не просто призыв совершать христианские подвиги, или служить революции, или сражаться с врагами, — это призыв служить идее. И если ради идеи надо слегка (или очень сильно) подправить реальную действительность, то страшного в этом, с точки зрения пропагандистов, нет — ведь это делается не для наживы, не для обмана в грубом, приземленном смысле слова — а ради служения великой идее.

Мученик или сутенер?

Жил-был немецкий мальчик, звали его Хорст Вессель. Отец его был лютеранским пастором, националистом и монархистом. Вессель-старший сначала служил в Вестфалии, потом в Берлине, и Хорст, окончив гимназию, поступил в Берлинский университет. Он решил изучать юриспруденцию.

Дело было в 1926 году, нелегкое для Германии время. После окончания Первой мировой войны прошло восемь лет, бóльшая часть воевавших стран уже давно пришла в себя и процветала — заводы работали на полную силу, рабочих мест было много, конвейер Форда выпускал все

новые и новые дешевые автомобили, в ресторанах гремел джаз, пары отплясывали модные танцы. А вот Германия так и не смогла оправиться после поражения. Экономическое положение было тяжелейшим, инфляция росла, к тому же страны-победительницы фактически объявили ее единственной виновницей произошедшей бойни и, чтобы избежать повторения, отняли у Германии много важных для экономики и безопасности территорий. В Германии произошла революция, установилась республика, для которой была выработана прекрасная демократическая конституция. Только вот беда — многие граждане Германии уже не хотели жить при демократии, они все больше прислушивались к тем, кто яростно критиковал нынешнее положение страны, — кто-то шел за коммунистами, а многим нравились лозунги нацистов, говоривших о превосходстве арийской расы и о необходимости отомстить за унижение Германии.

В такой обстановке молодой Хорст Вессель начал изучать право. Но кроме занятий в университете (который он через три года бросил) у Весселя были и другие дела, казавшиеся ему куда более важными. С 15 лет он искал ту организацию, которая дала бы ему возможность служить Германии так, как он это понимал.

Проследить биографию молодого человека нелегко — он сменил много группировок, переходя каждый раз ко все более и более агрессивным, одновременно вел весьма рассеянный образ жизни, проводя время в подозрительных барах и дешевых отелях с дурной репутацией. В конце концов в декабре 1926 года Вессель нашел то, что пришлось ему по душе, — и вступил в штурмовой отряд нацистов. Их идеология давно его привлекала. Вессель был антисемитом (на его взгляды оказал сильнейшее влияние роман атамана Петра Краснова «От двуглавого орла к красному знамени», полный антисемитских идей и веры в подлинность фальшивых «Протоколов сионских мудрецов»). А с кем вместе лучше бороться против мирового еврейского заговора и за величие Германии, как не с нацистами?

Но берлинские штурмовые отряды привлекали Весселя не только этим. Тогда их руководителем — гауляйтером — был не кто иной, как Йозеф Геббельс. Позже Вессель говорил:

«Геббельс мог справиться с чем угодно. Товарищи по партии испытывали к нему преданную привязанность. Штурмовики ради него позволили бы на куски себя разрезать. Геббельс был для нас как сам Гитлер».

Геббельсу Хорст Вессель тоже нравился, и за три года способный

юноша сделал неплохую карьеру в рядах штурмовиков. Его отправляли в Вену изучать организацию тамошних нацистских ячеек, он стал руководителем сначала небольшого отряда штурмовиков, затем дослужился до «штурмфюрера» — что-то вроде лейтенанта.

Геббельс и другие руководители ценили его, в частности, за то, что он был хорошим уличным оратором, а еще за безжалостность и грубость — штурмовой отряд из того района Берлина, где жил Вессель, славился своей жестокостью. Одновременно этот штурмовик, принимавший участие во многих уличных столкновениях, имел склонность к музицированию и играл на шалмее — духовом инструменте вроде гобоя. Он создал «штурмовой ансамбль», игравший на шалмях. Этот инструмент считали народным, исконно немецким, и ансамбль выступал во время сборищ штурмовиков. Вессель даже написал для них слова песни «Знамена ввысь! Ряды сомкните плотно!» Кто сочинил музыку, неизвестно. Некоторые считали, что Вессель выступил и как композитор, но есть и другие версии — например, что была взята мелодия коммунистической песни, или немецких матросов, или венского кабаре. Во всяком случае, штурмовики Хорста Весселя браво распевали ее до тех пор, пока с их руководителем не случилось несчастье.

В сентябре в одном из кабаков, которые любил посещать Хорст Вессель, он познакомился с бывшей проституткой Эрной Йенике. Какие отношения их связывали, не совсем понятно. Некоторые утверждали, что Вессель — ее сутенер. Другие говорили, что он использовал ее для того, чтобы шпионить за своими политическими врагами. Но в любом случае в ноябре она поселилась в комнате, которую Вессель снимал у 29-летней вдовы Элизабет Зальм. Покойный муж фрау Зальм был активным коммунистом, но сама она гордилась своей аполитичностью и, к возмущению его товарищей по партии, не позволила похоронить его так, как хоронили других коммунистов, — с красными флагами и революционными речами. Так что Элизабет было все равно, что ее жилец — штурмовик, но вот то, что в ее дом въехала проститутка, ей не понравилось.

Еще большее возмущение у нее вызывало то, что Вессель задерживал квартплату. Начались скандалы, хозяйка попыталась выселить жильцов, те отказывались съезжать, и тогда она обратилась за помощью к друзьям покойного мужа. Поначалу они не рвались помогать фрау Зальм, но узнав, что выселить надо их давнего врага Весселя, согласились.

Дальше произошла странная история. В дом к Зальм пришло около десятка людей, которые собирались побить Хорста Весселя и заставить его

освободить комнату. Но едва он открыл дверь, некий Альбрехт Хелер вытащил пистолет и выстрелил. Позже он утверждал, что Вессель сам потянулся за пистолетом, но похоже, что это не так, потому что выстрел, по словам свидетелей, произошел почти сразу после того, как распахнулась дверь. Нападавшие обыскали комнату, забрали пистолет Весселя и резиновую дубинку и разбежались. Весселя отвезли в больницу, где он умер от заражения крови. Хёлера и еще семерых нападавших нашли и арестовали. Убийцу приговорили к шести годам заключения, но через три года, когда фашисты пришли к власти, штурмовики выкрали его из тюрьмы и расстреляли.

Что же произошло в тот вечер на самом деле? Историк Дэниэл Сименс, написавший книгу «Создание нацистского героя: Убийство Хорста Весселя и миф о нем», собрал множество свидетельств. Полиция изначально считала, что в этом конфликте смешались как личные, так и политические противоречия между его участниками. Появились утверждения о том, что Йенике по приказанию Хорста Весселя шпионила за своими клиентами-коммунистами, одним из которых и был Хёлер. Коммунисты даже утверждали, что Хёлер был раньше сутенером Йенике и убийство произошло просто потому, что Вессель отнял у него проститутку. Единственного убедительного объяснения того, что произошло, нет, но совершенно ясно, что Хорст Вессель был мутным типом и занимался далеко не только «политической» деятельностью (впрочем, во многом состоявшей из избиений, драк и нападений), был тесно связан с криминальными или полукриминальными слоями Берлина.

Бертольт Брехт в своей статье «Легенда о Хорсте Весселе» саркастически писал:

«В поисках подходящего героя, такого, чтобы, думая о нем, мы думали бы о движении, а думая о движении, мы сейчас же подумали бы о нем, национал-социалистское движение, наверное, после долгих колебаний, остановилось на сутенере».

А дальше началось мифотворчество. 1 марта 1930 года Хорста Весселя похоронили. К этому моменту Геббельс уже начал громогласно рассуждать о том, что штурмовик был убит «дегенеративными коммунистическими недочеловеками». Он хотел устроить из похорон массовое действо, в котором должны были принять участие берлинские штурмовики в форме. Власти, которые пока еще кое-как противостояли напору нацистов, не разрешили проводить военный марш, но похороны все равно стали мощной

пропагандистской акцией, которую засняли на киноплёнку и позже, уже после прихода Гитлера к власти, регулярно показывали в кино. Процессия с гробом медленно двигалась через центр Берлина — это заняло несколько часов.

Геббельс произнес над гробом Весселя взволнованную речь. Так из сутенера начали создавать мученика. Кроме Геббельса на похоронах присутствовали Геринг и другие руководители нацистской партии и штурмовых отрядов, почтил память Хорста Весселя и четвёртый сын свергнутого кайзера Вильгельма — принц Август-Вильгельм Прусский.

Другой идеолог нацизма, Альфред Розенберг, написал, что Хорст Вессель не умер — банальные слова в подобной ситуации, но этот образ был старательно развит. Появилась идея, что Вессель просто перешел в другую — загробную — боевую организацию, в которой он продолжает бороться за дело национал-социалистов. С тех пор среди нацистов вошло в привычку говорить о своих погибших «героях», что они перешли в «отряд Хорста Весселя» или были призваны «под знамена Хорста Весселя». Так недоучившийся студент, возможно, убитый из-за проститутки, стал святым, покровительствовавшим своим однопартийцам.

Снова дадим слово Бертольту Брехту:

«Нельзя не признать, что в легенду о Хорсте Весселе вложено немало пропагандистской работы. Честолюбие министра и порнографа не позволяло им просто обойти молчанием некоторые не вполне благовидные поступки своего героя. Они чувствовали себя достаточно сильными, чтобы именно эти поступки представить наиболее героическими. Мастеру своего дела это ничего не стоит. Допустим, что его герой в какой-то период своей жизни украл серебряные ложки. Вместо того чтобы доказать, что он был героем, несмотря на это, пропагандист, сияя, говорит: он герой именно благодаря этому. Студент не хотел учиться: что же, ему предстояло нечто более великое. Он жил с проституткой: ну что ж, он делал это из любви к Германии. Чего только не сделал бы он из любви к Германии! Если это нужно Германии, он разрешил бы проститутке и содержать себя. Отсюда следует, что раз он разрешал проститутке содержать себя, значит, он должен был это сделать из любви к Германии».

Геббельс надеялся, что на похороны Весселя приедет Гитлер, но тот не

появился. Правда, уже в 1933 году была снова организована огромная процессия, прошествовавшая на кладбище. Во главе ее шли Гитлер, Геринг, Рем и другие вожди. Гитлер произнес прочувствованную речь, назвав убийство Весселя «символической жертвой». На кладбище был открыт мемориал.

Культ Хорста Весселя осознанно формировался Геббельсом по образцам культов христианских святых. Вессель был истинным арийцем и вел себя соответственно, он отошел от своей семьи, которая была недостаточно проникнута идеями национал-социализма, отдавал все силы служению великой идее и с радостью пожертвовал своей жизнью ради Гитлера. Убийство в драке превратилось в осознанное мученичество ради торжества нацизма. Нацистская пропаганда постоянно воспевала желание отдать свою жизнь за фюрера и приучала ценить свою жизнь намного меньше, чем интересы Рейха, образ юноши-мученика тоже работал на эту идею.

Брехт писал:

«Для создания окончательного жизнеописания юного героя Геббельс выписал специалиста и обратился к преуспевающему порнографу. Этот эксперт по имени Ганс Гейнц Эверс среди прочего написал книгу, в которой изображалось изнасилование извлеченного из могилы трупа. Этот автор удивительно подходил для составления жизнеописания мертвого Весселя: трудно было сыскать во всей Германии другого человека с такой фантазией. Мастер порнографии и мастер пропаганды, специалист по обнажению и специалист по охмурению объединились и выработали идеальные, потрясающие и героические причины, которые заставили студента-правоведа переехать на Большую Франкфуртскую улицу к проститутке. Они открыли, что он снял дешевую комнату в квартале, пользующемся дурной славой, не потому, что она была дешевой, а потому, что он хотел быть ближе к народу».

Сочиненная Весселем песенка стала практически гимном нацистов, а затем и Германии, теперь ее называли «Песня Хорста Весселя». В его честь назвали улицу, площадь, район в Берлине, дивизию СС, корабль и много чего другого. Был даже снят фильм про Хорста Весселя, но он не понравился Геббельсу, так как шел вразрез с тем мученическим образом, который уже создала пропаганда. Там, в частности, с гордостью

демонстрировалась жестокость и агрессивность героя, а для того мученика, который отдал жизнь ради идей национал-социализма, эти качества уже не слишком подходили. В результате героя переименовали в «Ханса Вестмара».

Эрнсту Рему, руководителю штурмовых отрядов СА, шедшему вместе с Гитлером в январе 1933 года к могиле Хорста Весселя, как и большинству его подчиненных, жить оставалось полтора года. В июне 1934-го, в «Ночь длинных ножей» штурмовики будут уничтожены — Гитлеру уже стали опасны вооруженные и излишне самостоятельные боевики. Наверное, если бы Хорст Вессель дожил до 1934 года, то его жизнь оборвалась бы так же, как и жизни многих его товарищей, и никто не вспомнил бы о нем. Но он не дожил и был превращен в мученика.

«Славен Павлик Морозов, жив он в наших сердцах»

Много лет пионерские хоры по всей стране пели песню «Пионерская отвага» (судя по тому, как легко найти в интернете ноты и слова этой песни, можно предположить, что ее и до сих пор где-то поют). Песня начиналась так:

Мы советскому флагу
Пионерский салют отдаем,
Молодую отвагу
Мы в груди нашей юной несем.

Славен Павлик Морозов,
Жив он в наших сердцах.
Презирая угрозы,
Он за правду стоял до конца.

Слава Павлика Морозова оказалась невероятно устойчивой. Хотя официальный культ этого мальчика-мученика уже давно сошел на нет, но о нем помнят, его знают. Относятся, правда, по-разному, но имя мальчика, которого считают человеком, отправившим в тюрьму собственного отца, не забыто. В 2004 году на канале РТР вышла передача о Павлике Морозове, в которой, по словам екатеринбургского издания «Новый день», рассказывалось:

«...в тайниках ограды на могиле Павлика Морозова дети и подростки, как местные, так и приезжающие в село Герасимовку на экскурсии, оставляют записки. В записках, обращенных к Павлику Морозову, чаще всего содержатся просьбы о помощи при сдаче экзаменов, поступлении в вузы».

Интересно и то, что в село Герасимовку — на родину «пионера-героя» — по-прежнему возят экскурсии, и то, что дети воспринимают его как заступника, чуть ли не как святого. Хочется надеяться, не потому, что им рассказывают, как Павлик донес на отца, а просто потому, что он был убит и стал в их глазах мучеником.

Как ни менялись времена, Павлик Морозов оставался героем. Еще в тридцатые годы Горький закрывал съезд советских писателей фразой «Мы должны просить правительство разрешить союзу литераторов поставить памятник герою-пионеру Павлу Морозову». В 1948 году в Москве, в детском парке, который носил имя Павлика Морозова, действительно установили памятник Павлику Морозову. Это был не единственный парк. Имя несчастного мальчика появилось в названиях улиц и парков, домов пионеров, школы, был даже танкер «Павлик Морозов». В сталинское время политбюро несколько раз обсуждало, не установить ли памятник Павлику неподалеку от Красной площади. В 1955 году была создана Книга почета пионерской организации — и под номером один туда внесли имя Павлика Морозова. Что же он такое сделал, за что его так любят и помнят?

Сегодня уже не понятно, что сделал и чего не делал несчастный мальчик. Ясно, что его короткая жизнь сложилась трагически. Отец Трофим, который был некоторое время председателем сельсовета в Герасимовке, ушел из семьи к другой женщине, бросив жену с четырьмя детьми. Отношения между матерью Павлика и родными ее мужа были очень плохими. Есть версия, что мальчик оговорил отца, потому что его подталкивала к этому несчастная, озлобленная мать.

В чем был виноват отец, за что он отправился на 10 лет в лагеря? Трофима Морозова обвинили в том, что он прятал зерно, крал колхозное имущество и выдавал (вернее, продавал) справки спецпереселенцам — ссыльным с Кубани, которых доставили в их деревню. Такие справки давали возможность этим людям устроиться в городе, начать новую жизнь.

Доносил ли сын на отца? До последних десятилетий в этом не было никаких сомнений. В многочисленных книжках и статьях, посвященных Павлику Морозову, даже приводился не совсем понятно, откуда взявшийся текст речи, которую мальчик якобы произнес на суде над собственным

ОТЦОМ:

«Дяденьки, мой отец творил явную контрреволюцию, я как пионер обязан об этом сказать, мой отец не защитник интересов Октября, а всячески старается помочь кулаку сбежать, стоял за него горой, и я не как сын, а как пионер прошу привлечь к ответственности моего отца, ибо в дальнейшем не дать повадку другим скрывать кулака и явно нарушать линию партии».

Все эти рассказы вызывают все бóльшие сомнения у ученых, изучающих запутанную историю.

В справке, составленной в 2008 году РИА «Новости», говорится:

«На суде против отца Павел Морозов не выступал и доносов на него не писал. Свидетельские показания о том, что отец избивал мать и приносил в дом вещи, полученные в качестве платы за выдачу фальшивых документов, он дал в ходе предварительного дознания».

В 1990 году появилось весьма эмоциональное письмо единственного остававшегося на тот момент в живых родственника убитого мальчика — его брата Алексея. Он писал:

«Что за судилище устроили над моим братом? Обидно и страшно. Брата моего в журнале назвали доносчиком. Ложь это! Павел всегда боролся в открытую. Почему же его оскорбляют? Мало наша семья горя перенесла? Над кем издеваются?. Как все это выдержать? Обрекли меня на пытку похуже, чем в лагерях. Хорошо, что мать не дождала до этих дней... Пишу, а слезы душат. Так и кажется, что Пашка опять стоит беззащитным на дороге».

Если Павел Морозов не писал доносов на отца и не выступал на суде, то он все-таки, как подчеркивает его брат, «всегда боролся в открытую». И показания против родного отца дал — пусть даже на следствии и, возможно, по настоянию матери. Это уже немного другой образ — не сознательный доносчик, которые сообщает «органам» о преступлениях собственного отца, а несчастный мальчик, который говорит то, что от него

хочет услышать следователь.

Но независимо от того, написал ли он донос, выступил на суде или просто дал показания на следствии, его дед с бабкой по отцовской линии и другой их внук — двоюродный брат Павлика Данила явно не были в восторге от его поведения. Об этом говорилось на суде, когда старых Сергея и Ксению Морозовых, 19-летнего Данилу и Арсения Кулуканова, которого Павлик якобы тоже упоминал на суде, судили по обвинению в убийстве мальчика. В убийстве Павлика и его брата Феди они признались и были расстреляны. Но можем ли мы верить признаниям, сделанным в 1932 году? Ведь нам известно, как велось следствие в те времена.

Гибель мальчиков сегодня тоже объясняют совершенно по-разному. Кто-то верит выводам следствия, кто-то обращает внимание на то, как плохо оно велось. Профессор Оксфорда Катриона Келли, внимательно изучившая материалы следствия по делу об убийстве Павла и Федора Морозовых, заметила^[17], что сначала, пока дело вели местные, деревенские милиционеры, обвиняемыми были два подростка:

«В сентябре 1932 года местная милиция в деревне Герасимовке получила признания в убийстве от двоюродного брата — Данила Морозова и его приятеля Ефрема Шатракова. Односельчане, допрошенные в качестве свидетелей, подтверждали: Павел Морозов донес на Шатраковых, что они незаконно хранят ружье, и Ефрем грозился его убить; да и в других случаях был Павел склонен к доносительству».

Но как только расследованием занялось местное ОГПУ, в деле появились новые обвиняемые. Материалы дела меняются, это уже не малограмотные показания, записанные корявым языком деревенского парня. Новые тексты созданы вполне канцелярским, взрослым языком — следователь явно поменялся, и Данила Морозов под его диктовку признается, что он совершил убийство по наущению своего деда и местного кулака, крестного отца Павлика, Арсения Кулуканова. Данила даже заявляет, что Кулуканов дал ему за это преступление 30 рублей, а еще обещал две пригоршни золота. Историк Ольга Эдельман резонно замечает:

«История про 30 рублей, полученных Данилом, неправдоподобна по двум причинам. Во-первых, это огромные для того момента, для той деревни деньги. Во-вторых, речь о 30 — именно 30 — рублях. Это не реальные деньги, это фольклор, 30

сребреников. А слова Данила про обещанные „две пригоршни золота“ превращают все это в совершенную сказку».

Дед Данилы в тот же день подтвердил его показания. Было ли его признание выбито следователями или он надеялся спасти этим внука? Мы не знаем, но можно не сомневаться, что у Арсения Кулуканова, которого и кулаком-то объявили за отсутствием в Герасимовке более богатых людей, таких денег не было и быть не могло.

Катриона Келли на вопрос о том, кто же, по ее мнению, убил мальчиков, отвечает так: «Я хотела бы сказать все-таки, что документы до такой степени противоречивые, что опасаясь определить окончательно. Но все-таки я считаю, что убийство было бытовое, без политического побуждения».

В 1990-е годы Верховный суд и Генеральная прокуратура согласились с тем, что в истории с убийством Павлика Морозова не было никакой политической подоплеки.

Писатель Юрий Дружников, много лет занимавшийся историей Павлика Морозова, изучил множество источников, поговорил с еще оставшимися в 1970-80-е годы в живых жителями Герасимовки и с родными мальчика и в своей книге «Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова» рассказал о том, как постепенно складывался миф о «пионере-герое».

Во-первых, в истории гибели Павлика и Феди Морозовых Дружников обнаружил множество несоответствий и противоречий. Взять хотя бы причину произошедшего. Был ли Павлик идеологически стойким пионером, боровшимся с кулаками, или он действовал из каких-то других побуждений?

«„Мать толкала сына предать отца, — сказала нам 50 лет спустя учительница Кабина. — Она, темная женщина, досаждала мужу как могла, когда он ее бросил. Она Павлика подучила донести, думала, Трофим испугается и вернется в семью“. Родственники Морозова тоже считают, что так оно и было. Сама же Татьяна Морозова, отвечая на наш вопрос, отрицала свое участие в доносе: „Павлик надумал, я не знала, он со мной не советовался“. Между тем на суде, как утверждают очевидцы, Трофим Морозов заявил, что это Татьяна подучила сына донести. „Скажу так, — резюмировал Прокопенко [одноклассник Морозова. — Т.Э.]. — Не уйди Трофим из семьи —

ни доноса бы не было, ни убийства, и героизм Павлика неоткуда взять. Но этого печатать нельзя!“»

Кроме того, считалось, что мальчик подсмотрел, как отец приносил домой большие пачки денег, и видел, как он выдавал справки спецпереселенцам. Но арест Трофима Морозова произошел уже после того, как он ушел из семьи, — значит, Павлик никак не мог ночью наблюдать за отцом. Остается непонятным, кому, собственно говоря, мальчик донес — если он вообще доносил. Юрий Дружников провел целое расследование:

«Из многих лиц, которым мы задавали этот вопрос, ни один не сумел вспомнить что-либо. Все приводили сведения, взятые из опубликованных впоследствии книг. У разных авторов место это носит разные названия.

Павлик сообщил: в милицию (бюллетень ТАСС), членам сельсовета (писатель Коршунов в „Правде“, 1962), представителю райкома партии (Второе издание БСЭ)... Возможен также уполномоченный Тавдинского райкома партии Дымов, который немедленно сообщил куда следует, и уполномоченный без фамилии, который „молод, плечист, в белой рубашке с расстегнутым воротом, в скрипучих сапогах“ (Губарев, журнал „Пионер“, 1940). Один и тот же следователь ОГПУ носит в разных изданиях фамилии Железнов, Самсонов, Зимин, Жаркий и др. И еще два поздних варианта: Павлик рассказал людям („Пионерская правда“, 1982) и — рассказал всем (сборник „Подвигу жить!“). Речь, повторяем, идет об одном-единственном доносе. Журналист Соломеин при переизданиях книг менял место доноса трижды. „Паша... пошел в Тавду и рассказал о проделках отца“. Это была первая информация с места событий в газете. Его идею заимствовал поэт Боровин в книге „Морозов Павел“, причем для операции им выбрана ночь: „Он спешит. Теперь он все расскажет. Он бежит, спешит в райком. И тайга теперь его не свяжет: Он без отдыха бежит бегом“. Однако от сюжетного хода с Тавдой авторам пришлось отказаться. Дорога шла болотами, были броды через реки, а зимой дорогу заносило. К тому же туда и обратно — около 120 километров, почти три марафонские дистанции. Пробежать их без отдыха трудно. Все фамилии сборщиков доносов, перечисленные выше, оказались

вымышленными, кроме милиционера Титова».

То, каким образом арестовывали Трофима Морозова, тоже вызывает как минимум удивление.

«Через три или четыре дня после доноса Павла отца арестовали. Арест происходил обычным порядком, но в книгах писателей тех лет все выглядело, как в детективном романе. Соломеин в последней своей книге описывает: „Пришли старички в лаптях, помолились, купили справки, а потом взглянули друг на друга и, как по команде, сорвали с себя парики. «Ты арестован, Трофим Сергеевич Морозов», — услышал Павка знакомый голос“».

Если голос знакомый, то, очевидно, пришли забирать Трофима люди, которых он знал. А если даже и не знал — неужели не заметил ничего странного, когда к нему пришли люди в париках?

«А вот другое описание: подослали к Трофиму в сельсовет незнакомого переодетого милиционера. „Это ошибка, товарищи, вы что-то смешали!“ — услышал Паша взволнованный голос отца, и ему захотелось крикнуть: „Не смешали, тятя, не смешали!“». Татьяна Морозова рассказывала нам еще эффектнее: „Павлик скомандовал: «Взять его!» И энкаведисты бросились вперед“».

Показаниям, данным во время следствия, проведенного по всем правилам сталинских застенков, вряд ли можно верить. Тот факт, что Данила, у которого одежда была в крови, в тот день резал теленка, проверен не был. Никто не выяснял, какая кровь на его рубахе — человека или теленка. Окровавленный нож был найден за иконами. Какой прекрасный образ для того времени, когда над религией постоянно глумились. Но вот только в доме у деда Павлика там всегда хранили нож, так что Данила просто положил его на то место, откуда взял. Кровь на ноже тоже никто не проверил. Никто не задумался и о том, почему дед, Сергей Морозов, бывший жандарм, и его жена Ксения, в молодости бывшая конокрадкой, оказались таким простаками и даже не попытались спрятать улики.

Юрий Дружников высказал предположение, что убийство на самом

деле было совершено помощником уполномоченного ОГПУ Карташовым и его осведомителем Потупчиком — просто потому, что «органам» было нужно громкое политическое дело. Стопроцентно доказать свою версию автор не мог, но в одном вопросе трудно с ним не согласиться:

«Преступными действия ОГПУ остаются даже в том случае, если удастся доказать, что убийство двух мальчиков совершено родственниками из мести доносчику. Сотрудники тайной советской полиции сделали все, чтобы это убийство состоялось».

И дело даже не в том, кто совершил убийство. Как только нашли тела погибших мальчиков, началась громкая кампания по формированию образа мученика и героя Павлика Морозова. Суд над «убийцами» проводился с грандиозным размахом, напоминая в миниатюре то, что в 1937 году будет происходить во время московских процессов:

«Большой деревянный клуб имени Сталина на улице Сталина к этой дате спешно отстроили заново после пожара. Топоры стучали днем и ночью. Перед началом процесса в городе были организованы демонстрации трудящихся. Плакаты требовали смерти убийцам пионера Павлика Морозова. На митинг перед клубом привели около тысячи детей, включая малышей, из всех школ района. Дети тоже держали плакаты с требованием расстрелять обвиняемых. Для трансляции процесса военные связисты, установили 500 репродукторов. Вокруг них собрались любопытные».

Милиция и ОГПУ сделали то, что от них ожидалось, — сфабриковали политическое дело, выбили из обвиняемых признания, провели «идеологически выдержанный» процесс, который должен был мобилизовать население на борьбу с кулаками. Но для того, чтобы о Павлике Морозове узнала вся страна, этого было недостаточно. И тут в дело вступают журналисты.

«В тот самый день, когда в Тавде открылся показательный суд над убийцами Морозова, в Москве начался пленум Центрального комитета комсомола. На нем говорилось об идеологической подготовке юношества к служению партии, о

воспитании преданности. Эту установку дал от имени Сталина выступивший на пленуме член Политбюро Павел Постышев. „Павлик должен быть ярким примером для всех детей Советского Союза“, — заявил в докладе заместитель председателя Центрального бюро юных пионеров Василий Архипов, и „Пионерская правда“ это опубликовала.

Едва политический заказ был сформулирован, он начал срочно выполняться. Кроме уральца Соломеина были два других очевидца показательного суда над убийцами братьев Морозовых, два столичных конкурента: Губарев и Смирнов. Всю творческую жизнь три указанных автора посвятили созданию мифа о подвиге героя-доносчика 001».

Юрий Дружников подробно проанализировал то, как журналисты, писатели, поэты формировали миф о Павлике Морозове, изменяя детали от одного сочинения к другому.

«По описанию журналиста Соломеина, все получилось так: когда Трофим дома, то и Павел тут. Глянул осторожно в дверную щелку горницы, где сидел отец, и замер. Отец пересчитывал деньги. Павлик ничего не сказал матери. Только решил наблюдать за отцом. Но ведь в действительности такая слежка была невозможна. Трофим не жил в доме. Чтобы „исправить историю“, Соломеин сдвигает уход отца от матери на время после доноса сына, а при переиздании книги развод родителей убирает совсем. Трофим работал, читаем мы в книге Соломеина „Павка-коммунист“. „Тихо-тихо, стараясь даже не дышать, Павка встал и на цыпочках подошел к двери. Из горницы доносились приглушенные голоса. Павка прильнул к замочной скважине“. Сын хочет выяснить, откуда у отца деньги, и догадывается, что они — „от классовых врагов“. У поэтессы Хоринской в стихотворной биографии Морозова, когда Павлик прислоняет ухо к замочной скважине, слушает и запоминает, ночная сцена приобретает еще более драматический характер. Просыпается мать, осознающая государственную важность деятельности сына. Она говорит в рифму: „Опять не спишь, сынок? Скоро полночь ступит на порог“. А сын поясняет читателям: „ Врагом стал отец мой, ребята, не мог я отца укрывать!“»

Виталий Губарев (тот самый, кто позже напишет «Королевство кривых зеркал») придумал текст справки, которую Трофим Морозов якобы продавал ссыльным. Может быть, он действительно продавал такие справки, дававшие людям возможность избавиться от жуткого клейма спецпереселенца, но вот только писатель документов дела не видел и поэтому дал волю своей фантазии.

«В первом издании отец печатал справки на пишущей машинке в количестве пятидесяти копий. Позже пишущая машинка из жизнеописания Павлика исчезла. Губарев убирает фразу о задолженности и добавляет дату: 27 июля 1932 года. Эта дата вообще делает всю сцену абсурдной. Морозов-отец был к этому времени давно осужден и отправлен в лагерь».

Коллега Губарева — журналист Смирнов, — описывает происходившее так:

«Отец разорвал бракованную справку. „Не успели затихнуть во дворе шаги, как Павлик соскочил со своей постели и подобрал на полу клочки разорванной бумажки. Зажав их в кулаке, он быстро улегся. Утром Павел разжал руку и стал разбирать клочки бумаги, чтобы восстановить текст. В первых публикациях авторы писали, что Трофим брал за справки деньги. Позже слово „деньги“ заменили на „толстые пачки денег“».

Павлика сделали пионером, хотя теперь уже можно не сомневаться в том, что при его жизни в деревне вообще не было пионерской организации. Но такой «подвиг», конечно же, должен был совершить пионер.

Еще один пример искажения действительности. В блокноте Соломеина читаем:

«„Любил хулиганить, драться, ссориться, петь песни нехорошие, курил“. В печатном тексте проблема „курил ли Павлик“ будет выглядеть так: „Бывало, соберемся вместе, кто-нибудь из ребят возьмет папироску, а Павлик теребит его за рукав: «Брось, не надо, куренье вредит здоровью»“».

Образ мальчика, который ставил общественное выше личного настолько, что шпионил за собственным отцом, оказался столь актуальным,

что вокруг Павлика Морозова началась настоящая вакханалия.

О нем писали статьи и повести, его подвиги описывали в идиотских стихах (одно из таких произведений носило весьма примечательное название — «Поэма ненависти»), а в 1950-е годы была даже поставлена опера.

«В 50-х годах в Москве шла опера Михаила Красева „Павлик Морозов“. На сцене звучали лирические песни, переходящие затем в задорные плясовые, арии учительницы и уполномоченного, пионерские хоры. „Зачем его пустил я в пионеры?“ — пел арию отрицательный отец героя. Павлик стоял в дозоре, спасая от поджога колхозный хлеб, героя сопровождал хор колхозников: „Что за Пашенька! Честный, смелый он! Врагов не испугался, С отцом не посчитался. Что за Пашенька! Скромн да умен“. Девочки водили хоровод вокруг Павлика, укладывали его в постель и пели ему колыбельную. По ходу действия Павлик случайно находил в кустах оброненную сплетницей Акулиной (вымышленный персонаж) подделанную отцом справку. Павлик отдавал ее учительнице, а та — уполномоченному. Опера восхвалялась за музыку, но критиковалась за сюжетный ход: по мнению критики, найти бумажку и донести мог и семилетний малыш, а надо сообщать прямо в ОГПУ».

О Павлике писали самые разные люди — от малообразованных провинциальных журналистов до прославленных столичных литераторов. Похоже, что единственным, кому не удалось рассказать о Павлике Морозове, был режиссер Сергей Эйзенштейн, который начал снимать фильм «Бежин луг», но попал под огонь жесточайшей критики за то, что «неправильно показал», «недооценил», «недовыразил». Съемки фильма были остановлены.

Похоже, что Эйзенштейн «слишком умно» стал рассказывать о Павлике в тот момент, когда требовались предельно простые истории.

На I Съезде советских писателей пионеры якобы по собственной инициативе обратились к труженикам пера и конкретно к великому гуманисту Алексею Максимовичу Горькому:

«От имени пионеров Сибири выступила пионерка Алла Каншина: „Алексей Максимович совершенно правильно сказал,

что Павлику Морозову памятник нужно поставить. Нужно это сделать, и мы, пионеры, этого добьемся... наш памятник будет звать всех нас, ребят, к героизму. (Аплодисменты.) Товарищ съезд, организуем это дело! Поставим памятник! (Продолжительные аплодисменты)“.»

Как возникают подобные детские инициативы, читатель знает не хуже нас. Согласно отчету в «Комсомольской правде», девочка заявила с трибуны: «А ведь у нас таких тысячи!» Далее газета пишет: «Тут же вносится предложение президиума немедленно организовать сбор средств на памятник отважному пионеру Павлу Морозову. Алексей Максимович берет стопку писчей бумаги и пишет: „На памятник пионеру-герою Павлу Морозову. М. Горький — 500 р.“. Горького окружил весь президиум. Лист покрывается длинной вереницей фамилий», — рассказывает Юрий Дружников.

Всем, кто жил в Герасимовке и видел, что происходило на самом деле, было понятно, что это ложь. Но тут вступили в силу психологические факторы — кто-то молчал, потому что боялся, кто-то радостно «стриг купоны», как одна из учительниц мальчишка, которая позже в анкетах на вопрос о профессии писала «учительница Павлика Морозова», у кого-то срабатывала «внутренняя конформность» — люди начинали верить, что все было так, как об этом писали и говорили повсюду. «Восьмидесятилетняя мать героя Татьяна Морозова, рассказав нам много такого, чего в книгах о ее сыне мы не нашли, прибавила: «Как в книгах написано, так и правильно». Что еще могла сказать эта несчастная женщина, потерявшая сыновей, презираемая односельчанами, которые неоднократно, по ее словам, оскверняли их могилы, уехавшая из деревни, всю свою долгую и одинокую жизнь рассказывавшая пионерам о «подвиге» своего сына и умершая в квартире, заставленной его бронзовыми бюстами? Другие свидетели только через много лет потихоньку, с оглядкой начали рассказывать правду. Когда Юрий Дружников приехал в деревню Герасимовку, оказалось, что многочисленные экскурсии сюда организованы так, чтобы приезжие не задерживались в деревне.

«Экскурсантам не следует встречаться с жителями деревни, — пояснила экскурсовод. — Крестьяне неправильно все понимают и могут не то наговорить. Работники музея организуют группы так, чтобы посетители проходили по местам славы Павлика Морозова и сразу уезжали из деревни».

«„Все это раздуто, — сказал нам одноклассник Морозова Дмитрий Прокопенко. — Павлик хулиганил, и все. Доносить — это, знаете, серьезная работа. А он был так, гнида, мелкий пакостник“. Учительница Зоя Кабина в одной из наших бесед подвела итог: „ Павлик донес на отца, а, в сущности, больше ничего не сделал, за колхоз он не ратовал, да и не понимал он ничего“».

Юрия Дружникова обвинят в том, что он оклеветал память пионера-героя. Ему припомнят и то, что его настоящая фамилия Альперович, и то, что он эмигрировал в Америку. Родственники Павлика будут утверждать, что он обманом вкрался к ним в доверие.

Но история Павлика Морозова не заканчивается с его смертью. Он был нужен власти как образец, «пионер — всем ребятам пример», и, как это ни ужасно, у него нашлось множество последователей. Можно предположить, что многие из этих историй тоже были выдуманы и раздуты, но ясно, что далеко не все. Юрий Дружников сказал в одном из интервью:

«Кажется, я теперь единственный в мире коллекционер „павликов морозовых“. Они создавались во всех областях и республиках. Я собрал сведения о сорока восьми юных героях, убитых за доносы... Количество детей-доносчиков не подсчитывали, но много писали в тридцатые годы, как их награждали путевками в „Артек“, велосипедами и новыми ботинками».

В книге Дружников приводит несколько таких историй, можно только попытаться представить себе, какие страшные человеческие трагедии стоят за ними.

«16 марта 1934 года „Пионерская правда “ опубликовала донос. Он занимал почти целиком третью страницу газеты и начинался так: „В Спасск. В ОГПУ. Довожу до сведения органов ОГПУ, что в деревне Отрада творятся безобразия...“ С портрета, помещенного рядом, смотрит симпатичное личико пионерки Оли Балыкиной, девочки из Татарии. С подробностями, не забыв ни имен, ни дат, она перечислила всех, кто, с ее точки зрения, нарушал что-либо. Не забыла Оля и собственного отца. Письмо заканчивалось так: „...Я вывожу всех на свежую воду.

Дальше пускай высшая власть делает с ними, что хочет».

«Школьник из-под Ростова-на-Дону Митя Гордиенко ловил голодных в поле несколько раз. Выступая на суде свидетелем, он говорил: „Разоблачив воров колхозного хлеба, я даю обязательство организовать на охрану урожая тридцать ребят нашей коммуны и быть руководителем этого пионерского отряда...“ После одного из доносов Мити на двоих взрослых муж был приговорен к расстрелу, а жена — к десяти годам лишения свободы со строгой изоляцией. Митя получил за этот донос именные часы, пионерский костюм, сапоги и годовую подписку на местную газету „Ленинские внучата“».

Мальчик написал в газету, что директор его школы дал на уроке детям такую задачу: «Всего в селе было 15 лошадей. А когда люди вступили в колхоз, 13 лошадей сдохли. Сколько осталось?» Директор как классовый враг был привлечен «к суровой ответственности».

«...Все эти и многие другие дети, согласно публикациям, были зарезаны ножом или серпом, задушены проводом, убиты из ружья, пистолета или топором врагами советской власти. Что произошло с каждым из них в действительности, сказать не можем, ибо каждый случай потребовал бы расследования, подобного проделанному с Павликом Морозовым».

Появлялись специальные инструкции для детей о том, как искать врагов народа, как их легче выявить, как наиболее эффективно передать донос, чтобы его, например, не перехватили на почте, где тоже, естественно, могут оказаться вредители.

«Пионерская правда» становится центром сбора доносов от своих читателей со всей страны. Здесь они обрабатываются, учитываются и передаются в учреждения, ликвидирующие врагов народа. Пионерская организация становится филиалом секретной полиции, всесоюзной школой стукачей.

Слова «донос», «доносчик» перестают быть позорными. Вернее, возникает огромное количество новых слов, означающих как раз «донос». Пионеров, следящих за врагами народа, начинают называть «дозорниками» — вроде бы похоже, но все-таки не доносчик. Слова «бдительность», «сообщил», «проинформировал», «доложил» означают то, что в народе называлось «настучал», но звучат они настолько торжественно, что как

будто теряют свой изначальный смысл. Дружников рассказывает:

«Двести дозорных едут отдыхать в Крым, в привилегированный пионерский лагерь „Артек“. Черноморский курорт превращается в зону заслуженного отдыха юных стукачей-добровольцев. Дети-доносчики разных областей страны вызывают друг друга на всесоюзное социалистическое соревнование: кто больше донесет. Делегации пионервожатых начинают путешествовать из области в область, обмениваясь передовым опытом: как следить, как сообщать. На Украине состоялся республиканский слет дозорных, и член Политбюро Постышев стал его почетным гостем».

Много лет назад я слышала рассказ детского писателя Камилы Икрамова, сына первого секретаря ЦК Узбекистана Акмаля Икрамова, который проходил по одному из открытых московских процессов и был расстрелян. Камил жил у родственников, пока не достиг совершеннолетия, а после прошел лагерь и ссылку. В 1960-е годы он работал редактором в журнале «Наука и религия», куда пришла женщина, безуспешно пытавшаяся опубликовать свои мемуары. В 1937 году она работала вожатой в «Артеке», где проходил слет «детей, повторивших подвиг Павлика Морозова». По вечерам пионеры сидели у костра и рассказывали друг другу о своих «подвигах». Через несколько дней вожатая пришла к администрации лагеря и предложила чуть-чуть изменить распорядок дня. «Дети, конечно, герои, но вот только после посиделок у костра они плохо спят ночью, у них случаются истерики, — сказала она. — Может быть, лучше сделать так, чтобы они рассказывали о своих достижениях днем, при свете солнца?» Этого предложения было достаточно, чтобы вожатая отправилась по этапу. Но и в 1960-е годы ее воспоминания никто не хотел публиковать.

Юрий Дружников отметил интересный факт: в 1938 году «Пионерская правда» перестала печатать сообщения о «дозорниках»-доносчиках. То казалось, что дети толпами доносят на родных, близких и соседей, а потом вдруг все они исчезли. Очевидно, было спущено распоряжение прекратить кампанию. Почему? Было ли это частью мимолетного смягчения режима, когда после ареста наркома внутренних дел Ежова и прихода на этот пост Берии несколько тысяч человек выпустили из тюрем, чтобы создать ощущение «восстановления справедливости»? Или просто в мясорубке 1937 года был уничтожен кто-то, кто раскручивал эту кампанию (например,

Постышев)? Неизвестно. Но и тех нескольких лет, когда пропаганда всеми силами воспевала юных доносчиков, хватило, для того, чтобы образ Павлика Морозова закрепился в общественном сознании.

«Мы можем сами позаботиться о своих детях»?

8 июля 2008 года Майлс Харрисон, приемный отец Димы Яковлева, маленького мальчика из Псковской области, которого за три месяца до того они с женой усыновили, забыл завезти малыша в детский сад и оставил его на целый день на жаре в запертой машине. Мальчик умер. Майлса Харрисона судили за непреднамеренное убийство, но оправдали. Вот как описал журналист «Вашингтон Пост» суд над Майлсом Харрисоном^[18]:

«Несколько свидетелей, включая жену Харрисона Кэрол, рассказали о том, какой любовью Харрисоны окружили Чейза [имя, которое получил Дима в Америке. — Т.Э.] после того, как они усыновили этого русского мальчика и привезли его в Перселвилль 21 марта. Многие из этих историй вызывали рыдания присутствующих, а сам Харрисон сидел на скамье подсудимых, скорчившись, как будто от боли.

Черри Берри, работающая в детском садике, который Чейз начал посещать в июне, сказала: „Я никогда не видела, чтобы отец так заботился о сыне, как Майлс о Чейзе “».

Майлс Харрисон не смог объяснить, почему он оставил сына в машине, почему он вышел из автомобиля и помчался в офис, даже не оглянувшись на мальчика на заднем сиденье. Следствие установило, что по дороге от дома до работы он 13 раз говорил по мобильному — очевидно, на работе было не все гладко. Сам Майлс на вопрос, что бы он ответил в тот день, если бы его спросили, где ребенок, сказал: «В детском саду». Судья счел, что «непреднамеренное убийство» предполагает «страшное пренебрежение человеческой жизнью», а в данном случае, по его мнению, можно говорить о «трагической случайности».

Позже Майлс обратился к жителям России:

«Я молю российский народ о прощении. Есть хорошие люди в нашей стране, которые заслуживают детей, и есть дети в России, которые нуждаются в родителях. Пожалуйста, не

наказывайте всех за мою ошибку».

В течение четырех лет о Диме Яковлеве и его печальной судьбе никто не вспоминал. Сообщение прошло в новостях, все ужаснулись, в конце 2008 года Следственный комитет даже возбудил уголовное дело для выяснения обстоятельств гибели ребенка, но большого шума вокруг судьбы мальчика не было.

Однако в декабре 2012 года американский конгресс принял так называемый Закон Магнитского, вводивший персональные санкции против людей, которых правительство Соединенных Штатов считало виновными в нарушении прав человека в России. Среди них были чиновники, причастные к гибели в тюрьме Сергея Магнитского — человека, пытавшегося разоблачить крупную коррупционную аферу. Однако он в результате сам был обвинен в коррупции, арестован и умер в тюрьме при непонятных обстоятельствах. Российские чиновники, попавшие в «список Магнитского», были лишены американских виз, их счета в Соединенных Штатах заморожены.

И тогда вспомнили о несчастном мальчике. В Думу был внесен законопроект, запрещающий американцам усыновлять российских детей. Он был с невероятной скоростью принят в трех чтениях, 28 декабря подписан президентом и уже 1 января 2013 года вступил в силу. Депутат от «Единой России» Вячеслав Никонов предложил назвать его «Законом Димы Яковлева», а знаменитый врач Леонид Рошаль — поставить Диме Яковлеву памятник.

Четыре года никто про Диму не вспоминал, и то, что он вдруг стал символом мучений российских детей на чужбине, не случайно. Дело, конечно, не только в «списке Магнитского», а в общей перемене обстановки. За время между 2008-м и концом 2012 года произошло слишком многое. Желание отгородиться от внешнего мира, поиски внешних врагов — все тех же конспираторов-вредителей, масонов-мормонов, позиция агрессивной самообороны — все это за годы, прошедшие со дня смерти мальчика, выросло во много раз.

Принятый закон вызвал бурю эмоций — его защитники пылко говорили о тяжелых судьбах русских детей за границей, даже попытались отыскать биологических родителей Димы, но те выглядели настолько неприглядно и так неубедительно объясняли, почему отказались от психически нездорового мальчика, что журналисты довольно быстро оставили их в покое. Противники закона называли его «законом подлецов» и напоминали о том, что американские усыновители всегда забирали тех,

кого отказывались усыновлять российские граждане. Очень часто это были дети с тяжелыми заболеваниями, получавшие в результате в Америке необходимое лечение, которого им не предоставляли на родине.

Права уехать в Америку оказались лишены даже те дети, которые на момент принятия закона были «почти» усыновлены, то есть их будущие приемные родители уже оформляли документы на усыновление и общались с ребятами. Многих больных детей с тех пор так и не усыновили. Расследование, проведенное в 2017 году РБК, выявило печальные вещи:

«„Закон Димы Яковлева“ принимали на фоне обсуждения трагических случаев с усыновленными российскими детьми в США, но, как показывает практика, российский паспорт усыновителя или опекуна не является гарантией от подобных проявлений.

По данным Вероники Вороновой [пресс-секретарь Уполномоченного по правам ребенка. — Т.Э.], количество случаев жестокого обращения с усыновленными или взятыми под опеку детьми стало расти. По статистике Следственного комитета России, предоставленной РБК и. о. руководителя управления взаимодействия со СМИ СКР Светланой Петренко, в 2015 году перед судом предстали 11,5 тыс. человек, совершивших преступления против детей, — на 22% больше, чем за год до этого. 406 детей были убиты, причем в 193 случаях преступления совершили родственники, 153 ребенка погибли от действий собственных родителей, семь — от действий усыновителей и опекунов, а трое погибли в школах-интернатах»^[19].

В разгар споров о «законе подлецов» детский омбудсмен Павел Астахов, один из главных защитников «Закона Димы Яковлева», выпустил книгу «Наши дети. Исповедь о самых близких и беззащитных». В ней, в частности, он рассказал о своем общении с «испанскими детьми» — теми, кто был вывезен в Советский Союз во время гражданской войны в Испании, и заявил: «Чем больше я узнавал, тем больше убеждался, что мы можем сами позаботиться о своих детях — и даже о чужих. Мы могли это раньше, в более сложные периоды нашей истории, и должны это делать сейчас». Замечательные слова, трудно с ними поспорить. Хотелось бы только, чтобы за ними последовала полная перестройка системы детских домов, которые на сегодняшний день в большинстве своем являются

учреждениями, не сильно отличающимися от тюрем по своим порядкам, чтобы дети имели доступ к полноценному лечению, а уж дети-инвалиды тем более. В прессе регулярно появляются сообщения об ужасающих преступлениях против детдомовцев. Вот только один пример из многих:

«15 января 2016, AmurMedia. О девяти случаях сексуальных преступлений против детей в детском доме № 26 в Советской Гавани Хабаровского края знали и работники учреждения, и директор, но скрывали. Перед судом предстанет женщина — бывший директор детского дома, которая обвиняется в халатности, сообщили ИА AmurMedia в СУ СК РФ по Хабаровскому краю»^[20].

Почему-то, правда, это жуткое сообщение, как и многие другие подобные новости, не так взволновало Государственную думу, как судьба маленького Димы Яковлева через четыре года после его смерти.

Павла Астахова больше интересует идеологическая, чем практическая сторона вопроса. О детях надо заботиться, «чтобы не быть людьми второго сорта, чтобы не лишать детей права на родину и права вернуться в родную семью. И чтобы не подвергать риску даже одного из тысячи детей». Из этого текста каким-то странным образом вытекает вывод о том, что риску подвергаются дети, взятые в семьи международных усыновителей. А те, которые остаются в российских детдомах, в казарменных палатах на восемь или больше человек, без собственных игрушек, без какого-либо личного пространства, те дети, которые подвергаются избиениям и сексуальному насилию со стороны других воспитанников или воспитателей, — как же с ними быть?

Оказывается, проблем-то особенных нет. «Детдома, дома ребенка, интернаты в первую очередь получают квоты на лечение. Очередей нет уже давно». Количество благотворительных сборов, проводящихся самыми разными организациями для лечения детей — далеко не только сирот — за границей, вызывает некоторое сомнение в этом утверждении, но, по мнению Астахова, главное — «прекратить это безобразие — продажу детей под видом лечения». Мало того, продолжает Астахов: «А вообще я принципиальный противник иностранного усыновления как такового. Гордость великороссов, вероятно, не дает покоя. Я, как сын узника концлагеря, понимаю, как уязвимы дети на чужбине. И моя задача — сделать так, чтобы ни один ребенок никогда больше не оказался на месте Димы Яковлева».

Павел Астахов легко бросает утверждения — которым мы, очевидно, должны поверить на слово — о том, что все виды лечения доступны детям-сиротам, о том, что нет очередей. Как это проверить? Ссылок нет, цифр нет, цитат нет, но нам ведь говорит об этом человек, чья обязанность — защищать права ребенка, так как же можно ему не верить?

А параллельно нам подбрасываются замечательные ассоциации, опять играющие на представлениях о том, что все американцы (а может быть, и европейцы) постоянно хотят нам навредить. Сначала речь шла об «испанских детях» — о тех, кого вывозили из Испании, спасая от бомбежек и преследований, чьи родители сражались против фашистов. Потом Павел Астахов зачем-то сообщает, что он — сын узника концлагеря. К чему это? Дима Яковлев был помещен в концлагерь? Его фашисты забрали? Конечно, нет, Астахов ведь этого не говорил. Точно, не говорил, но так умело разбросал по своему тексту упоминания о фашистах, что легко выстраивается ассоциативная связь. А мало кого в нашей стране боятся больше, чем фашистов.

Несчастный маленький Дима Яковлев совсем не похож на Хорста Весселя или Павлика Морозова. Он ничего не успел сделать за свою короткую жизнь — ни хорошего, ни плохого. Но в «героической» пропаганде для него нашлось четко определенное место. История Павлика Морозова строится по канонам жизни святого — борющегося с обстоятельствами (приказы императора-язычника или недостаточная преданность советской власти его окружения), ставящего идею выше любых человеческих связей (святая девственница, отказывающаяся подчиниться воле отца и выйти замуж или донос на отца, выписывающего незаконные справки) и принимающего мученическую смерть (на арене цирка, куда выпускают голодных львов, или в лесу от руки кулаков). Дима Яковлев (как и «распятый мальчик») — другая фигура из пантеона святых: невинно убиенный младенец, принявший мученическую смерть от солдат царя Ирода. И грустно, если за этим образом исчезает реальная трагическая история конкретного ребенка.

Часть 3. Как это работает

Глава 9. Принципы Геббельса

Как могли немцы — народ, породивший Гете, Бетховена и многих других великих, сформировавший упорядоченный и «культурный» образ жизни, — приветствовать и поддерживать живодеров и убийц? Этот вопрос по-прежнему не дает покоя историкам и философам, и единого ответа на него не существует.

Историки много пишут о травме, пережитой немцами после Первой мировой войны, о национальном унижении, об экономической нестабильности, о страхе перед коммунистами, поддержке, оказанной Гитлеру крупным капиталом, и о многих других факторах, повлиявших на его приход к власти. Но не надо забывать о том, что это была не просто победа на выборах, а победа над умами и душами целого народа. Это вряд ли могло быть достигнуто просто с помощью денежных вливаний и разговоров о необходимости вернуть потерянные Германией земли. То, что нацистская (как, впрочем, и любая тоталитарная) пропаганда обращалась не столько к уму, сколько к эмоциям, стремилась воздействовать на бессознательное в людях, во многом обеспечило огромный успех ее людоедских идей.

«Худший враг любой пропаганды — интеллектуализм». Эти слова сказал один из самых гениальных пропагандистов, пиарщиков и злодеев XX века Йозеф Геббельс. Он не дожил до Нюрнбергского процесса, на котором его наверняка приговорили бы к смертной казни как одного из главных преступников Третьего рейха. 1 мая 1945 года Геббельс и его жена убили своих шестерых детей и сами покончили с собой. Имя Йозефа Геббельса навсегда осталось связанным с нацистскими злодеяниями и людоедской идеологией, но, несмотря на это, самые разные люди, организации, партии XX и XXI веков пользовались и продолжают пользоваться идеями «доктора Геббельса».

Помощник Геббельса Вильфред фон Офен составил список тех принципов, по которым работало нацистское министерство пропаганды, возглавляемое его шефом.

1. Пропаганда всегда является лишь средством, а не целью.
2. Пропаганда может и должна, особенно во время войны, отказаться от гуманизма и эстетики, как бы высоко мы их ни ценили, так как в борьбе народа речь идет ни о чем другом, как о

его бытии.

3. Пропаганда является «воистину грозным» оружием в руках знатока.

4. Пропаганда должна вестись как можно более метко и тем самым успешно, так как в войну самым гуманным методом является тот, который быстрее всего достигает своей цели.

5. Пропаганда всегда обращена только к массам, а не к интеллигенции, поэтому ее уровень должен ориентироваться на способности восприятия самых ограниченных среди тех, на кого она должна повлиять.

6. Пропаганда должна воздействовать больше на чувство, чем на разум, так как масса, в сущности, имеет женственный характер, поэтому чувства доходчивее размышлений.

7. Пропаганда должна не развлекать, а быть средством достижения политической цели. Поэтому развлечение является смертельным врагом ее успеха.

8. Пропаганда должна ограничиться минимумом и повторять это постоянно. Настойчивость является важной предпосылкой ее успеха.

9. Пропаганда не может быть объективной, она должна быть принципиально субъективно односторонней.

Простота, доступность, ориентация на самые низы общества и постоянное повторение одних и тех же несложных вещей — по сути дела все, кто хотят что-либо внушить другим людям, — от коммунистических лидеров до выдающихся рекламщиков, — действуют именно так. Манипулировать людьми, обращаясь к ним с простейшими лозунгами, намного легче, чем вступая с ними в сложные диалоги.

Геббельс был одним из первых пропагандистов, по-настоящему оценившим силу коротких и емких лозунгов: «Враги Германии — твои враги!», «Гордись Германией!», «Бей негодя всякий раз!», «Не дай евреям обмануть себя!» Как все просто, понятно и, главное, доступно самому тупому и агрессивному лавочнику. А после того как десятки, сотни, тысячи тупых лавочников всем сердцем принимают эти лозунги, за ними начинают, волей или неволей, следовать и те, кто поумнее, а потом и те, кто понимает всю тупость и бесчеловечность этой пропаганды, — если, впрочем, эти последние уже не проследовали совсем в другом направлении — в места не столь отдаленные. Геббельс не ограничивался только лозунгами — его министерство пропаганды выпускало плакаты и фильмы,

вовсю использовало пропагандистские возможности радиопередач и даже подумывало о том, как взять на вооружение только-только начавшее распространяться телевидение. Но в каждом случае надо было действовать просто, грубо — и постоянно. Тогда успех был обеспечен.

Советские пропагандисты 1930-40-х годов до чего-то, очевидно, дошли сами, а что-то вполне могли заимствовать у своего нацистского «коллеги». Емкие и красноречивые лозунги, вроде «Болтун — находка для шпиона» или «Генетика — продажная девка империализма», было легко постоянно повторять, внушать, вбивать в мозги. «Пятилетку — в четыре года!», «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны!», «Вперед, к победе коммунизма!» — эти призывы можно было видеть на улице, в учреждениях, школах, они звучали на собраниях и из вечно работавших радио-«тарелок», казались вездесущими и проникали в подсознание. Они были так просты и так часто повторялись, что не запомнить их было просто невозможно. А запомнив, человек постепенно начинал верить в то, что надо приложить все возможные усилия, чтобы перевыполнить пятилетний план, что впереди нас ждет коммунистический рай, и так как советская власть у нас уже есть, то осталось только всюду провести «лампочки Ильича» — и рай наступит, надо только остерегаться генетики — продажной девки империализма, чем бы эта генетика ни занималась.

* * *

Руанда расположена в одной из самых благодатных частей Африки — на востоке континента, немного южнее экватора. Большую часть ее территории занимают саванны, перемежающиеся невысокими холмами, климат здесь довольно мягкий, почвы неплохие, много рек и озер. Казалось бы, можно жить и радоваться. Но в конце XX века Руанда стала местом, где произошли одни из самых страшных преступлений, когда-либо совершенных против человечества.

Когда-то в здешних местах жили только племена пигмеев тва, низкорослых и темнокожих охотников и собирателей. Около тысячи или пятисот лет назад с юга в Руанду пришел народ хуту. Эти земледельцы, находившиеся на более высокой ступени развития, чем пигмеи, оттеснили бывших хозяев здешних земель в леса, а сами принялись расчищать территорию под пашни и заниматься сельским хозяйством. Прошло еще несколько веков, и с севера явились племена кочевников-тутси, которые

подчинили себе всех, кто тут жил. Так сложилась иерархия — наверху тутси, ниже — хуту и тва. Когда в конце XIX века Руанда стала протекторатом Германии, а позже, уже в XX веке — Бельгии, европейцы не сомневались, на кого из местных им опереться. Тутси считали себя воинами и не снисходили до физического труда. Они были более высокими и светлокожими, что в глазах колонизаторов-расистов стало явным достоинством. К тому же за много веков тутси привыкли управлять другими. Поэтому на административные должности колонизаторы назначали именно их. Когда после Второй мировой войны европейцы согласились на признание независимости Руанды, то хуту к этому моменту ненавидели тутси не меньше, чем белых, — для них все они были угнетателями. В созданной Руандийской Республике все основные властные посты оказались в руках хуту, а тутси начали партизанскую войну, которая длилась несколько десятилетий и закончилась (вернее, казалось, что закончилась) в 1993 году. Был заключен договор, по которому представители тутси могли войти в правительство, беженцам было разрешено вернуться, боевые действия прекратились.

Но ненависть к былым угнетателям — тутси — была слишком велика. Многие представители силовых структур оказались недовольны заключенным договором. В стране начали возникать вооруженные отряды молодежи-хуту — они назывались интерахамве и их тренировала армия. Обычным хуту раздавали мачете — якобы для защиты от возможных нападений тутси.

В апреле 1994 года был сбит самолет, на котором летел президент Руанды. В этом преступлении, конечно же, обвинили тутси, хотя не исключено, что это сделали радикалы хуту с целью сорвать мирное соглашение. Вскоре после этого была убита премьер-министр, также выступавшая за мир. Власть в стране захватил созданный военными Кризисный комитет, по сути дела в Руанде воцарилась ужасающая анархия. За 100 дней отряды интерахамве убили около миллиона тутси и тва — мужчин, женщин, стариков, детей. Их разрубали на кусочки, иногда медленно, чтобы подольше мучились, их сжигали, женщин насиловали. Иногда жертвы специально платили своим палачам, чтобы те хотя бы убили их быстро. Через три месяца отряды тутси при помощи угандийцев, а затем и опомнившихся европейцев навели нечто вроде порядка. Теперь в стране существует подобие мира, жертвам геноцида посвящены памятники, музеи, мемориальные дни.

Основная причина конфликта — существовавшие много лет противоречия между тутси и хуту. Но, с другой стороны, непростые

отношения и даже столкновения были и раньше, а геноцид случился во вполне конкретный момент и в конкретной обстановке. Почему? Дадим слово удивительному человеку — Полу Русесабаджине. Сам он родился в смешанной семье — его отец был хуту, а мать тутси, но по фамилии и по внешности он явно относился к хуту, поэтому, насколько это было вообще возможно, Пол был, скорее, в безопасности. Однако вторым браком он был женат на женщине-тутси, так что она сама и их сын могли быть убиты в любую минуту. Русесабаджина служил управляющим в большом пятизвездочном отеле. Когда начались убийства, остальные управляющие бежали, он остался один. Русесабаджина укрыл в отеле 1268 человек и не выдал их отрядам убийц. Позже, уже перебравшись в Бельгию, Русесабаджина написал в соавторстве с Томом Цольнером воспоминания — «Обыкновенный человек». Его история легла в основу знаменитого голливудского фильма «Отель „Руанда“». Вот как он сам объяснил, что сделал:

«Меня зовут Пол Русесабаджина. Я управляющий отелем. В апреле 1994 года, когда в моей стране разразились массовые убийства, я смог спрятать в отеле, где я работал, 1268 человек.

Когда представители вооруженных формирований и армии приходили и говорили, что им приказано убить моих постояльцев, я заводил их в свой кабинет, обращался с ними, как с друзьями, угощал их пивом и коньяком, а затем убеждал в тот конкретный день не выполнять то, что им было приказано. Когда они возвращались, я снова давал им выпить и снова убеждал, что им стоит уйти. Так продолжалось семьдесят шесть дней».

Русесабаджина не только потрясающе рассказал о трагедии, развернувшейся в его стране и коснувшейся его семьи тоже (он потерял многих родственников), не только невероятно увлекательно описал жизнь в «осажденном» отеле, но и попытался понять, почему это произошло. Рассказывая о своем соседе, которого он всегда знал как доброго, милого человека, любившего детей, как весельчака, никогда не позволявшего себе злых шуток, и которого он увидел с окровавленным мачете в руках, Русесабаджина задается вопросом: «Почему это смогло произойти?» И сам отвечает: «Все очень просто: слова».

«Лавина слов, воспевавших расовое превосходство и

призывавших людей выполнить свой долг, создавала в Руанде в течение тех трех месяцев некую альтернативную реальность. Здесь царила атмосфера, в которой безумию придали вид нормы, а несогласие с толпой оказывалось фатальным».

Многие наблюдатели отмечали мрачную роль радиопередач, которые слушали хуту по всей стране: по радио им каждый день внушали, что тутси хотят убить всех хуту, и повторяли снова и снова: «Мы все должны бороться с тутси», «Проявите к ним милосердие, и они снова сделают вас рабами».

Повсюду распространялись «Десять заповедей хуту», простоте и примитивности которых мог бы позавидовать сам доктор Геббельс:

1. Каждый хуту должен знать, что любая женщина тутси действует в интересах этнической группы тутси. А значит, любой хуту, который женится на женщине-тутси, дружит с женщиной тутси, делает женщину тутси своей секретаршей или любовницей, должен считаться предателем.

2. Каждый хуту должен знать, что наши дочери, принадлежащие к народу хуту, куда лучше могут выполнить роль женщины, жены и матери. Разве они не прекрасны, не могут быть хорошими секретаршами, разве они не более честные?

3. Женщины хуту, будьте бдительны, взывайте к разуму ваших мужей, братьев и сыновей.

4. Каждый хуту должен знать, что все тутси нечестно ведут бизнес.

5. Все стратегические посты в политике, администрации, экономике, армии и органах безопасности должны быть переданы хуту.

6. Образовательный сектор (ученики, студенты, учителя) должен в основном состоять из хуту.

7. Вооруженные силы Руанды должны формироваться исключительно из хуту.

8. Хуту должны перестать быть милосердными по отношению к тутси.

9. Где бы хуту ни находились, они должны быть едиными и солидарными и должны думать о судьбе своих братьев хуту.

10. Идеологию хуту следует преподавать каждому хуту на

всех уровнях».

Вряд ли люди, составлявшие эти «десять заповедей», хорошо знали, как работало министерство пропаганды при Геббельсе (хотя четвертая заповедь подозрительно напоминает геббельсовский лозунг «Не дай еврею обмануть тебя»), вряд ли они внимательно штудировали учебники по социальной психологии и знакомились с выводами ученых, но они интуитивно сделали то, что и должно было повлиять на сознание их соотечественников, — сформировали простые, понятные, агрессивные принципы. Ясно указали на то, кто враг хуту, и четко сформулировали, как надо поступать.

Вот что пишет Пол Русесабаджина:

«Родителям этих людей снова и снова повторяли, что они более уродливые и более глупые, чем тутси. Им говорили, что они никогда не смогут стать такими же привлекательными и не смогут так же руководить страной. На них обрушивался поток ядовитой риторики, который должен был укрепить положение элиты. Когда хуту пришли к власти, они стали сами говорить злые слова, раздувать старые обиды, возбуждать темную истерику в своих сердцах. Главной причиной насилия стали слова, которые произносили дикторы по радио. Они прямо призывали обычных людей врываться в дома своих соседей и убивать их тут же на месте. Они не отдавали эти команды открыто, но выражали их закодированными фразами, которые были всем понятны: „Срубайте высокие деревья [считалось, что тутси выше ростом, чем хуту. — Т.Э.]. Очистите свой район. Выполните свой долг“. Имена и адреса жертв транслировали по радио. Если человеку удавалось убежать, то по радио передавали, кто он и куда уехал, и радиослушатели следили за этой охотой, как будто за спортивным матчем».

И еще одна деталь, вроде бы незначительная на фоне творившихся в Руанде ужасов, но на самом деле очень важная. Радио в Руанде, а за ним и просто обычные люди постоянно называли тутси тараканами. «Они, как тараканы, пытаются пролезть повсюду, захватить власть». «Эти тараканы-тутси вредят всем и каждому». Смешно? Глупо? Обидно? Да, конечно, но вроде это не самое страшное. В Мексике в начале XX века «тараканами» называли правительственные войска, и повстанцы пели про них шуточные

песенки.

Потом в России тоже стали исполнять забавную «Кукарачу»: «Я с досады чуть не плачу, у меня в груди вулкан, он сказал мне „кукарача“, это значит „таракан?..»

Но в Руанде было не до песенок. Хуту постоянно призывали убивать тараканов. А убить таракана куда проще, чем человека, — взял и раздавил, тот хрустнул и все, только в доме чище стало. И образ тутси-тараканов прекрасно вписался в общую стилистику пропаганды, доказывавшую, что к тутси нельзя испытывать никакого милосердия. Они же тараканы, кто жалеет тараканов?

Расчеловечивание противника случается в самых разных ситуациях. Во время Первой мировой войны немцы называли французов «лягушатниками», хотя сами до этого были не прочь съездить в Париж и поест там лягушачьих лапок. Для французов немцы были «боши», что произошло от выражения, обозначавшего что-то вроде «деревянная башка», — тоже нечеловеческий вид.

Само название «тутси» уже вызывало у многих хуту неприятные ассоциации и враждебные чувства, но если тутси превращались в тараканов, то они все скопом лишались человеческого облика и становилось понятно, что все тутси — тараканы, каждого необходимо уничтожить, и сделать это легко.

Глава 10. Как в это можно поверить?

В XX веке психологи много занимались изучением странного феномена — каким образом люди начинают верить даже в те утверждения, которые при чуть более глубоком рассмотрении оказываются совершенно бессмысленными. Немцы в гитлеровской Германии достаточно часто встречались в повседневной жизни с евреями — до начала нацистских преследований численность еврейского населения в стране было огромной. При этом бóльшая часть германских евреев уже давно ассимилировалась, они жили так же, как остальные граждане, с ними сталкивались в школе, на работе, у многих немцев были друзья евреи, заключалось множество смешанных браков. Фраза «Не дай евреям обмануть тебя» предполагала, что любой еврей всегда стремится обмануть немца. Стоило только чуть-чуть задуматься над ней, вспомнить личный опыт, чтобы понять, что это не так. То, что коммунизм невозможно построить, установив советскую власть и электрифицировав всю страну, можно было понять даже после проводившихся по всей стране занятий по политграмоте, но как это совместить с постоянно вбиваемым в голову лозунгом? А можно ли его вообще построить? Не стоит размышлять, надо идти «Вперед, к победе коммунизма», куда, похоже, идут все, кроме тебя.

Каким образом дурацкие лозунги, человеконенавистнические призывы или просто абсурдные утверждения перестают вызывать смех или ужас и становятся убеждениями миллионов?

Немецкий писатель Лион Фейхтвангер, автор «Еврея Зюсса» и многих романов, в которых вскрывается психология фашизма, приехал в СССР в страшном 1937 году и написал книгу, до сих пор вызывающую ужас и недоумение у поклонников его творчества. В «Москве 1937» он восхвалял советскую жизнь — понятно, что ему показывали «парадную» сторону действительности, восхищался Сталиным — в этом он был не одинок, многие западные интеллектуалы видели в советском вожде некий противовес европейским политикам и превозносили силу его личности. Но Фейхтвангер — тот самый Фейхтвангер, который так хорошо и тонко все понимал про фашизм, — поверил омерзительному спектаклю, разыгрывавшемуся в то время в Колонном зале Дома союзов, где проходили публичные процессы над «вредителями», а на самом деле просто готовилось уничтожение политической элиты, составлявшей реальную или воображаемую конкуренцию Сталину.

«Признавались они все, но каждый на свой собственный манер: один с циничной интонацией, другой молодцевато, как солдат, третий внутренне сопротивляясь, прибегая к уверткам, четвертый — как раскаивающийся ученик, пятый — поучая. Но тон, выражение лица, жесты у всех были правдивы».

Фейхтвангеру незачем было врать, он не остался жить в СССР и уехал подальше от фашизма и коммунизма — в Америку. И до самой смерти в 1958-м не высказывал сомнений относительно того, что увидел в Москве.

То, почему участники открытых процессов 1930-х годов публично признавались в совершенно диких преступлениях, — особый вопрос. Известно, что их не пытали, но вполне возможно, они ожидали, что к ним применят пытки. Кого-то, например Бухарина, очевидно, шантажировали, обещая в случае признания сохранить жизнь его молодой жене и ребенку (как ни странно, это обещание было выполнено, Анна Ларина прошла лагерь, но выжила, а их сын Юрий воспитывался родственниками, вырос под чужим именем и долго не подозревал, что его отец — «враг народа»). Есть даже версия, красиво изложенная в романе Артура Кестлера «Полночная тьма», — о том, что эти люди, коммунисты со стажем, во-первых, сами жестокими способами создавали тот режим, который теперь их уничтожал, и у них не было достаточно внутренней цельности или, скажем, достаточно чистой совести, чтобы ему сопротивляться, а во-вторых, их убеждали брать вину на себя «ради блага партии».

Возможно, так и было. Но почему миллионы советских людей, знавших — по крайней мере, по газетам и официальной пропаганде — и глубоко уважавших тех, кого судили в Колонном зале, почему они этому поверили? Против Бухарина, Каменева и Зиновьева много лет постоянно велась дискредитирующая их кампания, но кроме них по московским процессам проходили и другие крупные партийные руководители, которые буквально за пять минут превратились из почтенных, влиятельных людей в преступников. А что уж говорить о маршалах — Блюхере, Тухачевском, Егорове? Их, правда, не вывели на открытый процесс, но ведь всем сообщили, что эти люди, которых восхваляли и воспевали как героев гражданской войны, вдруг оказались вредителями? Как можно этому поверить?

Конечно, в Германии и в СССР были и те, кто не верил официальной пропаганде и просто предпочитал держать язык за зубами, опасаясь ареста. Но большинство искренне верило в то, что им говорили. Во второй половине XX века многие поражались тому, как просто миллионы людей,

среди которых были и далеко не самые глупые, попались на удочку тоталитарных режимов. Верили, что кулаков надо «ликвидировать как класс», а все оппозиционеры — враги народа, и не стоит рассуждать, какой уклон в партии хуже — «правый» или «левый», товарищ Сталин же ответил, «оба хуже». Верили, что в 1933 году в стране, где только что умерли от голода несколько миллионов человек, «жить стало лучше, жить стало веселей». Верили во вредителей, взрывавших шахты и ломавших станки, в шпионов, пробиравшихся в самые далекие городки и деревни, чтобы вынюхивать какие-то секреты (какие там могли быть секреты?!).

Но история и психология знают примеры того, как люди начинали верить в самые удивительные вещи, и речь в данном случае не идет о средних веках и о вере в чудеса и ведьм.

В 1973 году жительницу маленького американского городка Фоллс-Вилледж Барбару Гиббонс жестоко убили в ее собственном доме. Полицейские очень быстро нашли «убийцу» — 18-летнего сына Барбары Питера Рейли.

Питер был спокойным, добрым, всеми любимым мальчиком, на его одежде не было никаких следов крови, но полицейские решили, что Барбара Гиббонс, известная своей злобностью и ужасным характером, очевидно, довела сына до того, что тот убил ее в состоянии аффекта. 16 часов подряд Питера допрашивали, сменяя друг друга, четыре следователя, которые убеждали его, что он просто «забыл», как топтал ногами, колот ножом, насиловал свою мать, а потом почти отрезал ей голову. Усталый и измученный Питер поверил в то, что он действительно это сделал, и подписал признание. Его не избивали, не пытали, он прекрасно понимал, что ему грозит. Он поверил, что в состоянии шока забыл о содеянном, а потом — под влиянием слов полицейских — вспомнил. Через полгода молодого человека судили и признали виновным. Жители его города, ни один из которых не поверил в вину Питера, бросились защищать несчастного. Пока рассматривалась апелляция на приговор Питеру, его соседи проводили разнообразные благотворительные мероприятия, собрали 60 тысяч долларов и внесли залог, под который молодой человек, уже признанный виновным, был выпущен на свободу. Школа, где он учился, с радостью приняла его обратно и дала возможность доучиться. Под давлением общественности было начато новое расследование, которое обнаружило документ, доказывавший, что в момент убийства Питер находился в пяти милях от дома. Невинный был оправдан. Но почему же он сам поверил в то, что ему говорили?

Американские психологи Роберт Чалдини, Дуглас Кенрик, Стивен

Нейберг в своем учебнике «Социальная психология» рассмотрели историю Питера Рейли. Все мы оцениваем окружающую среду, но какие-то наши оценки могут быть мимолетными, а есть установки, в которых мы абсолютно уверены и готовы их защищать. Установки существуют в нашей психике всегда. Авторы определяют их как «положительные или отрицательные оценки объектов, событий или ситуаций»:

«Есть две основные причины, по которым сильные установки сопротивляются изменению: приверженность и встроенность. Люди больше привержены сильным установкам. То есть они более уверены в их правильности. Кроме того, сильная установка в большей степени встроена в дополнительные свойства человека (то есть связана с ними), такие как его Я-концепция, ценности и социальная идентичность».

Авторы «Социальной психологии» приводят несколько факторов, которые влияют на то, что поведение человека будет соответствовать его установкам. Прежде всего они выделяют знания: «Чем больше мы знаем о чем-то, тем вероятнее, что связанные с этим установки и действия будут соответствовать друг другу». Личную вовлеченность: «Отношение к определенной теме будет лучшим предсказателем действий, когда эта тема лично касается человека». И доступность установки: «Установка тем доступнее для человека, чем быстрее она приходит на ум».

Что делала пропаганда — как в нацистской Германии, так и в сталинском СССР? Во-первых, люди постоянно получали некоторые сведения об их потенциальных врагах. Сведения эти были лживыми, но проверить их не было возможности. В газетах и по радио, в фильмах и спектаклях постоянно сообщалось об очередном «еврейском преступлении» или об очередных действиях вредителей, о «лживости еврейской расы» или о «троцкистско-зиновьевском заговоре». В результате людям начинало казаться, что они очень много знают о своих врагах. И эти враги были не где-то далеко — они жили на той же улице, это мог быть хозяин магазина, куда местные жители ходили каждый день, или инженер на заводе, где работали все местные жители. Это было что-то, что происходило не где-то в столице, а прямо здесь — в их городе, на их предприятии. Доступность — это то, что Геббельс подразумевал под «настойчивостью пропаганды». Лозунги звучали постоянно, их можно было увидеть на каждом углу — в газете или на плакате.

Срабатывал и другой психологический механизм — его изучил американский психолог Соломон Аш в своих простых и даже, можно сказать, незатейливых, но при этом наводящих ужас экспериментах. Аш предлагал участникам сравнить длину показанной им линии с тремя другими и выбрать из них ту, которая была по длине равна первой. Вот и все. Никакого труда сделать это не составляло, пока... Пока «подсадные утки» не начинали с уверенностью говорить, что равна «вот эта линия», и показывать на заведомо неправильную. И тут оказалось, что многие участники — 75% — хотя бы несколько раз, но согласились с мнением большинства. Кто-то соглашался чаще, кто-то реже, а один человек признал правильным явно неправильное утверждение в одиннадцати случаях из двенадцати! Примерно так же поступали многие из тех, кого день за днем обрабатывала геббельсовская пропаганда. Когда со всех сторон постоянно, грубо, примитивно им сообщали заведомо ложные вещи и при этом еще утверждали, что так думают все, весь немецкий народ, все истинные арийцы, то люди начинали соглашаться. Сначала, может быть, «только для виду» — дело ведь происходит не в лаборатории Соломона Аша, а в нацистской Германии, где несогласные рискуют жизнью. А дальше у огромного количества людей срабатывала «внутренняя конформность», о которой мы говорили, рассказывая историю Павлика Морозова, когда человек не просто соглашается, но и убеждает себя, что думать заведомо неправильные вещи — это правильно. Тот участник эксперимента Аша, который согласился с одиннадцатью неправильными высказываниями из двенадцати, потом утверждал, что стал жертвой «иллюзии». Он действительно убедил себя, что две линии разной длины на самом деле одинаковые.

Но все-таки были же двадцать пять процентов испытуемых, которые не уступили ни разу? И эта цифра помогает не терять веры в человечество.

Глава 11. «Все очень просто: слова»

Август и сентябрь 1999 года были страшными для России. 7 августа несколько отрядов под руководством террористов Шамиля Басаева и Хаттаба попытались с территории Чечни прорваться в Дагестан. Бои продолжались до 14 сентября, пока террористы с большими потерями не были вынуждены отойти. Погибли почти триста российских военных. В эти же жуткие дни произошло несколько масштабных терактов. 4 сентября грузовик с огромным количеством взрывчатки взорвался в дагестанском городе Буйнакске рядом с домом, где жили семьи военных. 8 сентября произошел взрыв на первом этаже девятиэтажного дома на улице Гурьянова в Москве. Дом взлетел на воздух за две секунды до полуночи, когда большая часть его жителей спали. 13 сентября в пять утра произошел взрыв в подвале восьмиэтажного дома в Москве на Каширском шоссе. Несмотря на принятые после этих взрывов сильнейшие меры безопасности, 16 сентября в 5:57 утра в Волгодонске Ростовской области рядом с девятиэтажным домом взорвался грузовик.

Эти события не только произвели ужасающее впечатление на всю страну, но и сильно изменили политическую обстановку в России, где стремительно старевший президент Ельцин все больше выпускал власть из рук. Был усилен контроль на вокзалах и в аэропортах, все настойчивее раздавались требования об отмене моратория на смертную казнь, возрастала подозрительность — и властей, и обычных людей. Российская авиация начала бомбить Грозный, и 24 сентября председатель Правительства РФ Владимир Путин на пресс-конференции в столице Казахстана Астане заявил: «Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту — в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймаем, мы в сортире их замочим, в конце концов. Все, вопрос закрыт окончательно». Несмотря на общее эмоциональное напряжение в стране, у многих эти слова вызвали сомнение и неприятие. Может ли глава правительства использовать подобные выражения, пусть даже в тяжелую для страны минуту? Впрочем, другим понравилось, что премьер выражается, «как настоящий мужик».

Такие «вбросы» сниженной лексики в русский язык происходили и до появления на политической сцене Владимира Путина. Язык — живой организм и быстро реагирует на любые сдвиги в обществе. Борис Пастернак, мало приспособленный к житейским трудностям, зато с

удивительно тонким чутьем поэта ощущавший и описывавший важнейшие черты своего времени, в романе «Доктор Живаго» приводит своего героя после многих мытарств в нэповскую Москву, уже пережившую революцию, гражданскую войну, военный коммунизм.

«Дамы профессорши, и раньше в трудное время тайно выпекавшие белые булочки на продажу наперекор запрещению, теперь торговали ими открыто в какой-нибудь простоявшей все эти годы под учетом велосипедной мастерской. Они сменили вехи, приняли революцию и стали говорить „есть такое дело“ вместо „да“ или „хорошо“».

Советский канцеляризм «есть такое дело» — одно из проявлений «опрощения» и «советизации» интеллигенции, одна из реакций языка на происходящие перемены.

Но, если вдуматься, истории про «мочить в сортире» и про «есть такое дело» описывают два противоположных процесса. Профессорские жены, которые начали говорить «по-пролетарски», сделали это более или менее неосознанно, просто потому, что поплыли по течению, уносившему их все дальше от привычной дореволюционной жизни.

Владимир Путин вроде бы тоже выразился «нечаянно», под воздействием эмоций. В 2011 году на встрече с сотрудниками Магнитогорского металлургического комбината он рассказал:

«Или, помните, я вот ляпнул там по поводу того, что будем мочить там где-то... Я приехал (где-то на выезде был) — в Питер прилетел в расстроенных чувствах, меня приятель спрашивает: „Ты чего такой грустный?“ Я говорю: „Да ляпнул чего-то, видимо, некстати, и неприятно — не должен я, попав на такой уровень, так языком молотъ, болтать“. Он говорит: „Ты знаешь, я вот сейчас в такси ехал, и таксист говорит: «Что-то там мужик какой-то появился, правильные вещи говорит»“. Но из этого я сразу сделал два вывода: во-первых, никогда нельзя задирать нос и считать, что каждый из нас — я на своем месте, вы — на своем... я был тогда премьером. Я премьер, и считал, что уж меня все знают, я такой важный. А таксист говорит: „Там мужик какой-то правильные вещи говорит“. Во-первых, он не знает, кто я такой: просто мужик какой-то. А во-вторых, то, что я ляпнул, — по форме, наверное,

неправильно, а по сути — верно».

Отсюда следует, что фраза про «мочить в сортире» была сказана нечаянно — Путин ее «ляпнул». Однако впоследствии Владимир Путин не раз будет прибегать к этому же приему, осознанно используя грубые, жаргонные, уголовные выражения. Известный лингвист Максим Кронгауз сказал об этом:

«У него яркое речевое поведение: он часто пользуется сильным приемом, который в стилистике называется „снижение“: говорит грамотно и хорошо, потом вдруг — бах! — „мочить в сортире“, „замучаетесь пыль глотать“, „жевать сопли“ и так далее... Тут важно не то слово, которое он употребил, а сам прием, который указывает, что Путин в речи ведет себя как настоящий мужчина... Он задал некую манеру крепкого мужчины, своего в доску. У него речь не бюрократа, а мачо, и этот прием работает».

Такие словечки работают на имидж. Да и в 2011 году, готовясь к новым президентским выборам, Путин, очевидно, не случайно напомнил рабочим Магнитки о своем давнем «ляпе». Скорее всего, рассчитывая, что эти слова прибавят ему голосов на выборах.

* * *

В 1949 году английский журналист и литератор Эрик Артур Блэр, писавший под псевдонимом Джордж Оруэлл, выпустил книгу «1984», обессмертившую его имя. Страшная, безнадежная картина тоталитарного общества, прототипом для которой послужил сталинский СССР, описывала государство, где все действия и мысли людей находятся под постоянным контролем. У них нет ни малейшей возможности вести «частную» жизнь — даже дома за жителями Англии в страшном будущем 1984 года следит «телеэкран», с которого к тому же постоянно изливается пропаганда. При этом его «притушить было можно, полностью же выключить — нельзя». Лицо практически обожествленного правителя, Старшего Брата, преследует людей повсюду, потому что, где бы они ни находились, им следует помнить, что «Старший Брат смотрит на тебя». Контролируется все, и даже сексуальные отношения считаются «нашим партийным

долгом». Выйти из-под контроля невозможно, и поэтому, как только герой романа, Уинстон Смит, начинает вести дневник, он уже понимает, что практически мертв и его рано или поздно должны разоблачить и уничтожить. Но все-таки его рука, как будто сама по себе, пишет в дневнике: «Долой Старшего Брата, Долой Старшего Брата, Долой Старшего Брата, Долой Старшего Брата». Он сам приходит в ужас от того, что сделал, и понимает, что погиб.

«На него напал панический страх. Бессмысленный, конечно: написать эти слова ничуть не опаснее, чем просто завести дневник; тем не менее у него возникло искушение разорвать испорченные страницы и отказаться от своей затеи совсем. Но он не сделал этого, он знал, что это бесполезно. Напишет он ДОЛОЙ СТАРШЕГО БРАТА или не напишет — разницы никакой. Будет продолжать дневник или не будет — разницы никакой. Полиция мыслей и так, и так до него доберется. Он совершил — и если бы не коснулся бумаги пером, все равно совершил бы — абсолютное преступление, содержащее в себе все остальные. Мыслепреступление — вот как оно называлось.

Мыслепреступление нельзя скрывать вечно. Изворачиваться какое-то время ты можешь, и даже не один год, но рано или поздно до тебя доберутся».

Но дальше выясняется, что дело не просто в том, что его должны арестовать и уничтожить — как врага Старшего Брата. Уинстон ведь ничего не сделал. Он только подумал. Нет, не только. Он совершил самое страшное из преступлений — «мыслепреступление». И преследовать его будет не простая полиция, а «полиция мыслей». Власть Старшего Брата (хотя мы так и не узнаем, как и Уинстон, существует он на самом деле или нет) опирается далеко не только на террор. Жители оруэлловского государства, подобно участникам эксперимента Соломона Аша, должны верить в самые бессмысленные вещи, вот только цена неверия здесь — жизнь.

Над всей жизнью людей «1984» реют три лозунга: «Война — это мир», «Свобода — это рабство», «Незнание — сила». Три фразы, бессмысленность которых очевидна, но в мире Оруэлла в них все верят. Как верят в то, что никогда не существовало тех людей, которых «распылили» — уничтожили. И если это были известные люди, то задача министерства правды, где работает Уинстон, уничтожить все упоминания

об этих людях в газетах, все их фотографии, а значит, и воспоминания о них, изменить само прошлое. И люди действительно исчезают, а остальные вроде бы верят в то, что их никогда не было. И в то, что министерство правды занимается не ложью, а правдой, а в министерстве любви не пытаются и не мучают людей, а внушают им любовь. Для Старшего Брата и его партии важнее не столько «распылить» как можно больше людей, сколько заставить всех поверить в то, что война — это мир, свобода — это рабство, незнание — сила.

Когда совершается то, что Уинстон предвидел с самого начала, и он попадает в министерство любви, от него требуют прежде всего поверить в то, во что поверить невозможно. Когда-то он записал в своем дневнике: «Свобода — это возможность сказать, что дважды два — четыре. Если дозволено это, все остальное отсюда следует». И теперь в застенках министерства любви он должен признать, что это не обязательно так.

«О’Брайен поднял левую руку, тыльной стороной к Уинстону, спрятав большой палец и растопырив четыре.

— Сколько я показываю пальцев, Уинстон?

— Четыре.

— А если партия говорит, что их не четыре, а пять, — тогда сколько?

— Четыре.

На последнем слогe он охнул от боли. Стрелка на шкале подскочила к пятидесяти пяти. Все тело Уинстона покрылось потом. Воздух врывался в его легкие и выходил обратно с тяжелыми стонами — Уинстон стиснул зубы и все равно не мог их сдержать. О’Брайен наблюдал за ним, показывая четыре пальца. Он отвел рычаг. На этот раз боль лишь слегка утихла.

— Сколько пальцев, Уинстон?

— Четыре.

Стрелка дошла до шестидесяти.

— Сколько пальцев, Уинстон?

— Четыре! Четыре! Что еще я могу сказать? Четыре!

Стрелка, наверно, опять поползла, но Уинстон не смотрел. Он видел только тяжелое, суровое лицо и четыре пальца. Пальцы стояли перед его глазами, как колонны: громадные, они расплывались и будто дрожали, но их было только четыре.

— Сколько пальцев, Уинстон?

— Четыре! Перестаньте, перестаньте! Как вы можете?

Четыре! Четыре!

— Сколько пальцев, Уинстон?

— Пять! Пять! Пять!

— Нет, напрасно, Уинстон. Вы лжете. Вы все равно думаете, что их четыре. Так сколько пальцев?

— Четыре! Пять! Четыре! Сколько вам нужно. Только перестаньте, перестаньте делать больно!

Вдруг оказалось, что он сидит и О'Брайен обнимает его за плечи. По-видимому, он на несколько секунд потерял сознание. Захваты, державшие его тело, были отпущены. Ему было очень холодно, он трясся, зубы стучали, по щекам текли слезы. Он прильнул к О'Брайену, как младенец; тяжелая рука, обнимавшая плечи, почему-то утешала его. Сейчас ему казалось, что О'Брайен — его защитник, что боль пришла откуда-то со стороны, что у нее другое происхождение и спасет от нее — О'Брайен.

— Вы — непонятливый ученик, — мягко сказал О'Брайен.

— Что я могу сделать? — со слезами пролепетал Уинстон. — Как я могу не видеть, что у меня перед глазами? Два и два — четыре.

— Иногда, Уинстон. Иногда — пять. Иногда — три. Иногда — все, сколько есть. Вам надо постараться. Вернуть душевное здоровье нелегко».

И когда Уинстон страшной ценой предательства своей любви обретает то, что в министерстве любви считается «душевым здоровьем», он уже признает, что дважды два — пять, и главное, делает это теперь вполне искренне, вовсе не из-за страха перед крысами, которые иначе съели бы его лицо.

«Он остановил взгляд на громадном лице. Сорок лет ушло у него на то, чтобы понять, какая улыбка прячется в черных усах. О жестокая, ненужная размолвка! О упрямый, своенравный беглец, оторвавшийся от любящей груди! Две сдобренные джином слезы прокатились по крыльям носа. Но все хорошо, теперь все хорошо, борьба закончилась. Он одержал над собой победу. Он любил Старшего Брата».

В этой безжалостной книге, рассказывающей о терроре и унижениях, о

подавлении и предательстве, особую роль играет язык. Оруэллу языковая ситуация в описанном (не поворачивается язык сказать «придуманном») им обществе казалась настолько важной, что он добавил к своему роману приложение, где специально объяснил, что такое новояз.

«Новояз, официальный язык Океании, был разработан для того, чтобы обслуживать идеологию ангсоца, или английского социализма. В 1984 году им еще никто не пользовался как единственным средством общения — ни устно, ни письменно. Передовые статьи в „Таймс“ писались на новоязе, но это дело требовало исключительного мастерства, и его поручали специалистам. Предполагали, что старояз (т. е. современный литературный язык) будет окончательно вытеснен новоязом к 2050 году».

В реальных тоталитарных государствах не было людей, которые специально занимались созданием и навязыванием новояза. Но новый язык всегда следует за изменениями в обществе.

После революции возникло огромное количество новых слов. И это были не только «продразверстка», или «пятилетка», или изменившие свое значение «товарищ» и «совет», но еще и множество аббревиатур — сегодня уже привычных, но после революции казавшихся уродливыми символами новой жизни. Время изменилось, жизнь изменилась, нужны новые обозначения. И начали расползаться — ЧК, ЦК, ОГПУ, НКВД, РСДРП(б), а за ними ЖЭУ, Рабкрин. «Замком по морде» — шутили в советское время про заместителя комиссара по морским делам. Но настоящие сокращения не так уж отличались от шуточных.

Об этом много размышлял Александр Солженицын, когда работал над «Архипелагом ГУЛАг». Литературовед Андрей Ранчин так описывает суть этих мыслей, разбросанных по всей книге:

«Параллельно мотиву возрождения разворачивается противоположный мотив — уничтожения слова, убиения в человеке человека. (Надругательство над словом — метонимия насилия над телом и душой.) Этот мотив выходит на поверхность текста многократно — в описании черного дыма и пепла от сожженных рукописей, нависшего над Лубянкой (т. 1, ч. 1, гл. 3); в перечне литерных статей — чудовищных аббревиатур, символе насилия не только над невинными людьми,

но и над самим русским языком (ч. 1, гл. 7); в упоминании о советских писателях, воспевших рабский труд „каналармейцев“ (т. 2, ч. 3, гл. 3); в замене имени зэка номером — буквой и цифрами; в вымирании полных „алфавитов“ заключенных: „28 букв, при каждой букве нумерация от единицы до тысячи“ (ч. 5, гл. 1) (т. 3., с. 12); в кощунстве над словом, в поругании слова — в обозначении Особых лагерей „фантастически-поэтическими“ именами: Горный лагерь, Береговой лагерь, Озерный и Луговой лагерь (ч. 5, гл. 1) (т. 3., с. 36)...»

Старые слова меняли свое значение. Остались только те смыслы, которые были дозволенными с идеологической точки зрения.

«Слово „свободный“ в новоязе осталось, но его можно было использовать лишь в таких высказываниях, как „свободные сапоги“, „туалет свободен“. Оно не употреблялось в старом значении „политически свободный“, „интеллектуально свободный“, поскольку свобода мысли и политическая свобода не существовали даже как понятия, а следовательно, не требовали обозначений».

Теоретически в СССР или в нацистской Германии можно было употребить выражение «политически свободный», но что оно значило? Был ли в нем смысл? Герой пьесы Михаила Булгакова «Зойкина квартира» тоже заметил изменение смысла слов:

«Обольянинов. Сегодня ко мне в комнату является какой-то длинный бездельник в высоких сапогах, с сильным запахом спирта, и говорит: „Вы бывший граф“ ...Я говорю простите... Что это значит — „бывший граф“? Куда я делся, интересно знать? Вот же я стою перед вами.

Зоя. Чем же это кончилось?

Обольянинов. Он, вообразите, мне ответил: „Вас нужно поместить в музей революции“. И при этом еще бросил окурок на ковер.

Зоя. Ну, дальше?

Обольянинов. А дальше я еду к вам в трамвае мимо Зоологического сада и вижу надпись: „Сегодня демонстрируется бывшая курица“. Меня настолько это заинтересовало, что я

вышел из трамвая и спрашиваю у сторожа: „Скажите, пожалуйста, а кто она теперь, при советской власти?“ Он спрашивает: „Кто?“ Я говорю: „Курица“. Он отвечает: „Она таперича пятах“. Оказывается, какой-то из этих бандитов, коммунистический профессор, сделал какую-то мерзость с несчастной курицей, вследствие чего она превратилась в петуха. У меня все перевернулось в голове, клянусь вам. Еду дальше, и мне начинает мерещиться: бывший тигр, он теперь, вероятно, слон. Кошмар!»

Кроме того, в новоязе произошло резкое упрощение словаря и грамматики и дело здесь не просто в желании отказаться от сложных исключений, как это делают, например, многие создатели искусственных языков. Оруэлл пишет:

«Помимо отмены неортодоксальных смыслов, сокращение словаря рассматривалось как самоцель, и все слова, без которых можно обойтись, подлежали изъятию. Новояз был призван не расширить, а сузить горизонты мысли, и косвенно этой цели служило то, что выбор слов сводили к минимуму».

Упрощение языка связано с упрощением мысли, о чем весело рассказали Ильф и Петров в «12 стульях»:

«Словарь Вильяма Шекспира, по подсчету исследователей, составляет 12 000 слов. Словарь негра из людоедского племени „Мумбо-Юмбо“ составляет 300 слов. Эллочка Щукина легко и свободно обходилась тридцатью».

Но у Оруэлла это звучит совсем не весело. Добавим: это процесс двусторонний. Постоянное повторение простейших лозунгов порождает более примитивное мышление, а чем примитивнее у человека мысли, тем более простыми словами он их выражает.

В новоязе существовало несколько словарей, над которыми постоянно корпели специалисты.

«Словарь В состоял из слов, специально сконструированных для политических нужд, иначе говоря, слов, которые не только обладали политическим смыслом, но и навязывали человеку, их

употребляющему, определенную позицию. Не усвоив полностью основ англоязычного, правильно употреблять эти слова было нельзя».

Языковое манипулирование — это не только расчеловечивание (тутси — тараканы, французы — лягушатники). Максим Кронгауз приводит и другие примеры:

«Для участников боевых действий с двух сторон есть нейтральные определения: „силы украинской армии“ и „ополченцы“. В слове „повстанцы“ уже появляется легкий знак минуса, который может усиливаться разными способами, но максимальный минус — это, конечно, „террористы“. Соответственно, от „сил регулярной армии“ мы тоже переходим к „бандеровцам“, „фашистам“ и так далее. Эта линейка, когда от нейтрального самоназвания переходят к максимально негативной номинации, — типичный способ языкового манипулирования, с помощью которого мы не просто называем явление, а даем ему оценку. Фактически эта оценка не является, как говорят лингвисты, эксплицитной — явной, но она заложена внутри значения слова. Мы не говорим, что повстанцы или солдаты украинской армии — нехорошие люди, мы сразу закладываем эту оценку в номинацию, и, соответственно, с этим бессмысленно спорить. Это стандартный пропагандистский прием. Кроме того, вырабатываются специальные слова ненависти, тоже характерные для нашей ситуации, когда для одной или другой противоборствующей стороны придумывается как можно более оскорбительное название, потому что привычные нам „кацап“, „москаль“ и „хохол“ никого уже не обижают: они слабые. Так появилось название „ватник“ для прорусски настроенных граждан — тут не только национальная окраска, но и социальная: ватник — это одежда для не самых высоких слоев общества, поэтому это еще и принижение по социальному признаку. Интересен случай с ленточками. Есть принижение людей, а это принижение символа. Это началось с белой ленточки — символа протеста, которую Путин первым сравнил с контрацептивами. И с обратной стороны тот же прием используется в отношении георгиевской ленты. „Колорад“ — это принижение символа георгиевской ленточки. Сходные языковые приемы применяются

в разных конфликтах всеми сторонами, иначе говоря, конфликты разные, участники разные, а языковые приемы одни и те же. И ответное: „украы“ — издевательство над тем, что украы якобы были предками украинцев, и даже более сильное „укроп“ или „укропы“. Здесь много игровой, креативной ненависти, но все-таки ненависти».

Глава 12. Лучше один раз увидеть

Словами можно манипулировать, их можно переиначивать, использовать для того, чтобы скрывать свои истинные мысли, но изображение — оно не подведет. Изображение — это правда. «Картинка» — будь то рисунок, фотография и уж тем более движущееся изображение — вызывает доверие.

Ведь это было, вот, мы сами видим, как это было. В наш век визуальной культуры изображения обрушиваются на нас со всех сторон — с экранов телевизоров и компьютеров, с рекламных билбордов и из мобильных телефонов. Всегда ли можно им доверять?

Изображение воздействует на нас совершенно не так, как текст. Во-первых, изображение легче воспринять. Его можно сразу окинуть взглядом и усвоить целиком. Потом при желании зритель может начать изучать детали, но первое цельное ощущение уже будет сформировано. В текст надо вчитываться, его нужно обдумывать. Если он сложный, то можно, дойдя до конца, уже забыть, с чего все начиналось. Изображение сразу создает образ — и в этом его сила.

Есть еще одна психологическая деталь. Образ воздействует не столько на наше мышление, сколько на наши чувства. А это значит, что образ можно воспринять не раздумывая. Мы верим тому, что видим своими глазами. Сьюзен Зонтаг в своем эссе «О фотографии» писала:

«Фотография предоставляет свидетельства. О чем-то мы слышали, однако сомневаемся — но если нам покажут фотографию, это будет подтверждением. Есть у камеры еще одна функция — она может обвинять. С тех пор как парижская полиция стала снимать расправу с коммунарами в июне 1871 года, фотография сделалась удобным инструментом современных государств для наблюдения и контроля за все более мобильным населением. С другой стороны, камера может и оправдывать. Фотографию принимают как неоспоримое доказательство того, что данное событие произошло. Картинка может быть искаженной, но всегда есть основание полагать, что существует или существовало нечто, подобное запечатленному на ней».

Но тут же оговаривалась:

«Несмотря на подразумеваемую достоверность, которая и делает фотографию убедительной, интересной, соблазнительной, в работе фотографа творятся те же, обычно темные, сделки между правдой и искусством, что и во всяком искусстве. Даже когда фотографы особенно озабочены изображением реальности, они все равно послушны подспудным императивам собственного вкуса и понятий. Решая, как должен выглядеть снимок, предпочитая один вариант другому, фотографы всегда навязывают свои критерии объекту. Хотя в определенном смысле камера действительно схватывает, а не просто истолковывает реальность, фотография в такой же мере — интерпретация мира, как живопись и рисунок...»

Для того чтобы понять, что фотография тоже «истолковывает реальность», нужно обдумать образ, сделать некое дополнительное усилие, а желание и способности совершить такое усилие есть далеко не у каждого — и на этом во многом покоится мощь фотографии.

Одно из событий, повлиявших на судьбу героя романа «1984», Уинстона, таково: среди документов, которые надо было уничтожить, он обнаружил фотографию трех когда-то знаменитых партийцев — Джонса, Аронсона и Резерфорда (под которыми подразумевались Бухарин, Каменев и Зиновьев). На этой фотографии они запечатлены на партийных торжествах в Нью-Йорке, а во время процесса все трое показали, что в тот самый день находились на территории враждебной Евразии, в пользу которой они шпионили. Таким образом, Уинстон видит своими глазами доказательство невинности тех, кого обвинили в страшных преступлениях. Уинстон уничтожил ту фотографию, но партия не может допустить, чтобы даже память о ней существовала, и, когда герой попадает в застенки министерства любви, то его «перевоспитание» оказывается связано и с фотографией тоже.

«О'Брайен остановил его жестом.

— Другой пример, — сказал он. — Несколько лет назад вы впали в очень серьезное заблуждение. Вы решили, что три человека, три бывших члена партии — Джонс, Аронсон и Резерфорд, — казненные за вредительство и измену после того, как они полностью во всем сознались, неповинны в том, за что их

осудили. Вы решили, будто видели документ, безусловно доказывавший, что их признания были ложью. Вам привиделась некая фотография. Вы решили, что держали ее в руках. Фотография в таком роде.

В руке у О'Брайена появилась газетная вырезка. Секунд пять она находилась перед глазами Уинстона. Это была фотография — и не приходилось сомневаться, какая именно. Та самая. Джонс, Аронсон и Резерфорд на партийных торжествах в Нью-Йорке — тот снимок, который он случайно получил одиннадцать лет назад и сразу уничтожил. Одно мгновение он был перед глазами Уинстона, а потом его не стало. Но он видел снимок, несомненно, видел! Отчаянным, мучительным усилием Уинстон попытался оторвать спину от койки. Но не мог сдвинуться ни на сантиметр, ни в какую сторону. На миг он даже забыл о шкале. Сейчас он хотел одного: снова подержать фотографию в руке, хотя бы разглядеть ее.

— Она существует! — крикнул он.

— Нет, — сказал О'Брайен.

Он отошел. В стене напротив было гнездо памяти. О'Брайен поднял проволочное забрало. Невидимый легкий клочок бумаги уносился прочь с потоком теплого воздуха: он исчезал в ярком пламени. О'Брайен отвернулся от стены.

— Пепел, — сказал он. — Да и пепла не разглядишь. Прах. Фотография не существует. Никогда не существовала.

— Но она существовала! Существует! Она существует в памяти. Я ее помню. Вы ее помните.

— Я ее не помню, — сказал О'Брайен».

Британский писатель, дизайнер и историк искусства Дэвид Кинг в куда больших масштабах и, к счастью, с большим успехом, чем Уинстон, пытался вызволить из забвения изображения, которые, казалось, давно канули в небытие. Кинг, придерживавшийся левых взглядов, всегда интересовался историей российской революции и, в частности, Троцким. Он собрал огромную коллекцию изобразительных источников по советской истории — рисунков, плакатов, фотографий. Сейчас большая часть его собрания выставлена в лондонской галерее «Тэйт модерн». Но самое интересное, что сделал Кинг для русской истории, — это его книга «Комиссар исчезает» и связанная с книгой выставка, путешествующая по всему миру (была она выставлена и в Москве — в Музее истории ГУЛага).

Кинг собрал огромное количество фотографий, которые изначально представляли зрителю один образ происходящего, а затем изменяли его, по мере того как менялась политическая обстановка. Историк Стивен Коэн назвал труд Кинга «проведенной одним человеком экспедицией по поискам затерянного и уничтоженного мира изначального руководства советской страны. Он решил откопать все то, что Сталин так глубоко и с таким количеством крови похоронил».

Кинг писал:

«Фальсификация фотографий, возможно, в те времена считалась одним из самых интересных заданий в художественных отделах издательств. Это была, конечно, куда более тонкая работа, чем «вырубка под корень», которой занимались цензоры. Так, например, можно было с помощью острого скальпеля сделать надрез по краю изображения, или человека, или предмета, находившегося рядом с тем, что необходимо было убрать. С помощью клея одно изображение можно было просто поместить поверх другого. После этого небольшое количество краски или чернил осторожно разбрызгивали поверх разреза и на заднем фоне, чтобы скрыть швы. Точно так же, используя этот метод, можно было две или больше фотографий объединить в одну. Или же можно было использовать пульверизатор... чтобы разбрызгать чернила или краску поверх изображения несчастной жертвы. Появившиеся в такой ситуации расплывчатые контуры делали уничтожение части изображения менее заметной, чем это было бы при грубой работе ножом.

Часто фотографии не переделывали, а просто разрезали. Художественные отделы всегда отрезали части фотографий по эстетическим соображениям, но в Советском Союзе это делалось в политических целях».

Среди потрясающих экспонатов его коллекции есть, например, фотография, на которой Сталин с наркомом НКВД Ежовым и свитой идут вдоль канала Москва — Волга. После ареста и расстрела Ежова впереди шествует только Сталин, а канал слегка расширился и занял место исчезнувшего комиссара. На фотографии 1919 года Ленин и Троцкий стоят рядом среди народа на Красной площади во время празднования второй годовщины Октябрьской революции. Когда в 1967 году эту фотографию

решили включить в сборник, посвященный Ленину, имя «иудушки» Троцкого все еще было под запретом. В новом варианте годовщину революции празднует только Ленин. В 1922 году сестра

Ленина сфотографировала своего тяжело больного брата в Горках. Рядом сидит Крупская. У ее виска — странная палка, похожая на ружье. На самом деле это был стоявший в саду телескоп. Но так как слухи о том, что Сталин ненавидел Крупскую и, возможно, даже отравил ее, были весьма распространены, то в издании 1960 года «ружье» немного отодвинули от Надежды Константиновны, а в конце 1980-х оно вообще исчезло. 3 мая 1953 года газета «Сталинское знамя» поместила фотографию похорон вождя, прошедших за два месяца до этого. Для того чтобы подчеркнуть грандиозность происходящего, был сделан довольно грубый фотомонтаж — гроб с телом Сталина резко увеличили в размерах, а лица вождей взяли с других фотографий, на которых они выглядели более скорбными, и подставили.

Получается, что «сама реальность» может подвергаться сильнейшим изменениям. И как уже понять, где она, эта реальность? Сегодня, когда компьютерный дизайн и фотошоп достигли невероятных высот, этот вопрос стоит особенно остро.

В 2006 году, во время израильско-ливанской войны, агентство «Рейтерс» отказалось от услуг фрилансера Аднана Хаджа и уволило своего фоторедактора, после того, как было доказано, что Хадж с помощью фотошопа сделал дым на своей фотографии более темным и добавил несколько клубов, чтобы создать впечатление больших разрушений Бейрута, чем это было на самом деле. Тут же возникли сомнения в подлинности других его фотографий — например, на одной из них был снят Коран, горевший на обломках разрушенного дома, хотя было доказано, что дом уже сгорел за несколько часов до этого. Появились вопросы и к фотографиям, на которых видны разбросанные детские игрушки, — не разбросал ли их фотограф специально? «Рейтерс» дорожит своей репутацией, и поэтому все 920 фотографий Аднана Хаджа были убраны из архива агентства.

Но при этом даже во времена сталинских репрессий следы реальности, подобно фотографии Джонса, Аронсона и Резерфорда, все равно сохранялись. И может быть, прав Дэвид Кинг, когда пишет:

«Умелая переделка фотографий, как и любое подобное искусство, до появления компьютерных технологий зависела от умений того человека, который выполнял эту задачу, и от того

времени, в течение которого ее надо было выполнить. Но почему же переделка фотографий в советских книгах и журналах была настолько грубой? Может быть, сталинисты хотели, чтобы читатели видели, что здесь что-то было уничтожено, и восприняли это как пугающее злое предупреждение? А может быть, крошечный след, оставшийся от почти исчезнувшего комиссара, был специально оставлен ретушером, как призрачное напоминание о том, что репрессированные могут еще вернуться?»

И дело не только в том, что современные технологии дают возможность отыскать вырезанные, заретушированные, закрашенные фигуры на старых фотографиях. Сами фотографии могут менять свой смысл по мере того, как меняется мир вокруг. На это обратила внимание еще Сьюзен Зонтаг.

«„Собрание по случаю распределения земли, Эстремадура, Испания, 1936“ — часто репродуцируемая фотография Дэвида Сеймура (псевдоним „Чим“): на ней худая женщина с грудным младенцем смотрит вверх (настороженно? с тревогой?). Этот снимок задним числом часто толкуют так, что женщина испуганно озирает небо в ожидании налета. Выражение ее лица и окружающих как будто бы полно тревоги. Память изменила снимок в соответствии со своими надобностями и придала фотографии Чима символический статус, вложив в нее не то, что она изображала (собрание на открытом воздухе за четыре месяца до начала войны), а то, что скоро должно было произойти в Испании и вызвать во всем мире колоссальный резонанс: бомбардировки городов и селений с единственной целью полностью их уничтожить — на европейской территории эта тактика была применена впервые. Прошло немного времени, и в небе действительно появились самолеты и стали бросать бомбы на безземельных крестьян вроде тех, что на фотографии. (Посмотрите еще раз на мать с младенцем у груди, на ее наморщенный лоб, прищуренные глаза, приоткрытый рот. По-прежнему ли на лице у нее тревога? Не кажется ли теперь, что щурится она от солнца?)»

Ларри Барроуз прославился своими фоторепортажами, сделанными во

время войны во Вьетнаме, на которых был показан весь ужас происходившего. Но Зонтаг пишет:

«Барроуз был первым видным фотографом, снимавшим всю войну в цвете, — еще больше правдоподобия, еще сильнее шок. При нынешних политических настроениях, окрашенных большей доброжелательностью к военным, чем когда-либо за последние десятилетия, фотографии несчастных рядовых с потухшим взглядом, раньше воспринимавшиеся как осуждение милитаризма и империализма, теперь могут показаться воодушевляющими. Сюжет их пересмотрен: простые американские парни исполняют неприятный, но почетный долг».

Но возможно и обратное движение — глядя на фотографию Барроуза, где американские солдаты во Вьетнаме изображены на фоне вертолетов, невозможно не вспомнить страшную сцену вертолетной атаки под вагнеровский «Полет валькирий» в фильме Копполы «Апокалипсис сегодня». И вот уже те образы и ассоциации, которые внушил нам художественный фильм, влияют на наше восприятие документального фото.

Не менее сильно изменилась и знаменитая фотография, сделанная в 1934 году во время XVII съезда ВКП(б). Тульские оружейники преподнесли Сталину в подарок винтовку, и тот шутливо поднял ее, направил в зал и прицелился. Все аплодировали. Но ко времени XVIII съезда в 1939 году подавляющее большинство из тех, кто сидел в зале на предыдущем и в кого Сталин шутливо целился из винтовки, уже были или расстреляны, или отправлены в лагерь. Фотография приобрела совершенно иной, зловещий смысл, и не случайно в эпоху перестройки она была использована для создания антисталинского плаката.

То, как тонко в любое, даже самое примитивное изображение может быть вложена агрессивная пропаганда, можно понять, взглянув на многочисленные плакаты сталинских времен. Сталин там всегда будет изображен крупным планом — и намного крупнее других людей. Вот товарищ Сталин снисходительно взирает на проходящую мимо Мавзолея демонстрацию. Естественно, на его лице (так и хочется сказать — лице) нет ни следа от оспин, которые так уродовали его в реальной жизни. Руки сложены как для благословения. То, что одна рука у Сталина была слегка усохшей, не показано. Внизу — ликующая толпа под красными флагами и с цветами. Здесь представители разных республик — в общем, весь

советский народ. Кто-то поднял на руках ребенка, чтобы тот мог увидеть товарища Сталина.

Если приглядеться, можно отметить несколько особенностей. Во-первых, людишки на Красной площади совсем маленькие, чтобы их разглядеть, надо очень постараться. А Сталин возвышается над ними, как великое и могучее, чуть ли не сверхъестественное существо. Вспоминается финал первой серии фильма Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный», где царь ожидает в Александровой слободе прихода москвичей. Их появление должно дать ему моральное право на введение опричнины — читай: террора. Когда издали на заснеженном поле появляется огромная процессия с иконами, то над ней — благодаря гению режиссера и искусству монтажа — как будто нависает огромный профиль Ивана. Соотношение сил становится абсолютно ясным, хотя в этот момент не произносится ни слова. Пришедшие падают на колени, и образ приобретает еще бóльшую мощь.

Создатель плаката не обладал гением Эйзенштейна и изобразил все куда хуже, но идея та же — великий Сталин и ликующие букашки, которых он осчастливил своим появлением.

Два преобладающих цвета на плакате — белый и красный. Это и традиционно праздничные цвета, к тому же сочетание белого и красного создает подсознательно ощущение «народности» — все мы видели красно-белые народные росписи, игрушки, и те же яркие и чистые цвета на многочисленных иконах. Расписные игрушки и православные иконы здесь вроде бы совершенно ни при чем, но привычные ассоциации, которые вызывают у нас эти цвета, работают на основную мысль, выраженную в подписи: «Любимый Сталин — счастье народное».

Есть в этом плакате еще одна удивительная особенность. Сталин, как легко догадаться, стоит на трибуне Мавзолея. Слева от него видны даже контуры Исторического музея, мимо которого движется демонстрация. Но напротив товарища Сталина возвышается странная постройка — длинная стена с двумя высокими башнями. Подробно разглядеть стену не получается, потому что ее загораживает ликующая толпа с флагами. Видно, правда, что на ней висит огромный лозунг, а вершина здания украшена симметрично расставленными флагами. Что же это такое? С этой стороны Красной площади должен стоять ГУМ, но здание на него совершенно не похоже. Да и тянется оно куда-то очень далеко — чуть ли не туда, где в реальной жизни находилась гостиница «Москва». Эта загадочная постройка удивительно похожа на кремлевскую стену, даже флаги, которыми усеяна стена, расположены так, что издали их можно принять

за «ласточкины хвосты».

Что же это за оптический феномен? Можно предположить, что автор плаката не посмел изобразить за спиной у демонстрантов магазин, да еще построенный в декадентском стиле модерн. Прямо перенести Кремль на другую сторону Красной площади, наверное, тоже было страшновато, а вот создать некую условную стену — вроде бы кремлевскую, а вроде бы и нет — оказалось проще. К тому же эта мощная стена должна была подсознательно вызывать ощущение защищенности и безопасности. Хотя, глядя на этот плакат сегодня, ощущаешь скорее тревогу — люди-букашки на нем зажаты между гигантским Сталиным и монолитной стеной, и возникает вопрос — а что будет с ними дальше?

А вот художник Гавриил Горелов блистательно решил, где, в каком антураже и каким образом изображать любимого вождя. На своей картине «Сталин и три богатыря» он поставил вождя впереди богатырской заставы Васнецова, сделав его как бы руководителем и главой отряда. При этом фигура Сталина почти заслоняет собой Алешу Поповича, чье происхождение было политически неблагонадежным. А вот с Ильей Муромцем Сталин практически одного роста — при том, что Илья сидит на лошади, а Сталин просто стоит.

Политики любят фотографироваться с детьми. Это сразу придает даже отъявленным злодеям добродушный вид и воздействует на подсознание. Карл Густав Юнг, один из крупнейших психологов XX века, еще в первой половине прошлого столетия сформулировал предположение о существовании в коллективном бессознательном человечества неких устойчивых психологических структур — архетипов. Эти структуры, грубо говоря, дремлют в бессознательном у всех нас. Как следы древнейших времен существования человечества, они отражаются в мифах и снах и оказывают большое влияние на поведение людей. Среди выделенных Юнгом архетипов был и архетип Отца. С древних времен живет в нас представление об отце семейства как о грозной, но в то же время благодетельной для нас силе, которой мы должны повиноваться.

С ним, очевидно, тесно связаны архетипы Героя и Мудрого старца. Когда политик или глава государства держит на руках ребенка и улыбается ему, то в нас просыпаются представления, которые как раз и внушают нам любовь к Отцу, к Вождю, к главе семейства, а в данном случае — к правителю как к главе огромного семейства.

Если верить Юнгу, эти представления есть у каждого из нас, только они не всегда вырываются на свободу и не всегда определяют наши действия. Но, увы, существуют различные способы подобрать ключик к

бессознательному и возродить древние, первобытные ощущения. Они могут быть разными в зависимости от обстоятельств, но сближает их всегда одно — подавление личности.

Когда австрийский психиатр Бруно Беттельгейм оказался в концлагере, он быстро понял, что главное, чего добивались эсэсовцы, — это уничтожение личности узников. Беттельгейм выбрал уникальный способ сохранения своей — он постоянно в уме занимался своей профессией — психоанализом. И это помогло ему не сдаться и не сойти с ума, а позже, уже в Америке, он стал крупнейшим специалистом по исследованию и лечению невротиков. Беттельгейм много писал о поведении человека в концлагере и о том, что с ним делали его мучители. Коротко принципы палачей он сформулировал так:

«Кроме травматизации, гестапо использовало чаще всего еще три метода уничтожения всякой личной автономии. Первый — насильственно привить каждому заключенному психологию и поведение ребенка. Второй — заставить заключенного подавить свою индивидуальность, чтобы все слились в единую аморфную массу. Третий — разрушить способность человека к самополаганию, предвидению и, следовательно, его готовность к будущему».

Заключенные, не способные справиться с постоянными унижениями, начинают вести себя как дети — становятся очень обидчивыми и эмоциональными, начинают ощущать все большую зависимость от «старших» — в данном случае от надзирателей, перестают думать о собственных интересах.

Но здесь перед нами экстремальная ситуация концлагеря. Люди, приветствовавшие Гитлера на улицах Нюрнберга и вечно вскидывающие руки в фильме Лени Рифеншталь «Триумф воли», не считали себя униженными мучениками — совсем наоборот, они были в восторге. Точно так же можно предположить, что подавляющее большинство тех, кто смотрел в тридцатые годы «Триумф воли» в немецких кинотеатрах, тоже испытывали восторг и радость. Но при этом как сам съезд в Нюрнберге, так и снятый о нем фильм были совершенно четко направлены на то, чтобы подавить отдельную человеческую личность — не с помощью страха, а с помощью радостного экстаза, — сделать так, чтобы каждый участник или зритель (который в кинозале тоже ощущает себя участником) забыл о своих личных интересах и ощутил единение с «массами», основанное на восторге

перед фюрером, на любви к Вождю и Отцу.

Сталина называли отцом всех народов — он оказывался таким древним, архетипичным, мудрым Отцом. Осознанно или нет, но он поддерживал этот образ — редко появляясь на людях, высказываясь только по наиболее значительным поводам, формулируя свои мысли неторопливо и достаточно лаконично. Великому Отцу не пристало постоянно мозолить людям глаза, каждое его появление должно быть великим событием.

Когда формировался культ Павлика Морозова, популярной у многих журналистов была мысль о том, что Павлику не нужен был его дрянной, выступавший против советской власти отец, так как у мальчика был другой, настоящий отец — Сталин. Мы не знаем, искренне ли Зинаида Николаевна Пастернак, жена поэта, говорила: «Мои дети любят сначала Сталина, и только потом — маму», но она явно уловила какую-то важную, носившуюся в воздухе идею.

Изображения Сталина с детьми всегда были хорошо продуманы и работали на все тот же образ отца. Точно так же, как в плакате «Любимый Сталин — счастье народное», где люди на площади поднимают ребенка, чтобы того озарили лучи сталинского сияния. В плакате «Озаряет сталинская ласка будущее нашей детворы» Сталин изображен в военном мундире — это сразу показывает, что он не только мудрый правитель, но и великий полководец. Но несмотря на это, тут он воплощение миролюбия. Он держит упитанного ребенка такого возраста и размера, какого удержать, посадив на ладонь и придерживая другой рукой, вряд ли возможно. Но это для простых смертных невозможно, для Сталина проблемы нет. Он изображен на фоне голубого неба, художник (и зритель) смотрит на него снизу вверх — любимый ракурс, когда надо подчеркнуть монументальность, величие изображаемого. Ребенка Сталин поднимает, как будто обращает к небу — то ли испрашивая для него благословения, то ли посвящая Солнцу, а может быть, и собственному сиянию (так и хочется предположить — а не перед людоедским ли жертвоприношением?). Ребенок ликует. При этом он не смотрит на того, кто взял его на руки, как обычно поступают дети, и уж, конечно, не думает, например, похлопать его ручками по лицу. Да и ручки у него заняты — в одной красный флажок, в другой букет белых цветов, и сам он весь беленький — со светлыми волосами, в белой одежде и белых носочках, настоящий участник солнечного обряда (снова возникает ужасная мысль — в какой роли?). Смотрит он вперед, туда, куда направлен развевающийся флажок в его руке. Флажок явно устремляется куда-то под воздействием ветра, но волосы Сталина неподвижны — он стихиям, конечно, не подчиняется.

Социолог Ирина Дашибалова пишет:

«Как правило, на плакатах фигура Сталина является главной. На него с обожанием смотрят и взрослые, и дети. На всех плакатах много солнца, света, цветов, улыбок. Преобладают яркие чистые краски: голубая, красная, золотая. Сталинские руки — это самое безопасное место. Сами дети на плакатах необыкновенно красивы. Клише „счастливые дети“ прочно входит в политический язык и на уровне подсознания автоматически закрепляется в сознании многих поколений. В частности, в воспоминаниях В. К. Буковского данная фраза употребляется как синоним „потерянного рая“: „Для нас для всех Сталин был больше чем Богом, он был реальностью, в которой нельзя сомневаться, он думал за нас, он нас спасал, создавал нам счастливое детство“».

Сюжет «Сталин и дети» достиг максимального развития в истории с маленькой бурятской девочкой Гелей Маркизовой, дочерью наркома земледелия Бурят-Монгольской автономной республики. В 1936 году она уговорила отца, приехавшего в составе бурятской делегации в Москву, взять ее на прием в Кремле, поднесла Сталину букет цветов и попала на фотографию, тут же прославившую ее на всю страну.

Белорусский режиссер-документалист Анатолий Алай, в детстве влюбившийся в образ счастливой девочки, которую взял на руки сам товарищ Сталин, во взрослом возрасте хотел снимать фильм о Геле и собирал материалы. По его сведениям, один из важнейших пропагандистов сталинской эпохи Лев Мехлис, занимавший тогда пост главного редактора «Правды», сказал: «Сам бог послал нам эту буряточку. Мы сделаем ее живым символом счастливого детства». В газете «Правда» фотография появилась со знаменитой подписью «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Изображение моментально разлетелось по всей стране, Геля стала знаменитостью. Говорят, что стремительно вошли в моду матроски на манер той, в которую была одета Геля, а девочек стали стричь «под Гелю».

Дальше начались интересные превращения — вполне в духе Оруэлла. Отца Гели вскоре арестовали, обвинили в создании «панмонгольского заговора» и расстреляли. Мать тоже арестовали и отправили в ссылку с детьми. Там она погибла при непонятных обстоятельствах, девочка Геля попала в детдом, потом ее нашли родственники, удочерили и сменили ей

фамилию — так было безопаснее.

А плакат с изображением счастливой Гели на руках у Сталина продолжал реять над всей советской страной. Только теперь он назывался не «Сталин и Геля», а «Сталин и Мамлакат». Утверждалось, что отец всех народов держит на руках узбекскую девочку Мамлакат Нахангову, которая додумалась собирать хлопок не одной, а двумя руками и сразу (к ярости взрослых колхозников) резко перевыполнила план. Очевидно, для сталинских пропагандистов разница между буряткой и узбечкой была невелика и то, что у девочки явно не узбекская внешность, мало кого интересовало. Зато были на фотографии другие детали, которые требовалось немедленно изменить. Вот что пишет Ирина Дашибалова:

«Трансформация снимка произошла в переименовании его персонажа (после ареста родителей девочки снимок обозначили как „Сталин и Мамлакат“), а также в фальсификации и ретушировании фотографии. Первоначально на снимке присутствовал, наряду с И. Сталиным и Э. Маркизовой, первый секретарь обкома ВКП(б) БМАССР М. Н. Ербанов, руководитель делегации, репрессированный в 1937 г. в числе многих политических и духовных лидеров Бурят-Монголии, к которым относились и родители Гели. После 1937 г. снимок был тщательно отретуширован и фигура М. Н. Ербанова стерта. Также на первом снимке мы обнаруживаем, что Геля была в валенках, которые были отретушированы на поздних копиях. Таким образом, фотография потеряла свои функции реалистичности, она запечатлела мгновенное состояние, исторический момент, но утратила идентичность, превратилась в живопись, стала рафинированным лубком, лакированной иллюстрацией».

Сразу вспоминается работа, которой занимался оруэлловский Уинстон в министерстве правды.

«Что происходило в невидимом лабиринте, к которому вели пневматические трубы, он в точности не знал, имел лишь общее представление. Когда все поправки к данному номеру газеты будут собраны и сверены, номер напечатают заново, старый экземпляр уничтожат и вместо него подoshьют исправленный. В этот процесс непрерывного изменения вовлечены не только

газеты, но и книги, журналы, брошюры, плакаты, листовки, фильмы, фонограммы, карикатуры, фотографии — все виды литературы и документов, которые могли бы иметь политическое или идеологическое значение.

Ежедневно и чуть ли не ежеминутно прошлое подгонялось под настоящее. Поэтому документами можно было подтвердить верность любого предсказания партии; ни единого известия, ни единого мнения, противоречащего нуждам дня, не существовало в записях. Историю, как старый пергамент, выскабливали начисто и писали заново — столько раз, сколько нужно. И не было никакого способа доказать потом подделку».

В тот момент, когда Гелей Маркизовой еще восхищалась вся страна, скульптор Георгий Лавров, когда-то учившийся в Париже в мастерской Аристида Майоля и занимавшийся у учеников Родена, стал работать над огромной — почти пятиметровой скульптурой «Сталин и Геля». Он ездил в Улан-Удэ и лепил девочку с натуры. Скульптура была установлена на станции метро «Сталинская» — той, что теперь называется «Семеновская». Но тут как раз был уничтожен отец Гели, а на фотографии вместо Гели якобы оказалась Мамлакат. Скульптуру, изображающую Сталина, держащего в своих объятиях девочку с цветами, называли, конечно же, «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство», ее копии появились в разных уголках страны. Но создатель скульптуры был арестован, перенес страшные пытки, оказался на Магадане — и продолжал там работать скульптором, сделав в том числе и памятник Сталину.

«Место моих мыслей заняли движущиеся образы»

«И вот из большого телеэкрана в стене вырвался отвратительный вой и скрежет — словно запустили какую-то чудовищную несмазанную машину. От этого звука вставали дыбом волосы и ломило зубы. Ненависть началась. Как всегда, на экране появился враг народа Эммануэль Голдстейн...»

Оруэлл прекрасно показывает, как пропаганда может воздействовать через образы. Сначала раздаётся «отвратительный вой и скрежет». Сами по себе такие звуки никак не связаны с происходящим, но они создают устойчивую ассоциацию — сейчас люди увидят что-то ужасающее и неприятное.

Дальше на экране появляется Голдстейн — очевидно, его изображение,

так как где находится настоящий Голдстейн — Троцкий — никто не знает.

«Голдстейн, отступник и ренегат, когда-то, давным-давно (так давно, что никто уже и не помнил, когда), был одним из руководителей партии, почти равным самому Старшему Брату, а потом встал на путь контрреволюции, был приговорен к смертной казни и таинственным образом сбежал, исчез. Программа двухминутки каждый день менялась, но главным действующим лицом в ней всегда был Голдстейн. Уинстону стало трудно дышать. Лицо Голдстейна всегда вызывало у него сложное и мучительное чувство. Сухое еврейское лицо в ореоле легких седых волос, козлиная бородка — умное лицо и вместе с тем необъяснимо отталкивающее; и было что-то сенильное в этом длинном хрящеватом носе с очками, съехавшими почти на самый кончик. Он напоминал овцу, и в голосе его слышалось бляение».

Почему Уинстон испытывает «мучительное чувство», хотя в описании лица Голдстейна ничего такого уж отталкивающего нет? Не будем забывать, что пропаганда в оруэлловском мире действует по принципам Геббельса — здесь постоянно повторяют одни и те же примитивные утверждения. Мысль о том, что Голдстейн — враг, уже настолько укоренилась в сознании и подсознании слушателей, что им достаточно увидеть его лицо, чтобы почувствовать отвращение.

Голдстейн начинает говорить — мы не знаем, и в призрачном мире «1984» этого не знает никто, — действительно ли люди слушают запись голоса Голдстейна, или это очередная фальсификация. Троцкий, как известно, считался одним из лучших ораторов своего времени, но даже если Уинстону и его коллегам ставят настоящую запись Голдстейна, неудивительно, что его лицо кажется им «сенильным», а голос «блеющим», — ненависть к этому человеку сидит в них слишком глубоко и с каждой двухминуткой вбивается все глубже. Но для того, чтобы воздействие двухминутки не ослабевало, к неприятным звукам и словесной промывке мозгов добавляются зрительные образы.

«Как всегда, Голдстейн злобно обрушился на партийные доктрины; нападки были настолько вздорными и несуразными, что не обманули бы и ребенка, но при этом не лишены убедительности, и слушатель невольно опасался, что другие

люди, менее трезвые, чем он, могут Голдстейну поверить. И все время, дабы не было сомнений в том, что́ стоит за лицемерными разглагольствованиями Голдстейна, позади его лица на экране маршировали бесконечные евразийские колонны: шеренга за шеренгой кряжистые солдаты с невозмутимыми азиатскими физиономиями выплывали из глубины на поверхность и растворялись, уступая место точно таким же. Глухой мерный топот солдатских сапог аккомпанировал блянию Голдстейна».

На логическом уровне связи здесь нет — не звучит никаких фраз о сотрудничестве Голдстейна с врагами, не демонстрируется никаких фотографий, но двухминутка ненависти апеллирует не к разуму, ненависть не нуждается в рациональных обоснованиях. Ассоциативная связка «Голдстейн + враги» должна укорениться глубже той части мозга, которая отвечает за рассуждения, — в ней эта связка могла бы быть подвергнута сомнению, а она должна воздействовать на чувства. И то, как реагируют зрители, как раз показывает, что образы, увиденные ими на телеэкране, мобилизуют их чувства, а не мысли.

«Ненависть началась каких-нибудь тридцать секунд назад, а половина зрителей уже не могла сдержать яростных восклицаний.

Невыносимо было видеть это самодовольное овечье лицо и за ним — устрашающую мощь евразийских войск; кроме того, при виде Голдстейна и даже при мысли о нем страх и гнев возникали рефлекторно. ...Ко второй минуте ненависть перешла в исступление. Люди вскакивали с мест и кричали во все горло, чтобы заглушить непереносимый бляющий голос Голдстейна. Маленькая женщина с рыжеватыми волосами стала пунцовой и разевала рот, как рыба на суше. Тяжелое лицо О'Брайена тоже побагровело. Он сидел выпрямившись, и его мощная грудь вздымалась и содрогалась, словно в нее бил прибой. Темноволосая девица позади Уинстона закричала: „Подлец! Подлец! Подлец!“ — а потом схватила тяжелый словарь новояза и запустила им в телеэкран. Словарь угодил Голдстейну в нос и отлетел. Но голос был неистребим».

Даже Уинстон, уже записавший в дневнике смертельно опасные слова «Долой Старшего Брата», через тридцать секунд после начала больше не

испытывает необходимости притворяться. Он орет и бьется в судорогах вместе со всеми. Внутренняя конфликтность срывается мгновенно.

«Ужасным в двухминутке ненависти было не то, что ты должен разыгрывать роль, а то, что ты просто не мог остаться в стороне. Какие-нибудь тридцать секунд — и притворяться тебе уже не надо. Словно от электрического разряда, напали на все собрание гнусные корчи страха и мстительности, исступленное желание убивать, терзать, крушить лица молотом: люди гримасничали и вопили, превращались в сумасшедших. ...Ненависть кончалась в судорогах. Речь Голдстейна превратилась в натуральное бляение, а его лицо на миг вытеснила овечья морда. Потом морда растворилась в евразийском солдате: огромный и ужасный, он шел на них, паля из автомата, грозя прорвать поверхность экрана, — так что многие отпрянули на своих стульях. Но тут же с облегчением вздохнули: фигуру врага заслонила наплывом голова Старшего Брата, черноволосая, черноусая, полная силы и таинственного спокойствия, такая огромная, что заняла почти весь экран».

Какие простые образы. Голдстейн — не человек, а овца, которую можно и нужно резать, евразийский солдат, идущий прямо на зрителей, и — катарсис! — Старший Брат, загораживающий зрителей, спасающий их. Неудивительно, что после двухминутки ненависти возникающие на экране абсурдные лозунги англофа «Война — это мир. Свобода — это рабство. Незнание — сила» уже не кажутся абсурдными.

* * *

Невероятный уровень воздействия видеообразов по сравнению с плакатами или фотографиями даже породил давно опровергнутую, но все равно упорно возникающую снова и снова легенду о том, что в рекламных или пропагандистских фильмах существует «25-й кадр», который демонстрируется незаметно для нашего глаза и таким образом тайно воздействует на наше подсознание. На самом деле кинематографу — что игровому, что документальному — не нужен 25-й кадр, его воздействие на наши умы и души и без того огромно. Можно, наверное, бесконечно писать

о том, как фильмы изменяли сознание миллионов людей, как звезды превращались в абсолютных авторитетов и образцы для подражания, но для нашей книги, наверное, важнее другие вопросы.

Любой фильм, и уж тем более документальная хроника заставляют нас думать, что мы являемся практически участникам тех событий, которые нам показывают. Можно вспомнить историю со снятым в 1957 году фильмом Юлия Райзмана «Коммунист», главную роль в котором сыграл невероятно обаятельный Евгений Урбанский. Известно, что через несколько лет после выхода фильма и вскоре после победы революции на Кубе «Коммуниста» показывали в Гаване. Легенда гласит, что во время трагической сцены гибели главного героя зрители решили помочь ему и с криками: «Компаньеро! Амиго! Не сдавайся!» — принялись стрелять в экран. Это говорит о том, какие возможности кино во всех своих видах открывает перед пропагандой. И не только потому, что мы часто погружаемся в переживания героев и забываем обо всем на свете. Быстрое мелькание образов не позволяет нам полностью использовать свои аналитические возможности — мы не успеваем усомниться в увиденном, а значит, скорее примем показанное нам на веру.

Философ Вальтер Беньямин в 1936 году писал в эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости»:

«Можно сравнить полотно экрана, на котором демонстрируется фильм, с полотном живописного изображения. Живописное полотно приглашает зрителя к созерцанию; перед ним зритель может предаться сменяющим друг друга ассоциациям. Перед кинокадром это невозможно. Едва он охватил его взглядом, как тот уже изменился. Он не поддается фиксации. Дюамель, ненавидящий кино и ничего не понявший в его значении, но кое-что в его структуре, характеризует это обстоятельство так: „Я больше не могу думать о том, о чем хочу. Место моих мыслей заняли движущиеся образы“. Действительно, цепь ассоциаций зрителя этих образов тут же прерывается их изменением. На этом основывается шоковое воздействие кино, которое, как и всякое шоковое воздействие, требует для преодоления еще более высокой степени присутствия духа».

Грань между реальностью и вымыслом в кино оказывается настолько размыта, что мы сами не замечаем, что ведем себя подобно кубинцам на

просмотре фильма «Коммунист», когда радуемся, плачем, возмущаемся, следя за тем, что происходит на экране, — так, как будто нам показывают «реальную жизнь».

Классический пример того, как художественные фильмы заменили реальность, — эйзенштейновский «Октябрь», снятый к десятилетию Октябрьской революции, в 1927 году. Знаменитая сцена штурма Зимнего дворца мало соответствует историческим реалиям. Но постепенно, с годами, когда фильмы Эйзенштейна становились классикой, а раскачиваемые осаждавшими ворота начали показывать по телевизору в каждую годовщину революции, придуманный режиссером штурм дворца стали воспринимать чуть ли не как документальное кино.

* * *

До сих пор ведутся споры — можно ли расценивать фильм Лени Рифеншталь «Триумф воли» как документальное (то есть в нашем представлении — реально отражающее действительность) изображение нацистского съезда в Нюрнберге.

С одной стороны, Рифеншталь сумела отснять 120 километров документальной хроники. Но в результате гениального монтажа она создала нечто, не вполне соответствующее нашему представлению о документальности. После войны Рифеншталь многие годы приходилось оправдываться за фильмы, снятые в эпоху Третьего рейха. Еще в 1965 году она заявила:

«Это чисто исторический фильм. Я уточняю, это документальный фильм. Он отражает правду истории 1934 года. Таким образом, это документальный, а не пропагандистский фильм».

Но если это документ, отражающий «правду истории», то почему здесь применен столь изысканный монтаж, нацеленный на то, чтобы произвести на зрителя как можно более сильное впечатление? Здесь, как и на плакатах с изображением Сталина, есть огромный Гитлер на фоне куда более мелких (по росту, но не по общим размерам) приветствующих его толп, есть дети, которых этот Вождь и Отец ласково приветствует. Есть тут и неожиданно возникающие средневековые памятники, мимо которых, наверное, Гитлер действительно проезжал, но которые нужны, чтобы связать фюрера с

немецкой историей, с наследием, почвой, кровью и так далее.

Немецкий социолог и историк искусства Зигфрид Кракауэр в классической работе «Пропаганда и нацистский военный фильм» подробно проанализировал те методы, которые были использованы в «Триумфе воли», а потом и в других фильмах, снимавшихся уже во время войны. Он отметил, что обычную хронику нацистские документалисты снимали достаточно просто, а вот для «постановочных» фильмов использовались все возможные технические и творческие средства. Лени Рифеншталь получила в свое распоряжение огромные технические и финансовые возможности — 30 кинооператоров и 120 сотрудников съемочной группы, так как и Гитлер, лично поручивший ей снимать нацистский съезд в Нюрнберге, и она сама прекрасно понимали пропагандистское значение фильма.

Лени Рифеншталь вспоминала, что «подготовка к партийному съезду проводилась параллельно с подготовкой к съемкам». Кракауэр замечает, что это лишний раз подтверждает его мысль:

«Съезд планировался не только как впечатляющее собрание нацистов, но и как впечатляющее действие, запечатленное на экране... „Триумф воли“ — это, конечно, фильм о партийном съезде, но можно сказать также, что сам съезд был организован для того, чтобы снять „Триумф воли“».

Понятно, почему пропаганда так нуждается в кино, — любое событие в реальной жизни происходит один раз, а на экране оно может воспроизводиться снова и снова, и каждый раз зрителям будет казаться, что они заново проживают его. Значит, можно снова и снова обрабатывать их, внушать им нужные идеи.

Зигфрид Кракауэр писал в 1942 году:

«Немцам так никогда и не удалось полностью преодолеть антирациональное, мифологическое восприятие мира. И, конечно же, одной из важных задач нацистов является укрепление этой тенденции и даже возрождение древней германской мифологии; таким образом они создают непроницаемый интеллектуальный „Западный вал“, защищающий их от проникновения демократических идей. Первые кадры „Триумфа воли“ показывают, как самолет Гитлера летит в Нюрнберг сквозь ряды восхитительных облаков: это воплощение отца всех богов

и людей Одина, который по представлениям древних арийцев проносился с грохотом по диким лесам со своей свитой».

В другой своей работе Кракауэр обратил внимание на то, что облака эти сняты Рифеншталь, любительницей альпинизма, и отметил, что «культ горных высот и гитлеровский культ слились воедино». В эстетике «Триумфа воли» он найдет влияние знаменитого фильма Фрица Ланга «Нибелунги» — опять воспоминание об Одине, о древних языческих богах, о мрачной и иррациональной мифологии. Сочетание грандиозных образов, созданных Рифеншталь, можно толковать по-разному, но при этом ясно, что их главная задача — вовсе не дать зрителю последовательно и логично изложенную информацию о партийном съезде. Нет, главное — вызвать эмоциональный отклик. Поэтому один визуальный образ быстро сменяется другим, некоторые из них повторяются снова и снова (вспомним принципы Геббельса) — вновь и вновь видны люди, вскидывающие руки в нацистском приветствии. И дело не просто в том, что они проявляют свою преданность фюреру, — они тянут руки к нему как к великому Вождю и Отцу, демонстрируют ему своих детей, вытягивают шеи, чтобы лучше видеть, чтобы почувствовать исходящее от него магическое воздействие. Кадры сопровождаются мастерски подобранной музыкой, которая подчеркивает и усиливает общее впечатление.

Кракауэр особо оговаривает, что во многих пропагандистских фильмах слов вообще нет — геббельсовская простота доведена до предела. И действительно, зачем слова, когда задача как раз — уничтожить разумное отношение к происходящему.

«Зрительные образы не ограничиваются просто иллюстрацией слов, напротив, они обладают собственным независимым существованием, которое не развивается параллельно к комментариям, а идет само по себе».

Под мощным воздействием постоянно сменяющихся образов, существующих в сочетании с музыкой (в основном исполняемой духовым оркестром — наилучшим выражением слияния отдельных инструментов в единое грандиозное целое), разум отключается, и тут открывается возможность для выхода на свободу тех самых древних, дремлющих представлений. Есть ли что-то более впечатляющее, чем факельное шествие во тьме под барабанный бой и звуки духового оркестра? Огонь, тьма и странные, древние звуки — какие ассоциации пробуждаются в

душе? Какие воспоминания, которые мы не способны выразить словами?

Зритель (он же участник) оказывается в совершенно новом мире, где нет места его мелким личным заботам — мыслям о здоровье, детях, жене, работе (фу, как это пошло), а есть только величие Вождя и величие Германии. Происходит, говоря словами Кракауэра, «тотальная трансформация реальности».

Лени Рифеншталь использует в своем фильме огромное количество крупных планов — это могут быть счастливые лица в толпе, поднятые в приветствии руки или средневековые скульптуры на улицах Нюрнберга.

«Шпиль, скульптуры, черепичные крыши и старинные фасады мелькают среди развевающихся знамен и показаны так, как будто они тоже трепещут от восторга. Они больше не составляют некий неизменный фон для происходящего, а тоже меняются. И конечно же, лица, предметы и вырванные из контекста части архитектуры постоянно снимаются на фоне неба... вещи и события вырываются из собственной сферы обитания и переносятся в странное и незнакомое пространство».

Сам съезд задумывался как грандиозное шоу, Гитлер принимал личное участие в его подготовке. Были перестроены целые районы, чтобы сделать город более приспособленным для массовых шествий, «направляющих в нужную сторону физическую энергию сотен тысяч участников». Был переделан не только город. «Были сделаны шаги для того, чтобы воздействовать на физическое и психическое состояние всех участников». Весь город постоянно находился в движении — и фильм Рифеншталь прекрасно это показывает.

«Что характерно, Гитлер принимал пятичасовой парад, стоя в машине, а не на стационарной трибуне. Всеобщей мобилизации помогали мощные стимулирующие символы: город превратился в море развевавшихся флагов во свастиками, ночи освещались кострами и факелами. На улицах и площадях постоянно раздавались возбуждающие звуки маршей. Людей тоже втягивали в это не прекращавшееся коллективное действие. Тех, кто стоял в первых рядах, „обучали говорить хором — явная имитация коммунистических пропагандистских методов, бесчисленные партийные группы создавали на

огромных территориях живые картины. „Триумф воли“ тоже показывает, как преобразился город, украшенный конструкциями, составленными из живых людей, „среди них такие живые картины, как два ряда поднятых рук, направленных к медленно проезжающему мимо них автомобилю Гитлера, показанные с высоты птичьего полета бесконечные палатки гитлерюгенда, узор, составленный из огней факелов, чей свет мы видим сквозь огромное, находящееся на первом плане знамя“».

Много сказано и написано о том, что и Геббельс, и Лени Рифеншталь внимательно изучали советский опыт, достижения великих режиссеров советского кино, прежде всего Эйзенштейна. Понятно, что их сближало — говоря словами Кракауэра — «презрение к индивидуальным ценностям» и превознесение общественного над личным. Но мало кому удалось проявить это презрение так сильно, как это сделала Лени Рифеншталь. Кракауэр пишет:

«„Триумф воли“ — гениально снятое отрицание человеческой личности, провозглашение необходимости слиться в обожании Вождя. „Триумф воли“ — это триумф нигилистической воли».

Фильм, как и сам съезд, должен был подчинить идеологии личности участников, растворить их, и в каком-то смысле это было не меньшее насилие, чем то, которое происходило в лагерях. И противостоять ему можно было, только сохраняя свою индивидуальность, свою способность думать, рассуждать, сомневаться.

По наблюдениям Бруно Беттельгейма, люди, которым внутренне было на что опереться, — например, на свои политические убеждения, или на любовь к близким, либо просто на чувство собственного достоинства, лучше выживали в концлагере, а если и погибали, то сохраняя свою личность до конца. Он приводит удивительный пример:

«Однажды группа заключенных, уже раздетых догола, была выстроена перед входом в газовую камеру. Каким-то образом распорядившийся там эсэсовец узнал, что одна из заключенных была в прошлом танцовщицей, и приказал ей станцевать для него. Женщина начала танцевать, во время танца приблизилась

к эсэсовцу, выхватила у него пистолет и застрелила его. Она, конечно, была тут же убита.

Может быть, танец позволил ей снова почувствовать себя человеком? Она была выделена из толпы, от нее потребовалось сделать то, в чем раньше было ее призвание. Танцуя, она перестала быть номером, безличным заключенным, стала, как прежде, танцовщицей. В этот момент в ней возродилось ее прежнее „я“, и она уничтожила врага, пусть даже ценой собственной жизни. Несмотря на сотни тысяч живых трупов, безропотно шедших к своей могиле, один этот пример, а были и другие подобные случаи, показывает, что если мы сами решаем перестать быть частью системы, прежняя личность может быть восстановлена в одно мгновение. Воспользовавшись последней свободой каждого, которую не может отобрать даже концентрационный лагерь, — самому воспринимать и оценивать свою жизнь, — эта танцовщица вырвалась из тюрьмы. Она сама захотела рискнуть жизнью ради того, чтобы вернуть свою личность. Поступая так же, мы, даже если не сумеем жить, то хотя бы умрем как люди».

Заключение

В инстаграме немецкого актера Ларса Айдингера, сыгравшего роль Николая II в фильме Алексея Учителя «Матильда», неожиданно было опубликовано письмо, якобы написанное Кириллом Серебренниковым, режиссером, находящимся под домашним арестом по явно сфальсифицированным обвинениям. Начиналось оно так:

«Друзья, если вы читаете это, все пошло не так, как я думал. Я оставил это сообщение тому, кому полностью доверяю. Прошу вас сохранять спокойствие и не поддаваться на провокации политических мошенников, которые стараются заработать деньги на любой истории, которую можно обернуть против властей. С открытия уголовного дела я слышал разные спекуляции на свой счет. Я даже получил предложение от президента Украины Петра Порошенко возглавить один из украинских театров и снять пропагандистский фильм с финансовой поддержкой государства. Я благодарен за такое внимание к своей персоне, но хочу сказать, что не уеду. Я не политик. Я режиссер. Я не хочу быть использованным в чьих-то грязных интересах. Несмотря на случившееся, я многое сделал для искусства. Я жил и продолжаю жить ради него. Я хочу поблагодарить своих друзей в России и за границей за поддержку».

Театровед Марина Давыдова, друг Кирилла Серебренникова, так описала произошедшее :

«Вот что сказал мне мой хороший знакомый, зав. международным отделом „Шаубюне“ Тобиас Файт: на прошлой неделе руководителю театра знаменитому режиссеру Томасу Остермайеру, а потом ведущему артисту этого же театра Ларсу Айдингеру поступил звонок от... Кирилла Серебренникова, который на чистом английском языке попросил их опубликовать это письмо.

На мой вопрос: КАК мог Кирилл, находящийся под домашним арестом, лишенный возможности общаться с миром

и даже звонить собственному адвокату, сделать звонки в ГЕРМАНИЮ, Тобиас удивленно сказал: „Да-а-а? А у нас тут все уверены, что его даже выпускают на репетиции в Гоголь-центр“.

И только после того, как я, схватившись за голову, стала объяснять, что вообще представляет собой домашний арест, что это тотальная изоляция от мира и что звонивший просто не мог быть Кириллом, за голову схватился уже сам Тобиас».

Марина Давыдова комментирует происходящее:

«Разумеется, Кирилл не писал это письмо. Он просил своего адвоката Дмитрия Харитонова передать это всем, но даже если бы не было заявления адвоката, мне бы и так это было совершенно ясно. Человек — это стиль. Но стиль письма — не стиль Кирилла. А уж изложенная в нем история про Порошенко, который позвал к себе опального режиссера снимать фильм про нехорошую Россию, и вовсе отдает каким-то дурным водевилем...

Кому-то выгодно мутить воду и ловить в ней рыбку, запускать дезу и потом с интересом наблюдать за реакцией общества по ту и по эту сторону границы».

Филолог Сергей Зенкин подробно анализирует то, что произошло:

«Как важно понимать прагматику высказывания.

На „Дожде“ опубликовали текст „открытого письма“ Кирилла Серебренникова, якобы оставленного им перед арестом немецкому актеру Айдингеру — исполнителю главной роли в фильме „Матильда“. В письме, написанном по-английски, автор заявляет о своей невиновности, но призывает своих сторонников к сдержанности, отмежевывается от Порошенко, который якобы приглашал его снимать „пропагандистский фильм“ на украинские деньги, предостерегает против „радикалов“, пытающихся его использовать в „грязных интересах“. Кое-кто уже начал всему этому верить. На самом деле подложность письма очевидна, можно даже не вчитываться в его текст. Если бы Серебренников действительно хотел от чего-то предостеречь своих сторонников — очевидно, российских,

потому что от чего предостерегать западных? — то он написал бы письмо по-русски, оставил бы его в России и нашел бы более авторитетного посланца (уж наверняка многие бы согласились). Собственно, именно выбор посланца больше всего и выдает задачу публикации: не убедить кого-либо от имени Серебренникова, а скомпрометировать его, так, чтобы он вообще никого ни в чем не мог убедить. Для этого его и привязывают к скандалу с „Матильдой“, и здесь опять-таки очевидна российская адресация фейка: для западных людей „Матильда“ ничего не значит, а у нас из-за нее уже начали кинотеатры жечь, и имя ее актера само по себе токсично. При этом, как это любят делать, для пущей солидности фейк запускают „из-за границы“, на иностранном языке и через чужую страну. Сочинители фальшивок всегда переигрывают, у них всегда торчат уши.

Ну и, разумеется, о подложности письма уже заявил адвокат Серебренникова».

«Пранкеры Вован и Лексус», уже «разыгрывавшие» по телефону многих знаменитых людей, заявили, что это была их «шутка». Действительно ли это так, или за действиями двух циничных шутников стояли какие-то другие силы — пока не понятно. Наверное, когда-нибудь механизм этой фальсификации будет раскрыт, но пока, к сожалению, понятно одно. У тех, кто нагло лжет, действительно всегда «уши торчат», но это, увы, не мешает тысячам людей верить их гнусным выдумкам.

Мы живем в мире, где нами постоянно кто-то хочет манипулировать. Политики внушают нам свои идеи, рекламщики добиваются того, чтобы мы покупали больше товаров, государство хочет, чтобы мы действовали так, как нужно власти, хотя это может идти вразрез с нашими собственными интересами.

Окунаясь в этот манипулятивный мир, мы как будто оказываемся на страницах комиксов — здесь все предельно просто. Вот он, злодей, с омерзительно искаженным лицом. Он уже занес руку для удара. Вот его несчастная жертва — она слаба и прекрасна, она нуждается в защите, это маленький ребенок или девушка с золотистыми локонами. А вот герой — высокий, стройный, сильный, он спасает слабых, помогает угнетенным, побеждает злодея.

В мире действительно есть злодеи и жертвы, есть те, кто помогает жертвам, и те, кто борется со злодеями. Вот только наш мир — это не

комикс, в нем множество оттенков — и в злодее может оказаться что-то хорошее, и герой может быть неидеальным. А главное — настоящим злодеем далеко не всегда оказывается тот, на кого нам указывают, кто соответствует нашим стереотипным представлениям о злодействе. Точно так же и герои не всегда выглядят и действуют как в комиксах. Это могут быть совсем обычные люди, которые просто делают добро — учат, лечат, строят, а вовсе не сражаются на баррикадах.

В комиксе всегда легко понять, кто «хороший», а кто «плохой». Для того чтобы понять это в реальном мире, надо приложить усилия, подумать, а главное — устоять перед напором пропаганды. Каждый из нас имеет право самостоятельно решить, кто для него хорош, а кто плох, и не принимать на веру слова и образы, которыми его обрабатывают круглые сутки. Слова могут быть очень хорошими, идеи, стоящие за ними, — самыми благородными, рекламные ролики могут предлагать нам прекрасные товары. Но все-таки достойнее сначала подумать, сравнить, проанализировать — и решить самому.

notes

Примечания

1

<https://ok.ru/naytiinakazat/topic/62206404476985>

2

<https://takiedela.ru/topics/sisters/>

<https://takiedela.ru/2017/05/takaya-rossiya-iznasilovaniy/>

4

<http://echo.msk.ru/blog/hemera/1690244-echo/>

<https://www.welt.de/politik/deutschland/article152018368/1054-Strafanzeigen-nach-Uebergriffen-von-Koeln.html>

6

<https://www.kp.ru/daily/26426/3299114/>

<http://worldcrisis.ru/crisis/2894460>

<https://www.svoboda.org/aZ28926616.html>

<https://whitefleet.net/2017/01/07/us-coast-guard-to-upgrade-its-heavy-icebreaker-fleet/>

<https://www.usfa.fema.gov/grants/>

<https://takiedela.ru/2017/04/vyzhzhennaya-zemlia/>

<https://rg.ru/2017/09/07/reg-szfo/kvartira-peterburgskih-blokadnikov-okazalas-neprigodna-dlia-zhizni.html>

<http://www.newsru.com/vlad/2016/12/13/154466/>

<https://snob.ru/profile/8297/blog/115780>

<https://takiedela.ru/2015/11/portland-hospital/>

<https://www.miloserdie.ru/article/dver-v-reanimaciyu-obstoyatelstvo-nepreodolimojsily/>

<https://www.svoboda.org/a/449517.html>

<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/12/16/AR2008121600924.html>

<http://www.rbc.ru/investigation/society/17/01/2017/585802559a794798dcb9>

<http://amurmedia.ru/news/484427/>